

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1886.

№ 2.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Слово въ день преподобнаго Антонія Великаго. О силѣ слова Христова. Преподобнаго Амвросія 73—84
- Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковского университета В. Надлера 85—132
- Обозрѣніе важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ. О. Садова 133—143

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія. Профессора Московской духовной академіи В. Кудрявцева 51—77
- Изъ исторіи греческой этики. Литературно-философскіе очерки (продолженіе). А. Деревницкаго 78—91
- М. Т. Цицерона „Тускуланскія бесѣды“ къ М. Бруту (кн. 1-я). О. Садова 92—102

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленія Святейшаго Синода.—Отношеніе Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ отъ 21 декабря 1885 года за № 14962 на имя Его Преподобности Преподобнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1884/85 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ № 26.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относяціяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералоптова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884 и 1885 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Февраля 1 дня 1886 года.

Цензоръ, Протоіерей Т. Павловъ.

СЛОВО

Преподобнаго Амвросія Епископа Харьковскаго

въ день преподобнаго Антонія Великаго *).

О силѣ слова Христова.

*Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ
суть и животъ суть (Іоан. 6, 63).*

Мы привыкли глаголъ или слово признавать облаченіемъ или выраженіемъ мысли, изъ совокупности мыслей составлять познанія, изъ познаній—науки; а потомъ и самыя науки прилагать къ жизни, тамъ гдѣ это возможно. Но вотъ изъ устъ Іисуса Христа мы слышимъ иное опредѣленіе слова: „слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь“. Слово, наполненное духомъ и жизнью, для науки представляется какъ-бы неимѣющимъ опредѣленнаго содержанія; духъ, какъ личность, понять не трудно; жизнь, какъ проявленіе силъ сотворенныхъ существъ, также можетъ быть наблюдаема; но что такое духъ и жизнь въ словѣ? Правда, у насъ есть понятія о духѣ, въ какомъ говорится слово, и о жизни въ словѣ, но только въ смыслѣ направленія мысли и облаченія ея въ образы и картины, сообщающія ей

*) Произнесено 17 января въ день храмоваго праздника и годичнаго акта въ Харьковскомъ университетѣ.

ясность и силу впечатлѣнія; но мысль въ словѣ, по требованіямъ человѣческаго знанія, должна имѣть главное преобладающее значеніе. Между тѣмъ въ словахъ Христа Спасителя мы должны, по Его указанію, видѣть преобладающими духъ и жизнь; мысли какъ-будто ставятся въ тѣни. Должно сказать даже больше: самое слово здѣсь представляется не органомъ только мысли, а самою силою, духомъ, жизнью. Что-же это за особое слово, столь отличное отъ научнаго по своему содержанію? Можетъ-ли оно быть обращено въ предметъ знанія? Не противорѣчитъ-ли оно нашимъ природнымъ законамъ мышленія и познанія? Мы не знаемъ, дастъ-ли кто на эти вопросы отвѣтъ отрицательный, но знаемъ, что по этому предмету существуетъ много недоразумѣній и даже заблужденій, вредящихъ и наукѣ и вѣрѣ, и столь естественному и необходимому союзу между ними.

Попробуемъ изъяснить приведенное нами изреченіе Христа Спасителя—не по нашимъ школьнымъ условіямъ и требованіямъ, а какъ оно само даетъ разумѣть себя, или какъ изъясняетъ его ученіе Самого Господа и Его апостоловъ.

Священное Писаніе даетъ намъ понять въ словѣ Христовомъ три существенныя особенности, отличающія его отъ слова человѣческаго: во-первыхъ въ отношеніи къ его смыслу и вліянію на людей, потомъ въ способахъ проникновенія его въ души человѣческія и, наконецъ, въ господствующемъ его направленіи.

Иисусъ Христосъ съ первыхъ словъ Своей проповѣди далъ намъ понять, что Онъ не человѣкъ-мыслитель, не ученый, сообщающій людямъ новое ученіе, а обѣтованный Искушитель міра, пришедшій совершить спасеніе людей и призвать всѣхъ въ царство Отца Своего небеснаго. Его слово, какъ слово Сына Божія, было, по

сознанію самихъ слушателей, *со властію*, покоряющею духъ человѣка силѣ Божіей, а не таково, какъ слова книжниковъ и фарисеевъ (Мар. 1, 22). Поэтому при первомъ его звукѣ смирялись души способныя его слышать, какъ умолкаетъ малое дитя предъ твердымъ голосомъ своего отца. Это и теперь чувствуютъ всѣ берущіе въ руки Евангеліе съ мыслию, что въ немъ Богъ говоритъ душѣ человѣческой.

При этомъ общемъ понятіи о словѣ Христовомъ для насъ становится весьма важною та особенность, что Господь никогда не обращался къ одному уму человѣка, а всегда къ цѣлому духу человѣческому,—его уму, сердцу и совѣсти. Онъ бралъ людей тамъ, гдѣ ихъ находилъ — по внутреннему ихъ состоянію, — въ страданіяхъ сердца, въ мученіяхъ совѣсти, въ скорбяхъ земной жизни и, давши имъ почувствовать тягость настоящаго ихъ состоянія, возводилъ ихъ къ сознанію возможности лучшей жизни, и говорилъ: покайтесь, приблизилось царствіе небесное (Марк. 1, 15), — *приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные*“ (Мѡ. 11, 28). Такимъ образомъ Онъ, явившись въ міръ, какъ-бы подавалъ Своему погибающему созданію Свой творческій и отеческій голосъ. Какая мысль въ голосѣ человѣка, зовущаго насъ къ себѣ и называющаго насъ по имени? На первый разъ никакой. Все дѣло въ томъ, знакомъ-ли намъ голосъ, милъ - ли онъ намъ и желательно - ли намъ видѣть того, кто зоветъ насъ къ себѣ. Если зоветъ любимый нами человѣкъ, мы идемъ и не зная зачѣмъ; съ другой стороны, если мы заблудились, нуждаемся въ чемъ-нибудь, страдаемъ, мы идемъ на всякій понятный намъ голосъ въ надеждѣ помощи. Въ этомъ смыслѣ ученіе Спасителя нашего и называется званіемъ Божіимъ, привлеченіемъ человѣка къ Богу (Іоан. 6, 44. 2 Тим. 1, 9) и въ этомъ-же

смыслѣ Онъ говоритъ, что овцы своихъ Онъ знаетъ по имени, и что овцы гласа Его слушаютъ (Іоан. 10, 3). Это таинственное отношеніе духа человѣческаго ко Христу Спасителю всегда познается и нами, но не умомъ, а сознаниемъ и опытомъ сердца, если мы не очерствѣли и не оплотенѣли, а, по слову Господа, имѣемъ уши, чтобы Его слышать (Мѡ. 11, 15).

Это жизненное духовное вліяніе легко изъясняется примѣромъ изъ нашихъ человѣческихъ отношеній. Есть люди, съ которыми при первомъ знакомствѣ намъ пріятно быть: и лицо. и рѣчь, и взглядъ, — все располагаетъ насъ къ нимъ, все влечетъ къ общенію съ ними. Въ чемъ-же тайна этого влеченія? Во вліяніи ихъ личности на нашу личность, ихъ жизни на нашу жизнь. Какими путями идетъ къ намъ отъ нихъ это вліяніе? Не знаемъ опредѣленно, но очевидно, что и помимо испытующей мысли есть между нами неувимые способы дѣйствованія одного человѣка на другаго. Въ данномъ случаѣ мы изучаемъ человѣка и познаемъ умомъ уже послѣ того, какъ расположились къ нему, и только послѣ ближайшаго разсмотрѣнія и опытовъ мы убѣждаемся, что не ошиблись въ немъ. Посмотрите въ Евангеліи, какъ массы народа стремились къ Іисусу Христу, окружали, гѣснили, всюду ждали Его, чтобы взглянуть на Него, хотя издали, — и это было тогда, когда не составилось о Немъ ни въ народѣ, ни между властями іудейскими опредѣленнаго понятія. Его лицо, сіяющее божественною чистотою, Его проникающій въ душу взоръ, Его мощная рѣчь, — все влекло къ Нему народъ, утомленный человѣческою двуличностію, лицемѣриемъ и ложью. А какими силами духа современники принимали Его слово, и при томъ многіе-ли и многое-ли въ немъ понимали, это трудно сказать; но слово Его вліяло на людей, какъ объемлющая все существо человѣка и всепокоряющая сила, —

въ немъ всѣмъ чувствовалась и жалость къ человѣчеству, и истина обличенія, и сила любви, и озареніе высшимъ свѣтомъ и радостію жизни при изображеніи открываемаго имъ царствія Божія. Люди, по нашему выраженію, не мыслящіе, каковы были воины, посланные отъ сннедріона взять Его, послушавъ Его, отказались исполнить данное имъ приказаніе и на вопросъ: для чего вы не привели Его,—отвѣчали: „никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ“ (Іоан. 7, 45—46). А если-бы ихъ спросили, что Онъ говорилъ, въ чемъ состоитъ превосходство Его ученія, они сказали-бы не больше того, что скажетъ и нынѣ простой неученый христіанинъ, мало понимающій ученіе Господа, но всѣмъ сердцемъ Его любящій. А все-ли понимали и сами апостолы до Его воскресенія? Когда многіе, слѣдовавшіе за Іисусомъ Христомъ, соблазнившись ученіемъ Его о таинствѣ Причащенія, оставили Его, апостоль Петръ лучше всѣхъ, какъ мы видимъ изъ Евангелія, понимавшій своего божественнаго Учителя, на вопросъ Его: не хотите-ли и вы Меня оставить, отвѣчалъ именно съ тою особенностію, которая, по нашимъ научнымъ притязаніямъ, намъ кажется неопредѣленностію: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“.. (Іоан. 6, 67—68). Апостоль зналъ что разумѣлъ подъ этимъ, но можно думать, что онъ тогда такъ-же мало, какъ и другіе, могъ-бы перевести свой отвѣтъ въ логическія понятія. Онъ зналъ что чувствовалъ, зналъ, что его чувство не обманываетъ его, что онъ счастливъ внутренно въ этомъ союзѣ своей души съ божественнымъ духомъ своего Учителя и отвѣчалъ почти тоже, что сказалъ безъ сознанія въ духовномъ восторгѣ въ минуты преображенія Христова: *Господи, добро есть намъ здѣь быти* (Мѡ. 17, 4). И такъ слово Христово не только есть сила,

покоряющая и влекущая къ Нему человека, оно есть духъ, вводящій его въ сознаніе возможности высшей и лучшей духовной жизни, чѣмъ та, какую онъ обыкновенно испытываетъ, — духъ, производящій возбужденіе и влеченіе къ этой жизни, желаніе продолженія ея безъ конца: оно есть глаголь живота вѣчнаго.

Что касается до способовъ дѣйствованія слова Христова на человека или до тѣхъ путей, какими оно проникаетъ въ нашу душу и покоряетъ насъ себѣ, то эти пути и способы на всегда останутся для насъ тайною. Когда, гдѣ, и какъ изъ нашей грѣшной жизни Господь позоветъ насъ къ Себѣ, съ чего Онъ начнетъ убѣждать, или лучше, побѣждать насъ, когда и чѣмъ Онъ дастъ намъ почувствовать силу Своего слова, — всего этого ни узнать, ни изучить, ни привести въ систему мы не можемъ. Это Господь далъ намъ понять въ бесѣдѣ о возрожденіи съ ученымъ и любознательнымъ Никодимомъ: „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ, и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ рожденнымъ отъ Духа“ (Іоан. 3. 8). Что это ученіе о таинственныхъ дѣйствіяхъ благодати возрожденія относится не только къ христіанскимъ таинствамъ, но и къ слову или ученію Христову, мы находимъ этому подтвержденіе въ знаменіяхъ, явленныхъ при сошествіи Святаго Духа на апостоловъ: на cadaго изъ нихъ низошли „огненные языки“ — знакъ слова, и „при шумѣ съ неба, какъ-бы отъ несущагося сильнаго вѣтра“ — знакъ силы; затѣмъ мы видимъ оправданіе того и другаго указанія въ послѣдовавшемъ затѣмъ обращеніи проповѣдью апостола Петра многихъ тысячъ людей къ вѣрѣ во Христа (Дѣян. 2). Побѣждаемые благодатію Христовою, мы подчиняемся Его руководству, а подчинившись, начинаемъ познавать и Его божественное ученіе въ качествѣ истинъ, просвѣщаю-

щихъ умъ до пріобрѣтенія цѣлаго образа *здравыхъ словесъ* (2 Тим. 1, 13) или цѣльнаго христіанскаго міросозерцанія. Отсюда становится яснымъ, что просвѣщеніе ученіемъ Христовымъ совершается не такъ, какъ просвѣщеніе наукою человѣческою, а въ обратномъ порядкѣ. Въ наукѣ мы сначала изучаемъ, познаемъ и потомъ вслѣдствіе познанія убѣждаемся въ истинѣ, а въ просвѣщеніи евангельскою истиною сначала убѣждаемся въ силѣ Христовой, покоряемся Ему и вѣруемъ въ Него, какъ Сына Божія, какъ въ свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ (Іоан. 1, 9), а потомъ уже въ этомъ свѣтѣ познаемъ всю совокупность открытыхъ намъ тайнъ божественной премудрости въ дѣлѣ спасенія людей. И только этотъ путь ведетъ къ истинному христіанскому богопознанію. Кто относится къ Евангелію сначала умомъ вопрошающимъ, пытливымъ и сомнѣвающимся, тотъ встрѣчаетъ всюду затрудненія и не дойдетъ до убѣжденія въ Христовой истинѣ, а кто начинаетъ смиреннымъ, послушливымъ пріятіемъ всѣми силами своего духа благодатныхъ впечатлѣній Евангелія, ощущая на себя благотворность его божественнаго свѣта, тотъ *сердцемъ вѣруетъ въ правду* (Рим. 10, 10) и умомъ дойдетъ до сознательнаго убѣжденія въ превосходствѣ христіанскаго ученія предъ всѣми ученіями человѣческими. И только при этомъ условіи могутъ быть ясны, отчетливы и крѣпки христіанскія убѣжденія. Кто, по слову Спасителя, сталъ причастнымъ силы Его, тотъ „не можетъ вскорѣ злословить Его“ (Мар. 9, 39). Итакъ, если есть нынѣ въ мірѣ христіанскомъ люди уничижающіе и хулящіе имя Его, — это ясный знакъ, что они не такъ подошли къ Нему, не познали Его сердцемъ и не ощутили въ себѣ духа и жизни Его слова, или же по слову апостола, и „вкусивши благаго Божія глагола“, въ долгомъ блуж-

даніи на ложныхъ путяхъ знанія, растеряли святую теплоту сердца, сознаніе духовнаго союза съ Нимъ и „отпали отъ Него“ (Евр. 6, 5—6).

Призываніемъ въ царствіе Божіе опредѣляется понятіе и о направленіи слова Христова. Оно не есть ученіе, питающее только любознательность ума человѣческаго, а созидающее новую духовную жизнь въ человѣчествѣ, чрезъ проведеніе въ его сознаніе истиннаго идеала человѣческаго совершенства и чрезъ указаніе способовъ приближенія къ нему. Самъ Господь указываетъ на опыты благотворности своего ученія въ примѣненіи его къ жизни, какъ на лучшія средства убѣжденія въ его истинѣ: „кто хочетъ творить волю Отца небеснаго, говоритъ Онъ, тотъ узнастъ о семъ ученіи, отъ Бога-ли оно“. (Іоан. 7, 17). Оторванное отъ жизни ученіе Христово представляетъ для ума человѣческаго непримиримыя противорѣчія, —напротивъ, направляемое къ жизни, оно становится для насъ въ каждомъ частномъ случаѣ руководящимъ свѣтомъ. Однажды апостолы, оскорбленные тѣмъ, что жители одного селенія самарянскаго, не приняли ихъ Учителя, возревновали о чести Его и просили, чтобы Онъ позволилъ имъ, по примѣру пророка Іліи, низвести огонь съ неба и истребить ихъ, но Господь сказалъ имъ: „не знаете, какого вы духа; ибо Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасти“ (Лук. 9, 52—56). Какъ цѣльность въ исповѣданіи ученія вѣры, такъ и цѣльность во взглядахъ на жизнь, установленныхъ словомъ и примѣромъ Спасителя нашего, у апостола Павла равно называются духомъ Христовымъ: „кто духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его“ (Рим. 8, 9). Поэтому и весь характеръ ученія христіанскаго такъ опредѣляетъ тотъ-же апостолъ: „слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ

словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4).

Сдѣлаемъ выводы изъ высказанныхъ нами основаній примѣнительно къ духовнымъ потребностямъ нашего времени.

Если мы хотимъ быть, а не называться только христіанами,—Библия въ цѣломъ своемъ составѣ постоянно должна быть предметомъ нашего изученія. Оба завѣта, ветхій и новый, взаимно поясняютъ другъ друга. и только изъ совокупности всего ихъ содержанія намъ становится яснымъ все домостроительство нашего спасенія и во всемъ свѣтѣ выступаетъ передъ нами главный предметъ всего Писанія—Божественное Лице нашего Искупителя. Здѣсь мы находимъ разрѣшеніе недоумѣній, примиреніе противорѣчій; здѣсь изъ дышащаго всюду духа Христова мы почерпаемъ духъ вѣры и убѣжденіе въ божественномъ происхожденіи нашей религіи. Разрушеніе цѣлости библейскаго текста есть разрушеніе христіанства; уваженіе по выбору къ однимъ книгамъ Священнаго Писанія съ отрицаніемъ достоинства другихъ есть первое проявленіе произвола въ обращеніи съ дѣломъ рукъ Божіихъ и первый шагъ къ невѣрію. Чтеніе Священнаго Писанія частое, если можно ежедневное, есть практическое питаніе, возбужденіе и охраненіе нашей вѣры, но только тогда, когда разумѣніе его не уклоняется отъ разумѣнія Церкви Христовой. Слово Божіе есть основаніе Церкви, Церковь есть осуществленіе слова Божія въ жизни. Тамъ и тутъ неотлучно пребываетъ Христосъ по данному Имъ обѣтованію (Мѡ. 28, 20); тамъ и тутъ мы у Него Самого учимся, отъ Него почерпаемъ жизнь, подъ Его руководствомъ воспитываемся для царствія Божія.

Великое несчастіе новаго христіанскаго міра состоитъ въ томъ, что онъ дозволилъ себѣ извлекать изъ

слова Христова одно ученіе въ качествѣ голыхъ мыслей, составлять изъ нихъ системы по человѣческой логикѣ и довольствоваться этими системами, какъ изложеніемъ сущности христіанства. Никто не отрицаетъ достоинства научнаго изложенія христіанскаго ученія, но не ему принадлежитъ первое мѣсто въ нашемъ духовномъ просвѣщеніи, а непосредственному слову Божию. Мыслями изъ составляемыхъ нами системъ питается умъ, но духомъ Христовымъ изъ слова Божія питаются преимущественно сердце и совѣсть—самыя источныя начала нашей жизни. Умъ можетъ быть наполненъ благими мыслями, но они безъ воспитанія сердца и совѣсти, по причтѣ Спасителя, *корене не имутъ* (Лук. 8, 13) и не даютъ плода христіанской жизни. Мысли не углубленныя въ почву сердца надмѣваютъ умъ, плодятъ споры, возбуждаютъ сомнѣнія, допускаютъ смѣшеніе ученія вѣры съ ученіями человѣческими и изъ христіанъ дѣлаютъ воспитанниковъ школы, а не Церкви. Въ странахъ глубокаго сѣвера бываютъ и теплые дни, и дожди, и свѣтъ солнца, но не растутъ высокія деревья и не зрѣютъ благородныя плоды, потому что тамъ вѣчный ледъ въ подпочвѣ: таково состояніе нашего духа съ образованнымъ умомъ, но съ несогрѣтымъ духомъ Христовымъ и невоздѣланнымъ сердцемъ.

Большое наше несчастіе состоитъ и въ томъ, что мы перестаемъ оцѣнивать наши нравы и обычаи и все направленіе нашей жизни по ученію Христову, а смотримъ на все съ человѣческихъ точекъ зрѣнія и нами самими утверждаемыхъ началъ жизни. Отвсюду—и въ раціональныхъ воззрѣніяхъ къ намъ подкрадывается, но въ противохристіанскихъ нравахъ и обычаяхъ преимущественно находитъ себѣ мѣсто, такъ называемый, *духъ міра или духъ времени*. Это тоже во всей точности и пол-

потѣ неопредѣлимый, неописуемый и неуловимый живой духъ, также непрестанно дышущій и движущійся— иногда тихо, но настойчиво, а иногда порывисто и бурно,—но духъ враждебный Христу, духъ не жизни, а смерти. Многіе его отрицаютъ, многіе не замѣчаютъ, но подъ его вліяніемъ вѣчно движутся, волнуются не озаряемыя свѣтомъ и не оживотворяемыя духомъ Христовымъ массы человѣчества, и нашъ земной міръ безостановочно идетъ къ своему концу указаннымъ отъ Господа "путемъ оскудѣнія вѣры въ Него и любви къ Нему (Лук. 18; 8).

Нельзя довольно удивиться той любви и заботливости, съ какою предостерегаетъ насъ слово Христово отъ безпечности и побуждаетъ къ бдительному охраненію нашего духовнаго зрѣнія и слуха для постояннаго наблюденія за движеніями *духовъ*. А св. Іоаннъ Богословъ даетъ въ этомъ отношеніи наставленіе такое ясное, что оно можетъ служить руководствомъ и для самаго простаго христіанина: „искушайте духовъ, говоритъ онъ, отъ Бога-ли они; всякій духъ, который не исповѣдуетъ Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога“ (1 Іоан. 4, 3). Вотъ рѣшительный и ясный приговоръ всѣмъ ученіямъ, смѣшивающимъ Библию съ книгами человѣческими и нашего Христа Спасителя съ мудрецами міра.

Спросимъ свободномыслящихъ образованныхъ людей нашего времени: желаете-ли вы при вашихъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, далекихъ отъ точности христіанскаго ученія и послушанія законамъ и уставамъ Церкви Христовой, остаться христіанами, или хотите быть подъ какимъ либо инымъ знаменемъ въ вашей умственной и нравственной жизни? Думаемъ, что только люди невѣрующіе ни въ Бога живаго, ни въ міръ духовный, ни въ безсмертіе души,—для которыхъ любимое обще-

ство есть царство животныхъ,—могутъ дать на этотъ вопросъ рѣшительный отвѣтъ не въ пользу христіанства; большинство же не отречется отъ имени христіанскаго, по крайней мѣрѣ потому, что христіанская цивилизація доселѣ признается ими лучшею всякой не христіанской. Другой вопросъ: какъ вы желаете быть христіанами,—*по своему*, или по ученію и установленіямъ Учредителя христіанства, Котораго имя носите? Если *по своему*, то вы съ каждымъ либеральнымъ движеніемъ ума и воли выступаете изъ ограды христіанства, или изъ Церкви Христовой, членовъ которой Онъ только и называетъ *Своими* (Іоан. 10, 14) и чѣмъ дальше вы отсюда уходите, тѣмъ больше становитесь Ему *чужими*. А быть Ему чужимъ—значить не имѣть *части съ Нимъ* (Іоан. 13, 8), т. е. наслѣдія въ томъ царствѣ вѣчной жизни, къ которому Онъ насъ путеводитъ. У кого не дрогнетъ сердце при мысли быть Имъ отверженнымъ, или выброшеннымъ изъ корабля—Церкви въ бурное море, такъ называемаго въ писаніи *міра*, противопологаемаго Церкви,—съ его сомнѣніями, заблужденіями, пороками, съ его измѣнчивостію, нравственнымъ безсиліемъ, мракомъ, лежащимъ надъ будущимъ земнымъ и непроницаемою тьмою, покрывающею будущность заморскую,—для кого все это не страшно, тотъ, какъ свободный, можетъ распорядиться своею судьбою, какъ ему угодно; но пусть онъ знаетъ, что онъ уже теряетъ права на имя христіанина. Аминь.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

XVI.

Внутренній смыслъ великихъ событій 1812 года не остался сокровеннымъ и непонятнымъ для современниковъ. Всѣ они тѣми или иными словами, въ той или другой формѣ, повторяли одну и ту же мысль, озарившую, подобно молніи, милліоны умовъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ іерарховъ русской Церкви, Филаретъ, митрополитъ Московскій, лучше и полнѣе другихъ выразилъ сущность этой мысли **). За что шла великая борьба 1812 года? Быть можетъ, дѣло шло въ ней, какъ и во многихъ другихъ войнахъ объ интересахъ чисто политическихъ, но маловажныхъ и скоропреходящихъ? Нѣтъ! отвѣчаетъ намъ архипастырь русской Церкви. Нашествіе Наполеона на Россію было послѣднимъ страшнымъ патискомъ французской революціи на ту державу, которая одна, за исключеніемъ островной Англіи, успѣла удержать еще до

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 24.

***) Мысли и замѣчанія Филарета по поводу великихъ событій отечественной войны встрѣчаются въ различныхъ его произведеніяхъ, но, главнымъ образомъ, въ его знаменитомъ разсужденіи: „О причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года“.

той поры и свою независимость, и свое достоинство *). „Буря мятежа разрушила и престолъ царя и алтари Христовы у народа, который дотолѣ, повидимому, дышалъ только легкимъ вѣтромъ, и ужасныя развалины омывалъ продолжительный дождь кровавый. Изъ порывовъ безначалія родился, какъ сильный вихрь, похититель власти, который то уносилъ престолы съ мѣста, гдѣ они были, то поставлялъ ихъ на мѣстахъ, гдѣ ихъ не было, и который, наконецъ, поднявъ большую часть Европы, несъ обрушить ее на Россію“ **).

Что случилось-бы съ Европою, съ человѣчествомъ, если-бы этотъ послѣдній натискъ силъ разрушительныхъ увѣнчался такимъ-же успѣхомъ, какъ и всѣ предъидущіе, если-бы Россія пошатнулась и пала въ неравной борьбѣ? „Что если-бы на сіе время, когда такъ укрѣпился и возвысился сей излишній на земли, что если-бы Господь не воздвигъ потребнаго на ней? Что было-бы съ народами, которые со дня на день, умножая собою число поработенныхъ, чрезъ сіе самое умножали число орудій поработенія и увеличивали силу поработителя? Что было-бы со священнымъ царскимъ достоинствомъ, которое непорфирородный царь оскорблялъ сугубо и уничиженіемъ порфирородныхъ и возвышеніемъ непорфирородныхъ? Что было-бы съ народнымъ духомъ, что было-бы съ просвѣщеніемъ и разумомъ образованнѣйшей части свѣта, когда неограниченное самолюбіе никакихъ границъ не уважающаго властителя непременно требовало, чтобы все умѣло только раболѣпствовать передъ нимъ, чтобы добродѣтель подвизалась только исполнять его волю, истина—ему ласкательствовать, знаніе—изобрѣтать только средства для его цѣли, искусство—производить ему памятники его славы или размножать его идола? Чего надлежало ждаты христіанскому богослуженію отъ мнимаго въ своей землѣ возстановителя онаго,

*) „Особенное время, на которое имѣющій въ руцѣ своей власть земли, какъ необходимо потребнаго воздвигъ Александра I-го, было не тихое утро Россіи, но бурный вечеръ Европы“. Изъ слова надъ гробомъ Александра I-го.

***) Изъ слова надъ гробомъ Александра I-го.

который далъ ему видъ возстановленія только для того, чтобы черезъ то получить себѣ видъ освященія...?“ *)).

И такъ человѣчеству и всѣмъ идеальнымъ сторонамъ его жизни грозили полнѣйшее изсякновеніе и духовная смерть, если-бы Россія пала подъ ударами Наполеона. Но Россія устояла и вышла побѣдительницею изъ небывалаго страшнаго испытанія. Чѣмъ - же объяснить такой чудесный никѣмъ не предвидѣнный исходъ? Проповѣдникъ указываетъ прежде всего на личный моментъ. „Какое безпредѣльное благодѣяніе имѣющаго въ руцѣ своей власть земли, что воздвигъ на землѣ Александра, дабы заключить бездну золь, открывшуюся передъ нами“, восклицаетъ онъ. „Богъ, который воздвигъ Александра на время необычайныхъ браней и подвиговъ, научилъ его противопоставлять оружіямъ воинства плотскимъ не однѣ плотскія, но наипаче духовныя.... хитрости—правду, дерзости—твердость и терпѣніе, надменности—кротость и смиреніе, надеждѣ на искусство и силы человѣческія—упованіе на помощь и провидѣніе Божіе“ **).

Но одинъ личный моментъ не въ состояніи еще объяснить всего чуда избавленія Россіи и Европы. Благочестивые, человѣколюбивые, истинно-христіанскіе монархи стояли тогда и во главѣ другихъ европейскихъ государствъ. Стоитъ лишь припомнить личнаго друга императора Александра, коро-

*) Въ этихъ немногихъ словахъ Филаретъ мастерски изобразилъ роковыя послѣдствія Наполеоновскаго владычества для европейскаго міра. Исторія Наполеона Ланфре, изслѣдованія Трейчке, мемуары Ремюза ознакомили уже массу образованной публики съ истиннымъ характеромъ Наполеоновскаго режима и разсѣяли, наконецъ, ореоль, окружавшій такъ долго голову желѣзнаго деспота. Наполеонъ не терпѣлъ ни политической, ни общественной, ни научной свободы. Онъ требовалъ, чтобы наука и искусство работали только для него, чтобы всѣ таланты служили только ему. Все свободное и сколько-нибудь независимое казалось ему пустою и вредною идеологіею. Даже общественныя увеселенія должны были совершаться лишь по его разрѣшенію и по установленной имъ программѣ. На христіанскую Церковь Наполеонъ смотрѣлъ, какъ на полицейское учрежденіе, весьма пригодное для сдерживанія буйныхъ инстинктовъ толпы. Служители Церкви должны были быть такими-же слѣпыми и покорными орудіями его воли, какъ гражданскіе префекты и военные генералы.

***) „И что-же послѣдовало? Идолъ Франціи сокрушился о грудь Россіи!.. Изъ рѣчи надъ гробомъ Александра I-го.

ля Прусскаго, Фридриха-Вильгельма III. Онъ былъ образцомъ истиннаго человѣка и христіанина на тронѣ. И что же? Его государство, считавшееся еще такъ недавно первою военною силою во всей Европѣ, пало при первомъ прикосновеніи къ нему желѣзной руки завоевателя; только великодушное предстательство русскаго императора спасло тогда монархію Фридриха Великаго отъ окончательнаго уничтоженія. Александръ могъ сокрушить Наполеона лишь потому, что онъ стоялъ во главѣ русскаго, а не какого либо иного государства. Монархіи Европы пали передъ напоромъ представителя революціи, потому что въ ихъ народахъ была колеблена и искажена идея христіанскаго государства, потому что царская власть утратила въ нихъ религіозную основу своего существованія, и народы перестали видѣть въ своихъ прирожденныхъ государяхъ избранниковъ Божіихъ и представителей власти Бога на землѣ.

„Что есть государство?“ *) вопрошаетъ Филаретъ. „Нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властью сопряженный съ единствомъ всецѣлаго. Итакъ, чѣмъ постоянноѣ оно удерживаетъ себя въ союзѣ Верховнаго Правителя міра соблюденіемъ его закона, благочестіемъ и добродѣтелью, тѣмъ точнѣе входитъ во всеобщій порядокъ его правленія, тѣмъ обильнѣе пріемлетъ отъ него силы къ своему сохраненію и совершенствованію. Оставивъ Бога, оно можетъ быть оставлено на нѣкоторое время самому себѣ, по закону его долготерпѣнія или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе наказанія для другихъ, или до исполненія мѣры его беззаконія, но вскорѣ поражается правосудіемъ, какъ возмутительная область Божіей державы“.

*) Все это разсужденіе о государствѣ мы находимъ въ разсужденіи Филарета: „О причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г.“ „Участь государствъ“, замѣчаетъ Филаретъ въ этомъ-же классическомъ произведеніи, „опредѣляется вѣчнымъ закономъ истины, который положенъ въ основаніе ихъ бытія и который, по мѣрѣ ихъ утвержденія на немъ или увлоненія отъ него, изрекаетъ на нихъ судъ, приводимый потомъ въ исполненіе подъ всеобъемлющимъ судоблюстителствомъ провидѣнія“.

Такова религіозная идея государства. Кто-же не согласится, что идея эта была искажена не въ одной Франціи, но и на всемъ западѣ, что новыя политическія теоріи давно превратили уже здѣсь государство въ бездушный механизмъ, въ учрежденіе временное, случайное *).

Государство можетъ быть разсматриваемо, по мнѣнію Филарета, „какъ великое семейство человѣковъ, которое, по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могли быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ государя. Чѣмъ искреннѣе подданные предаются отеческому о нихъ попеченію государя и съ сыновнею довѣренностью и послушаніемъ исполняютъ его волю; чѣмъ естественнѣе государь и поставляемые имъ подъ собою правители народа, по образу его, представляютъ собою отцевъ великаго и въ великомъ, меньшихъ семействъ, украшая власть благотвореніемъ, растворяя правду милосердіемъ, простирая призрѣніе мудрости и благости отъ чертоговъ до хижинъ и темницъ: тѣмъ соединяющія правленіе съ подданными узы неразрывнѣе, ревность ко благу общему живѣе, дѣятельность—неутомимѣе, единодушіе—неразлучнѣе, крѣпость неборимѣе. Но когда члены общества связуются токмо страхомъ и одушевляются токмо корыстью собственною; когда глава народа, презирая его, употребляетъ орудіемъ своего честолюбія и злобы: тогда есть покорные невольники, доколѣ есть крѣпкія оковы, есть служители кровопролитія, доколѣ есть надежда добычи, а при наступленіи общей опасности всѣ связи ослабѣваютъ, народъ безъ бодрости, престолы безъ подпоры, отечество сиротствуетъ“ **).

Таково государство естественное, и его противоположность государство искусственное, насильственное, революціонное. Гдѣ на всемъ европейскомъ западѣ можно было най-

*) Въ XVIII вѣкѣ развился съ одной стороны монархическій абсолютизмъ, не признававшій въ своемъ самоимѣніи ни божескаго, ни человѣческаго права, и явились, съ другой стороны, тѣ абстрактныя теоріи о верховенствѣ народной массы, о безпредѣльныхъ правахъ личности, объ общественномъ договорѣ, о правѣ мятежа, которыя впервые осуществлены были такъ ужасно во времена великой французской революціи.

**) Изъ разсужденія „О причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г.“

ти тогда тѣсное единеніе между правителями и народами,—единеніе, основанное на правѣ естественномъ, на отцовской любви государей и сыновней преданности подданныхъ? Гдѣ не встрѣчаемъ, наоборотъ, отношеній искусственныхъ, механическихъ, основанныхъ на страхѣ или корысти? Развѣ одинъ Наполеонъ являлся атаманомъ громадной разбойничьей шайки,—развѣ его вассалы и сатрапы, развѣ многіе изъ его противниковъ не были лишь его подобіями въ маломъ видѣ? *)

„Государство“, говоритъ далѣе Филаретъ, „есть союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частіею своей свободы для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть не что иное, какъ примѣненные къ особеннымъ случаямъ истолкованія сего закона и ограды, поставленныя противъ его нарушенія. Итакъ, гдѣ священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ въ сердцахъ воспитаніемъ, вѣрою, здравымъ, не искаженнымъ ученіемъ и уважаемыми примѣрами предковъ: тамъ сохраняютъ вѣрность къ отечеству и тогда, когда никто не стережетъ ее; жертвуютъ ему собственностію и собою безъ побужденій воздаянія или славы, какъ не опасаются умереть отъ законовъ и когда могли-бы сохранить жизнь ихъ нарушеніемъ. Если-же законъ, живущій въ сердцахъ, изгоняется ложнымъ просвѣщеніемъ и необузданною чувственностью,—нѣтъ жизни въ законахъ писанныхъ; повелѣнія не имѣютъ уваженія, исполненіе—довѣрія; своеволие идетъ рядомъ съ угнетеніемъ, и оба приближаютъ общество къ паденію“ (**).

Уяснивъ идеальное государство и давъ понять, какъ да-

*) Стоитъ лишь припомнить такого звѣрскаго тирана, какъ король Виртембергскій, Фридрихъ I, достойный вассаль Наполеона,—такихъ достойныхъ исполнителей варварскихъ приказовъ Наполеона, какъ большинство его маршаловъ и администраторовъ, или такихъ тупоумныхъ деспотовъ, какъ Фердинандъ VII Испанскій,—чтобы убѣдиться въ истинѣ сказаннаго въ текстѣ.

**) Безъ сомнѣнія, Филаретъ рисуетъ въ этихъ словахъ государство идеальное, и странно было-бы утверждать, что Россія Александра I во всѣхъ отношеніяхъ уподоблялась этому высокому и недостижаемому идеалу; но не подлежитъ тѣмъ не менѣе сомнѣнію, что она все-таки ближе подходила къ нему, нежели государства западныя.

леко удалились отъ него западныя державы, гдѣ такъ называемое просвѣщеніе давно уже убило и извратило чистый законъ нравственности, гдѣ свобода превращена была въ анархію, а порядокъ и добровольное повиновеніе въ мертвый механизмъ и насиліе власти, Филаретъ продолжаетъ: „Приложимъ сіи всеобщія истины къ настоящему положенію отечества; онѣ покажутъ составъ и мѣру его величія“.

„Вѣруеть Россійское царство, что владѣеть Вышній царствомъ человѣческимъ; и неотступно держась вѣрою и упованіемъ Всемогущаго сего Владыки, отъ него пріяло мощь, дабы, не колеблясь, удержать на раменахъ своихъ всю тяжесть своего бѣдствія, когда всѣми земными силами было или боримо или оставляемо *). Когда правота и великодушіе упражнены были въ мѣрахъ безопасности вѣроломствомъ и нарушеніемъ народныхъ правъ, благочестивѣйшій монархъ не поколебался, но поручилъ свое дѣло Богу и не усомнился въ народѣ своемъ. Вѣрный народъ не поколебался, но ввѣрилъ судьбу свою Богу и монарху. Продолженіе и возрастаніе общей опасности нигдѣ не могло быть примѣчено, развѣ при алтаряхъ, гдѣ моленія становились продолжительнѣе, возрастало число притекающихъ; отверзающіяся Господу сердца, уже не таясь собратій, изливались въ слезахъ умиленія, и гдѣ отходящія на брань принимали послѣднее напутствіе **). Когда противу чрезмернаго числа вражескихъ полчищъ правительство принуждено было поставить неискушенныхъ въ брани гражданъ, вѣра запечатлѣла ихъ собственнымъ своимъ знаменіемъ, утвердила своимъ благословеніемъ, и сіи неопытные ратники подкрѣпили, обрадовали, удивили старыхъ воиновъ. А когда неистовыя скопища нечестивцевъ не оставили въ мирѣ и безоружную вѣру, когда наипаче въ богатой древнимъ благочестіемъ столицѣ исполняли свои руки святотатствами, осквернили храмы живаго Бога и ругались его святынь, — усер-

*) Россія была дѣйствительно оставлена всѣмъ міромъ въ началѣ войны 1812 года, такъ какъ союзъ съ Швеціею не имѣлъ никакого серьезнаго значенія.

**) Объ этомъ возростаніи религіознаго чувства, по мѣрѣ возростанія опасности, свидѣлствуютъ всѣ памятники 1812 года какъ официальные, такъ и частныя, какъ русскіе, такъ и иностранныя. См. между прочимъ ниже.

діе къ вѣрѣ превращалось въ пламенную, неутомимую ревность наказать хулителей, и даже въ ободряющую надежду, что врагъ Божій не долго будетъ счастливымъ врагомъ нашимъ. Наконецъ, съ того времени какъ, по исполненіи тяжкаго искушенія, Господь силъ увѣнчалъ насъ оружіемъ своего благоволенія, на неозримомъ попріщѣ, колико знаменитыхъ, толико же трудныхъ подвиговъ, не тѣмъ-ли наипаче высокимъ чувствованіемъ одушевляется и украшается побѣдоносное воинство, что идетъ подъ невидимымъ предводительствомъ Бога отмщениій?“ *).

Итакъ, русскій царь и русскій народъ побѣдили прежде всего потому, что они были тверды и сильны вѣрою, потому что въ ней и въ неразрывномъ взаимномъ единеніи, изъ нея вытекающемъ, обрѣли они для себя неистощимыя чудесныя силы. Господь силъ ополчился за нихъ, ибо въ данный моментъ они явились его избраннымъ народомъ.

„Кроткій союзъ любви между подданными и государемъ, котораго приобыкли они видѣть нѣжнымъ отцемъ своимъ и мудрымъ, неусыпнымъ промыслителемъ, есть другой источникъ силы, сохранившей невредимо цѣлость государства, противъ напряженнѣйшихъ усилій къ его потрясенію, и сообщившей благоустройство и живость его дѣйствіямъ во дни его нестроенія. Когда уже врагъ нѣкоторыя области его занималъ, а многимъ угрожалъ, оно принуждено было только еще собирать новыя силы и пособія военныя. Какія-же необыкновенныя мѣры потребны были для того, чтобы сіе исполнено было и съ невозмутимою точностью, и съ неутомимою поспѣшностью, и съ удовлетвореніемъ необъятныхъ нуждъ и безъ опаснаго стѣсненія народа? Одно слово государя. Будучи увѣренъ въ чувствованіяхъ своего народа, онъ пригласилъ его ко всеобщему возстанію противу врага, и точно всѣ возстали. Каждый помѣстный владѣлецъ учреждалъ сильное войско для сліянія въ общую силу; множество свободныхъ рукъ оставляли вѣсы, перо и другія мирныя орудія и простирались къ мечу; свободныя пожертвованія на потребности брани приносимы были не только свободными щедро, но и тѣми свободно, которые сами могли быть представлены

*) Изъ разсужденія „О причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г.“

другими въ пожертвованіе *). Тѣ, которыхъ семейства были въ опасности, обращались отъ нихъ къ опасности общей; семейства менѣе, нежели обыкновенно, плакали, провожая новыхъ ратниковъ; забывали родство, помышляя объ отечествѣ. Можно сказать, что въ Москвѣ, въ самое время несчастнаго ея превращенія изъ столицы россійской въ ужасный станъ французскій, подданные Александра были вѣрнѣе своему государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю; ибо извѣстно, что своеволие французскаго войска, еще болѣе пагубное для него самого, нежели для опустошенной имъ столицы **), не могло быть укрощено ни присутствіемъ, ни повелѣніями, ни правосудіемъ, ни самою жестокостью Наполеона; между тѣмъ какъ граждане московскіе, сохраняя послушаніе къ своему государю, по многократнымъ и ласковымъ и грознымъ требованіямъ, не хотѣли даже предстать иноплеменному властителю, рѣшаясь страдать и умирать, но убѣгать съ нимъ сообщенія, оставляя его съ одними тѣлохранителями носиться по безлюднымъ путямъ вокругъ Кремля, какъ толпы привидѣній около надгробныхъ памятниковъ“.

Итакъ, русскій народъ побѣдилъ и потому, что его государство покоилось на незыблемой, чисто семейной связи между государемъ и населеніемъ. Вслѣдствіе такой связи не обнаружилось ни малѣйшаго колебанія, ни малѣйшей розни въ моментъ великой, общей опасности. Русскій государь лишь потому отважился на борьбу съ непобѣдимымъ, что былъ увѣренъ безусловно въ безграничной вѣрности своего народа. Ему стоило лишь произнести свое царственное слово,—и весь народъ поднялся на защиту государства. Наполеонъ ожидалъ найти въ Россіи рознь и вражду между сословіями, онъ рассчитывалъ на измѣну высшихъ, на сочувствіе закрѣпощенной массы. И что-же? Въ то время, когда въ другихъ странахъ не только отдѣльныя личности, но даже и цѣлые классы населенія, если и не привѣтствовали его, какъ освободителя, то относились совершенно безучастно къ паденію государ-

*) Рѣчь идетъ о крѣпостныхъ крестьянахъ.

***) Мы уже знаемъ, что это своеволие и полный упадокъ дисциплины способствовали въ большей мѣрѣ гибели великой арміи, нежели морозъ и голодъ.

ства и на перерывъ спѣшили преклониться передъ завоевателемъ,—въ Россіи, всѣ отъ мала до велика, и знатные и простые, и свободные и рабы, становились въ ряды защитниковъ отечества и съ крестомъ на груди, и съ желѣзомъ въ рукахъ спѣшили на встрѣчу нашествію.

На сторонѣ завоевателя были всѣ преимущества и военного генія и техническихъ усовершенствованій, плодовъ внѣшняго просвѣщенія, но на сторонѣ Россіи были преимущества внутреннія, нравственныя. „Простыя, но чистыя и твердыя правила нравственности, преданныя отъ предковъ и неослабленныя иноплеменными нововведеніями, поддерживали вѣрность къ своимъ обязанностямъ среди опаснѣйшихъ соблазновъ и величайшихъ трудностей. Когда гласъ законовъ уже почти не слышенъ былъ среди шума браннаго, законъ внутренній говорилъ сердцу россиянина столь-же сильно и повелительно: „не смущайся сомнѣніемъ и неизвѣстностью; въ клятвѣ, которую ты далъ въ вѣрности царю и отечеству, ты найдешь ключъ мудрости, разрѣшающей всѣ недоумѣнія. Находясь цѣлую жизнь подъ защитою законовъ и правительства, воспользуйся случаемъ быть хотя однажды защитою законовъ и правительства. Не страшись опасности, подвизаясь за правду: лучше умереть за нее, нежели пережить ее. Искупи кровію для потомковъ тѣ блага, которыя кровію купили для тебя предки. Уклоняясь отъ смерти за честь вѣры и за свободу отечества, ты умрешь преступникомъ или рабомъ: умри за вѣру и отечество, ты примешь жизнь и вѣнецъ на небѣ“. Вотъ правила, которыя російскій народъ не столько умѣетъ изъяснять, сколько чувствовать, уважать, исполнять! Вотъ чудное искусство быть непобѣдимымъ, собирающее войско безъ военачальниковъ, претворяющее цѣлыя селенія въ ополченіе, ополчающее на брань слабыя руки женъ, побѣждающее побѣдителей! Вотъ истинно свободная наука необразованнаго по новѣйшимъ умозрѣніямъ народа, которою онъ обличилъ западныхъ просвѣтителей въ буйномъ и рабскомъ невѣжествѣ, и которою теперь съ такимъ успѣхомъ освобождаетъ ихъ отъ рабства“ *).

*) Изъ разсужденія „О причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г.“

Такъ анализируетъ великій христіанскій проповѣдникъ ту общую истину, которая признавалась тогда всѣми безъ различія; такъ пытается отвѣтить онъ на вопросъ, почему Богъ избралъ орудіями своего промысла Александра и Россію. Тысячи и милліоны умовъ современниковъ не способны были къ такому анализу; но всѣ они безъ изъятія сознавали и исповѣдывали громогласно, что Самъ Господь силъ ополчилъ десницу Россіи и ея царя на сокрушеніе тирана.

Раскройте любой изъ памятниковъ вѣчно памятнаго 1812 года,—и васъ поразитъ на первыхъ-же строкахъ живая и сильная струя религіознаго чувства, проникающая всѣхъ современниковъ этой эпохи въ большей или меньшей степени. Впечатлѣніе будетъ одинаково, все равно, — возьмете-ли вы офіціальныи документъ, частное письмо, мемуары назначенныя для потомства. Безразличны также званіе, происхожденіе, положеніе составителей или авторовъ. Всѣ они, и русскіе, и иноземцы *), и лица, занимавшія высшіе государственныя посты, и люди частныя, говорятъ, правда, на различныхъ языкахъ, выражаются различными способами, но всѣ выражаютъ одну и ту-же мысль. Всѣ они отдають должную дань справедливости храбрости войскъ русскихъ, безграничному энтузіазму и самоотверженію народа русскаго, непоколебимой твердости императора Александра; но всѣ единодушно приписываютъ въ то же время чудесный исходъ борьбы всесильной помощи Всевышняго, всѣ видятъ въ потрясающихъ событіяхъ времени руку Всемогущаго **).

*) Замѣчательно, что у самихъ французовъ, участниковъ экспедиціи Наполеона на Россію, высказывается убѣжденіе, что Наполеонъ пораженъ былъ самимъ провидѣніемъ. Особенно любопытное мѣсто находимъ мы въ этомъ отношеніи у Лабоба. „Такъ, замѣчаетъ онъ въ концѣ своей книги, исполнились пророчества Наполеона, произнесенныя имъ передъ началомъ кампаніи 1812 г., съ тою лишь разницею, что они относились не къ Россіи, а къ нему самому. Увлеченный своею судьбою, онъ былъ пораженъ неотразимымъ ударомъ провидѣнія, возвратившаго политическое равновѣсіе и свободу Европѣ, а Франціи ея благосостояніе“. См. Labaum. Relation de la campagne de Russie en 1812, стр. 431.

**) Въ письмѣ С. М. Танѣева къ графу Аракчееву мы встрѣчаемъ такое выраженіе: „Нахожу, что всякому приключенію въ свѣтѣ бываетъ свидѣтель Богъ. Кто бы могъ подумать за пять мѣсяцевъ тому назадъ, что мы, истребя и отнявъ все до-чиста у непріятели, будемъ на Вислѣ. Все это содѣйствіе Божіе“ и

Такого взгляда держится прежде всего самъ маститый главнокомандующій. Просматривая письма Кутузова къ женѣ *), мы выносимъ убѣжденіе, что человѣкъ этотъ, воспитанный въ Екатерининскую эпоху невѣрія, проводившій всю свою жизнь или въ средѣ легкомысленнаго свѣтскаго общества, или въ военномъ станѣ, обвиняемый современниками въ лицемеріи, былъ въ дѣйствительности человѣкъ глубоко религіозный и вѣрующій. Мы видѣли, какъ поступилъ Кутузовъ въ тотъ моментъ, когда онъ получилъ извѣстіе о выходѣ Наполеона изъ Москвы. Спрашивается, неужели и въ эту минуту, и при томъ въ присутствіи лишь двухъ особенно близкихъ къ нему лицъ—Голля и Коновницына, Кутузовъ могъ играть роль? Знаменательны слова молитвы почтеннаго старца въ эту минуту. Онъ говорилъ, рыдая передъ образомъ Спасителя: „Боже, создатель мой! Наконецъ, Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена“ **). И съ того момента, когда счастье оружія окончательно повернуло на нашу сторону, когда армія Наполеона, какъ-бы пораженная божественнымъ проклятіемъ, бѣжала изъ предѣловъ Россіи и таяла быстро какъ снѣгъ на глазахъ своихъ преслѣдователей, и тогда Кутузовъ спѣшилъ прежде всего воздать хвалу Всевышнему и былъ болѣе кого-либо другаго крайне далекъ отъ всякаго самохвальства. „Богъ мнѣ даровалъ побѣду вчера“; „здѣсь, слава Богу, хорошо все“; „Наполеонъ бѣгаетъ по ночамъ съ мѣста на мѣсто“; „я, слава Богу, здоровъ, французы непонятно какъ бѣгутъ и теряютъ очень много людей“,—вотъ фразы которыя мы, то и дѣло, встрѣчаемъ въ его письмахъ къ женѣ ***). „Благодаря Бога, у насъ все идетъ изъ лучшаго въ лучшее“. Правда, на ряду съ этими словами смиренія встрѣчаются и возгласы иного рода. Кутузовъ не можетъ скрыть

т. д. См. Дубровинъ, „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I“, стр. 77.

*) Эти письма, чрезвычайно важныя для характеристики знаменитаго вождя напечатаны въ „Русской Старинѣ“ за 1872 г. Письма относятся къ періоду времени отъ 1810 до 1813 г.

***) См. записки Болтовскаго.

***) См. Письма отъ 7-го октября, отъ 26 октября и отъ 28 октября. „Русская Старина“ за 1872 г., стр. 649—650.

своей радости, что провидѣніе избрало его своимъ борцомъ въ этой священной войнѣ. Ему льститъ сознаніе, что первый полководецъ міра принужденъ бѣжать передъ нимъ, что онъ освобождаетъ изъ подъ власти непріятеля одну за другою области русскаго царства *). Въ такихъ возгласахъ высказывается Кутузовъ—человѣкъ, но они не противорѣчатъ нисколько тому глубоко религіозному настроенію, которое проникаетъ его въ эту эпоху, на славномъ закатѣ жизни. Кутузовъ такъ преисполненъ мыслию о славѣ освободителя отечества, что не стремится ни къ какой иной славѣ. Онъ призванъ къ совершенію одного этого великаго подвига, вмѣстѣ съ нимъ должно окончиться и его земное поприще. Онъ тоскуетъ по временамъ, что результатъ преслѣдованія не вполне соответствуетъ его ожиданіямъ; онъ досадуетъ, что по винѣ Чичагова не взята была въ плѣнъ вся непріятельская армія; но онъ тотчасъ-же смиряется, соображая, что грѣшно скучать и досаждать при такихъ обстоятельствахъ, что надо и за то благодарить Бога, что непріятель доведенъ до такого „бѣднаго состоянія“ **). Религіозность князя Кутузова отличается характеромъ чисто національнымъ. Онъ стоитъ на почвѣ своего народа и своей Церкви. Дитя вольнодумнаго, философскаго вѣка, онъ раздѣляетъ въ глубинѣ души вѣрованія своихъ солдатъ. Онъ твердо вѣритъ въ заступничество небесной Владычицы; онъ блюдетъ за тѣмъ, чтобы образъ Богоматери Смоленской сопутствовалъ войскамъ его во всѣхъ битвахъ. Послѣ битвы при Красномъ онъ думаетъ прежде всего о томъ, какъ-бы отправить обратно въ Смоленскъ чу-

*) „А, слава Богу, здоровъ, мой другъ, хотя и очень трудно. Должно меня утѣшать то, что я первый генералъ, передъ которымъ Бонапарте такъ бѣжитъ“. Письмо отъ 20-го октября. „Кланяйся нашимъ, увѣрь ихъ, что сколь ни утѣшительно гнать передъ собою перваго на свѣтѣ полководца, сколь ни утѣшительно въ теченіи мѣсяца и нѣсколькихъ дней возвратить подъ скипетръ Россіи пять губерній, непріателемъ оторванныхъ, но сладко было-бы мнѣ жить съ вами“. Письмо отъ 14-го ноября.

**) „Не могу сказать, чтобы я былъ веселъ, не всегда идетъ все такъ, какъ хочется. Все еще Бонапарте живъ“. Письмо отъ 19 ноября. „Вчера съ я былъ скученъ и это грѣхъ; грустилъ, что не взята вся непріятельская армія въ полонъ“. Письмо отъ 20-го ноября. „Русская Старина“ за 1872 годъ, стр. 656.

дотворную икону съ „хорошимъ приданымъ“. Жаль ему разставаться съ вѣрнымъ залогомъ побѣды: „еще третьяго дня, пишетъ онъ, стояла она во время сраженія за батарею“ *). Онъ пораженъ не менѣе послѣдняго солдата чудеснымъ совпадениемъ, случившимся при возвращеніи образа Богоматери въ Смоленскъ. „Когда“, пишетъ онъ женѣ, „съ большою церемоніею вносили образъ Смоленской Богоматери въ соборъ и поставили на мѣсто и стали пѣть молебенъ и при Евангеліи: „и пребысть Маріамъ яко три мѣсяца и три дни и возвратись въ домъ свой“,—множество народу ужаснулось и сочли, что со дня возвращенія столько протекло времени“ **). Кутузовъ готовъ даже раздѣлять суевѣрія своихъ солдатъ, ихъ вѣру въ различныя примѣты. „Здѣсь въ арміи, пишетъ онъ, много вѣрятъ примѣтамъ: шестому числу, въ которое много славныхъ происшествій было: Бородино 26-го; разбить Неаполитанскій король 6-го; разбить Бонапарте и корпусъ Нея истребленъ 6-го“ ***). Въ такомъ отношеніи Кутузова къ религіознымъ чувствамъ своихъ солдатъ и даже къ ихъ суевѣріямъ мы въ правѣ усматривать съ одной стороны знаменіе времени, а съ другой—мы должны искать въ немъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ того безграничнаго довѣрія, съ которымъ относилась армія къ своему вождю.

Но оставимъ высшую сферу и перенесемъ въ совершенно иной кругъ. Заглянемъ въ частную переписку свѣтской женщины-аристократки, относящуюся къ тому-же 1812 году ****). Въ первыхъ письмахъ, когда все еще было спокойно,

*) Письмо отъ 7-го ноября.

***) Письмо отъ 30-го ноября. Не менѣе характерно для Кутузова и то, какъ распорядился онъ добычею, предоставленною въ его распоряженіе казаками. „Теперь вотъ коммиссія: донскіе казаки привезли изъ добычи своей сорокъ пудъ серебра въ слиткахъ и просили меня сдѣлать изъ его употребленіе, какое я разсужу. Мы придумали вотъ что: украсить этимъ церковь Казанскую. Здѣсь посылаю письмо къ митрополиту и другое протопопу Казанскому. И позаботьтесь, чтобы письма были вѣрно отданы, и о томъ, чтобы употребить хорошихъ художниковъ“. Письмо отъ 23-го декабря, стр. 660.

****) См. Письмо отъ 30-го ноября, стр. 657.

*****) Всѣ ниже приведенные отрывки изъ писемъ принадлежатъ перу М. А. Волковой, дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. А. Волкова. Они адресованы къ Варварѣ Ивановѣ Ланской. П. Б., напечатавшій эти письма въ „Рус-

когда лишь одни люди, посвященные въ политическія дѣла, чуяли близкую, страшную бѣду, корреспондентка наша погружена всецѣло въ свою обычную среду, въ свои мелочные будничные интересы. Балы, наряды, свѣтскія новости фигурируютъ въ письмахъ на первомъ планѣ. Сегодня мы узнаемъ о музыкальномъ вечерѣ съ знаменитостями у графини Разумовской, завтра получаемъ комическое описаніе бала въ дворянскомъ Московскомъ собраніи *). Но вотъ слышатся первые отдаленные раскаты грома и религіозное чувство, составляющее всю внутреннюю сущность жизни этихъ, лишь по видимому, пустыхъ женщинъ, побѣдоносно вырывается наружу. Онѣ вдругъ начинаютъ говорить инымъ, и посмотрите, какимъ языкомъ! „Мы дожили до такой минуты, когда, исключая дѣтей, никто не знаетъ радости, даже самые веселые люди. Насъ ожидаетъ, быть можетъ, страшная будущность, милый другъ! Безграничная покорность волѣ Господней, совершенное, слѣпое подчиненіе его неисповѣдимымъ приговорамъ,—единственные чувства, могущія успокоить насъ въ такое время, когда страхъ весьма основателенъ. Будемъ молиться, милый другъ! **).

Гроза надвигается все ближе и ближе. Непрiятель уже въ предѣлахъ Россіи, приходятъ слухи о нашихъ побѣдахъ, и

скомъ Архивѣ“ за 1872 г., говорить о личности М. А. Волковой: „Она скончалась въ дѣвцахъ въ 1859 году и погребена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Высокими нравственными качествами пріобрѣла она уваженіе самого императора Николая Павловича, который выслушивалъ ея правдивыя рѣчи и около 1839 года выписалъ ее къ себѣ въ гости въ Петербургъ, гдѣ приказалъ отвести ей помѣщеніе въ зимнемъ дворцѣ и окружалъ вниманіемъ. М. А. Волкова не должна быть забываема въ историческихъ преданіяхъ, какъ благороднѣйшая представительница стариннаго московскаго быта. Съ образомъ мыслей ея и со взглядомъ на событія 1812 года вполне согласуются тѣ молитвы, которыя написалъ покойный митрополитъ Филаретъ для молебствія 25-го декабря въ память изгнанія изъ Россіи Наполеона и его рабовъ. Великій церковный витія былъ въ этомъ случаѣ лишь выразителемъ того, что думало народное большинство за одно съ лучшими своими представителями“. „Русскій Архивъ“ 1872 г. стр. 2433—34.

*) См. Письма отъ 15, 22, 29 апрѣля, 6, 9, 13, 18, 26 мая, 1, 7 и 14 іюня.

***) Письмо отъ 24 іюня. Въ этомъ письмѣ слышатся еще отголоски прежняго веселаго тона и милаго злословія. Стоитъ прочесть напр. описаніе наружности Расточина и характеристики трехъ жалкихъ нарочекъ, чтобы убѣдиться въ этомъ

хочется и страшно вѣрить имъ. „Хорошо-бы если-бы, мы въ дѣйствительности одержали хотя одну побѣду, тогда-бы мы скоро отдѣлались отъ жестокаго врага рода человѣческаго. Слѣдуетъ желать, чтобы въ настоящемъ случаѣ оправдалась русская пословица: гласъ народа, гласъ Божій“!

Страшно, мучительно тяжело жить въ такое время *); но какое счастье, что и этимъ существамъ удалось еще сохранить среди всей мишуры жизни, среди слѣпаго, бессмысленнаго подражанія иноземцамъ и теплое религіозное чувство, и неискоренимую преданность вѣрѣ отцевъ. „Въ настоящее время я чувствую болѣе, чѣмъ когда-либо, какое счастье не быть лишенною вѣры въ провидѣніе; она не даетъ впадать въ отчаяніе, что непременно случилось-бы, если-бы мы полагались на геній и силы жалкаго человѣчества“ **). Простая, но глубокая истина библейскихъ словъ только теперь становится поразительно ясною для души, всецѣло поглощенной дотошъ суетою свѣта. „Намъ сказано: „довольно для каждаго дня своей заботы“. Никогда я такъ живо не чувствовала справедливости этихъ словъ, какъ въ настоящее время. Что Богу угодно, то и случится, говорю я себѣ; не дѣлаю никакихъ предположеній, и лишь стараюсь, какъ можно полезнѣе проводить время, которымъ располагаю“ ***).

Нашествіе надвигается все ближе и ближе, всѣ извѣстія о нашихъ побѣдахъ оказываются ложными; всѣ надежды человѣческія обманываютъ, всѣ опоры земныя, казавшіяся столь твердыми и незыблемыми, рушатся одна за другою; но твердое упованіе на помощь Всевышняго, глубокое неискоренимое убѣжденіе, что вѣрующій и претерпѣвшій до конца спа-

*) „Мы всѣ здѣсь грустны и приуныли. Я нахожусь въ постоянномъ страхѣ“. Письмо отъ 1-го іюля.

**) Письмо отъ 1-го іюля.

***) Письмо отъ 15 іюля. Тутъ-же слѣдующее характерное мѣсто: „Мы получили извѣстіе о прибытіи государя... Я ни разу не была ни при дворѣ, ни въ соборѣ и нигде мнѣ не хочется: много охотницъ и безъ меня. Соборъ всегда набитъ здѣшними барынями. Пусть такъ, а мнѣ дома покойнѣе. Государю я искренно, отъ души, желаю всякаго счастья и молюсь за него всегда и вездѣ готова, что и могу дѣлать въ другихъ церквахъ; но толкаться, лѣзть въ толпу и духоту не вижу никакой нужды“.

сетя, не оскудѣваетъ, а растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ бѣдою. „Мы съ мама пріобщались нынче. По моему мнѣнію, теперь самая пора для покаянія, потому что лишь искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ можемъ мы умилоствовать Бога“ *). Вмѣстѣ съ твердою вѣрою проявляется и любовь къ младшей братіи, къ простому народу **). Какою глубокою вѣрою проникнуть этотъ народъ, съ какою радостью несетъ онъ свое послѣднее достояніе и свою кровь на алтарь отечества ***), съ какою покорностью, съ какимъ уваженіемъ относится онъ къ распоряженіямъ властей законныхъ! ****)

*) Письмо отъ 5-го августа.

***) „Народъ ведетъ себя прекрасно. Увѣряю тебя, что не достало-бы журналистовъ, если-бы описывать всѣ доказательства преданности отечеству и Государю, о которыхъ безпрестанно слышишь и которыя повторяются не только въ самомъ городѣ, но и въ окрестностяхъ и даже въ разныхъ губерніяхъ“. Письмо отъ 5 августа.

****) Нынче утромъ я пошла въ ту церковь, гдѣ мы были съ тобою въ прошломъ году; она была полна народу, хотя сегодня нѣтъ праздника. Всѣ молились съ усердіемъ, какого мнѣ не приходилось еще видѣть, почти всѣ обливались слезами. Не могу выразить тебѣ, до чего я радовалась этому усердію, потому что я твердо убѣждена, что лишь искренними молитвами можемъ мы списать милосердіе Божіе. Послѣ обѣдни одна женщина съ мужемъ своимъ служила молебень. Мужъ, одѣтый въ военный мундиръ, повидимому, готовится поступить на службу. Онъ и жена оба плакали. У меня болѣзненно сжалось сердце при видѣ горькихъ слезъ бѣдной женщины“. Письмо отъ 12 августа.

*****) „Вчера утромъ пріѣхала прислуга дяди, а также и крестьяне изъ его имѣнія подъ Дорогобужемъ. Несчастные бросались къ нему въ ноги, прося о помощи. Какъ будто онъ можетъ помочь имъ и оградить ихъ отъ разоренія, въ случаѣ ежели по глупости или вслѣдствіе измѣны ихъ предадутъ огню и мечу; надо видѣть уваженіе этихъ бѣдныхъ людей къ верховной власти. Одинъ изъ мужичковъ объяснялъ намъ, что они-бы бѣжали, чтобы спастись, но указъ царскій не позволяетъ имъ бросать свои избы, пока французы не смѣнятъ нашихъ войскъ. Посуди, до чего больно видить, что злодѣи въ родѣ Балашова и Аракчеева продаютъ такой прекрасный народъ. Но увѣряю тебя, что ежели сихъ послѣднихъ такъ ненавидятъ въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, то имъ не сдобровать въ послѣдствіи. Растопчинъ очищаетъ Москву отъ подобныхъ исчадіи... Здѣсь ежедневно ловятъ французскихъ шпионовъ. Народъ такъ раздраженъ, что мы не осмѣливаемся говорить по французски на улицѣ. Двухъ офицеровъ арестовали: они на улицѣ вздумали говорить по французски; народъ принялъ ихъ за переодѣтыхъ шпионовъ и хотѣлъ поколотить, такъ какъ не разъ ловили уже французовъ, одѣтыхъ крестьянами или въ женскую одежду, снимавшихъ планы, занимавшихъ поджогами и предрекавшихъ прибытіе Наполеона,—словомъ смущавшихъ народъ“. Письмо отъ 15 августа. Конецъ этого письма очень любопытенъ. Онъ показываетъ, какъ болѣзненно-подозрительно настроено было тогда

Но вотъ наступаетъ самый страшный моментъ. Москва обречена на уничтоженіе, надо бѣжать изъ нея, приходится вдали отъ нея, услышать страшную вѣсть объ ея истребленіи *). Изсякаютъ, повидимому, послѣднія силы! „Какъ я ни ободряла себя, какъ ни старалась сохранить твердость посреди несчастій, ища прибѣжища въ Богѣ, но горе взяло верхъ; узнавъ о судьбѣ Москвы, я пролежала три дня въ постели, не будучи въ состояніи ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься. Окружающіе не могли поддержать меня, какъ я предвидѣла: ударъ на всѣхъ одинаково подѣйствовалъ, на лица всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, всевозможныхъ губерній, произвелъ ужасное впечатлѣніе“ **).

Отовсюду идутъ извѣстія о смерти близкихъ, но сердце уже притупѣло къ боли. „Въ положеніи, въ которомъ мы находимся, смерть не есть большое зло, и если не должно желать ее ни себѣ, ни другимъ, по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ слишкомъ сожалѣть о тѣхъ, кого Богъ къ себѣ призываетъ; они умираютъ, исполняя самый священный долгъ,

общество, какъ даже лучшимъ русскимъ людямъ того времени мерещились повсюду измѣнники и шпіоны. Въ томъ-же самомъ письмѣ М. А. Волковой мы находимъ отголосокъ нелѣпныхъ, ходившихъ тогда повсемѣстно слуховъ о Барклаѣ и его адъютантовъ.

*) М. А. Волкова выѣхала изъ Москвы 16 августа. Въ послѣднемъ письмѣ изъ Москвы читаемъ слѣдующія строки: „Какъ мнѣ не горько оставить Москву съ мыслию, что, быть можетъ, никогда не увижу ее, но я рада буду уѣхать, чтобы не слышать и не видать всего, что здѣсь происходитъ“. Изъ Рязани отъ 20 августа М. А. Волкова пишетъ: „16 числа выѣхала я изъ роднаго, милаго города нашего... Я смертельно тоскую, но здорова“... Въ письмѣ изъ Тамбова отъ 27 августа читаемъ: „Наконецъ мы дотащились сюда и намѣрены ожидать здѣсь рѣшенія нашей участи. Если матушка Москва счастливо вырвется изъ когтей чудовища, мы вернемся; а ежели погибнетъ родимый городъ, то отправимся въ Саратовское наше имѣніе. Не могу выразить тебѣ, до чего у меня сжимается сердце при этой мысли“. Письмо отъ 26 августа.

***) Письмо отъ 17 сентября; оно начинается такими словами: „Что сказать тебѣ, съ чего начать? Надо придумать новыя выраженія, чтобы изобразить, что мы выстрадали въ послѣднія двѣ недѣли. Мнѣ извѣстны твои чувства, твой образъ мыслей; я убѣждена, что судьба Москвы произвела на тебя глубокое впечатлѣніе, но не могутъ твои чувства равняться съ чувствами лицъ, жившихъ въ нашемъ родномъ городѣ передъ его паденіемъ, видѣвшихъ его постепенное разрушеніе и наконецъ гибель отъ адскаго могущества чудовищъ, наполняющихъ наше отечество“.

защищая свое отечество и правое дѣло, чѣмъ заслуживаютъ благословеніе Божіе. Я стараюсь проникнуться этимъ чувствомъ, а равно внушить его другимъ“ *).

Страшныя бѣдствія, постигшія отечество, заставляютъ задумываться людей, не привыкшихъ до тѣхъ поръ думать. Они начинаютъ доискиваться причинъ нашихъ несчастій, начинаютъ всматриваться пристальнѣе въ свое собственное сердце, въ окружающую среду и съ ужасомъ замѣчаютъ, что мы сами, сильные и богатые міра сего, вожаки и руководители націи, были первыми виновниками всѣхъ бѣдъ. „Когда я думаю серьезно о бѣдствіяхъ, причиненныхъ намъ этою несчастною французскою націею, я вижу во всемъ Божію справедливость. Французамъ обязаны мы развратомъ; подражая имъ, мы приняли ихъ пороки, заблужденія; въ скверныхъ книгахъ ихъ почерпнули мы все дурное. Они отвергли вѣру въ Бога, не признаютъ власти, и мы, рабски подражая имъ, приняли ихъ ужасныя правила, чванясь нашимъ сходствомъ съ ними, а они и себя и всѣхъ своихъ послѣдователей влекутъ въ бездну. Не справедливо-ли, что гдѣ нашли мы соблазнъ, тамъ претерпимъ и наказаніе? Одно пугаетъ меня,—это то, что несчастія не служатъ намъ урокомъ; не смотря на все, что дѣлаетъ Господь, чтобы обратить насъ къ себѣ, мы противимся и пребываемъ въ ожесточеніи сердечномъ“ **).

Но это послѣднее замѣчаніе аристократки относится лишь къ ея собственной средѣ. Высшіе и руководители одни виновны во всемъ, они накликали на общее отечество небывалую бѣду и они-же одни не каются, не прибѣгаютъ въ своемъ несчастіи къ Господу съиль. Они по прежнему заняты больше всего интригами, они не довѣряютъ народу, они смущаютъ его нелѣпыми вымыслами объ измѣнѣ нашихъ вождей, о слабости нашихъ силъ, о необходимости покориться врагу. Счастіе, что народъ не походитъ на нихъ, что онъ умѣетъ сочетать въ себѣ львиную храбрость съ покорностью

*) Письмо отъ 17 сентября.

***) Письмо отъ 17-го сентября.

провидѣнію и съ слѣпою вѣрою въ него. Не меньшее счастье и то, что наши средніе классы, мелкое дворянство и чиновничество, не прониклись вовсе французскимъ духомъ, что они отстали отъ своихъ учителей, что они ближе къ народу, нежели къ намъ. Наша аристократка принуждена спасаться бѣгствомъ въ Тамбовъ, она попадаетъ здѣсь въ среду людей, которые, будь она въ другомъ положеніи, навѣрное показались-бы ей и глупыми, и очень смѣшными. Теперь не то! *) Теперь ей приходится убѣдиться, что она имѣла до сихъ поръ дѣло съ пустыми куклами и негодьями высшаго тона, что она попала теперь, наконецъ, въ общество людей. „Прибывъ сюда, пишетъ она, съ разбитымъ сердцемъ и съ душевнымъ горемъ, не могу тебѣ объяснить, какъ благодарны были мы имъ за ихъ ласковые къ намъ поступки. Всѣ наперерывъ стараются оказать намъ услуги, и намъ остается лишь благодарить этихъ добрыхъ соотечественниковъ, которыхъ мы такъ мало знаемъ. Правда, здѣсь не встрѣтишь молодыхъ людей, которыхъ все достоинство заключается въ изящной осанкѣ, которые украшаютъ своимъ присутвіемъ гостинныя, занимаютъ общество остроумнымъ разговоромъ, но, послушавъ ихъ, черезъ пять минутъ забудешь о ихъ существованіи. Въмѣсто ихъ сталкиваешься съ людьми, быть можетъ, неуклюжими, рѣчи коихъ не цвѣтисты и не игривы, но которые умѣютъ управлять своимъ домомъ и состояніемъ, здраво судятъ о дѣлахъ и лучше знаютъ свое отечество, чѣмъ многіе министры. Сначала, привыкшіе къ

*) „Тамбовъ биткомъ набитъ. Каждый день прибываютъ новыя лица. Не смотри на это, жизнь здѣсь очень дешева. Если не случится непредвидѣнныхъ событий и обстоятельства намъ позволятъ сидѣть спокойно, мы проведемъ зиму въ тепломъ и чистомъ домикѣ; въ прежнее время мы бы нашли его очень жалкимъ, а теперь довольствуемся имъ. Кромѣ нашего семейства здѣсь находятся Разумовскіе, Щукины, кн. Меншикова и Каверины. Есть много другихъ москвичей, которыхъ мы мало или почти вовсе не знаемъ. Всѣ такіе грустные и убитые, что я стараюсь ни съ кѣмъ не видаться; съ меня достаточно и своего горя“. Письмо отъ 17 сентября.—„Пребываніе мое въ Тамбовѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ открыло мнѣ глаза на счетъ многого. Находишь я здѣсь въ другомъ положеніи, думай лишь объ удовольствіяхъ жизни, мнѣ здѣшніе добрые люди навѣрное показались-бы глупыми и очень смѣшными“. Письмо отъ 7 октября.

свѣтской болтовнѣ, мы ихъ не могли понять, но мало-помалу мы свыклись съ ихъ разговоромъ, и теперь я съ удовольствіемъ слушаю ихъ разсужденія о самыхъ серьезныхъ предметахъ“ *).

Все, что доходитъ въ эту тяжелую годину до аристократки изъ ея прежней обычной среды, глубоко возмущаетъ ея душу. Ея подруга пишетъ ей изъ Петербурга о г-жѣ Сталь. Она отвѣчаетъ ей такъ: „Въ моемъ грустномъ настроеніи я встрѣтила далеко не благосклонно твои размышленія о г-жѣ Сталь. Скажи, что случилось съ твоимъ умомъ, если можешь ты такъ интересоваться ею въ минуты, когда намъ грозитъ бѣдствіе. Вѣдь, если Москва погибнетъ, все пропало! Бонапарту это хорошо извѣстно; онъ никогда не считалъ равными обѣ наши столицы. Онъ знаетъ, что въ Россіи имѣетъ громадное значеніе древній городъ Москва, а блестящій, нарядный Петербургъ почти тоже, что всѣ другіе города въ государствѣ. Это неоспоримая истина. Во время всего путешествія нашего, даже здѣсь, вдалекѣ отъ театра войны, насъ постоянно окружаютъ крестьяне, спрашивая о матушкѣ Москвѣ. Могу тебя увѣрить, что ни одинъ изъ нихъ не упоминалъ о Питерѣ. Жители Петербурга вмѣсто того, чтобы интересоваться общественными дѣлами, занимаются г-жею Сталь. Имъ я извиняю это заблужденіе, они давнымъ давно впадаютъ изъ одной ошибки въ другую; доказательство—приверженность вашихъ дамъ къ католицизму. Но вѣдь твоимъ, милый другъ, рѣдкимъ умомъ, я всегда восхищалась, а ты поддаешься вліянію атмосферы, среди которой живешь. Это меня крайне огорчаетъ. Я этого отъ тебя не ожидала. Да что-же такого сдѣлала эта дрянная Сталь, чтобы возбудить такой восторгъ? Кори́на сумасшедшая, безнравственная; ее-бы слѣдовало посадить въ домъ умалишенныхъ за ея сумасбродство и за бѣганіе по Европѣ пѣшкомъ съ кашюшопомъ на

*) „Здѣсь есть одинъ дорогой въ этомъ отношеніи человекъ; какъ и мы, онъ несчастный эмигрантъ. Это г. Мертваго, занимавшій нѣкогда весьма значительные посты и вынужденный оставить службу. Я рѣдко встрѣчала такой возвышенный умъ и свѣтлый разумъ; бесѣда его пріятна и занимательна“. Письмо отъ 7 октября.

головѣ, въ намѣреніи отыскать дурака своего Освальда.— Сдѣлай милость, повѣрь мнѣ, что не обстоятельства мѣшаютъ мнѣ восторгаться г-жею Сталь. Во всякую другую пору я была-бы на столько-же справедлива въ отношеніи къ ней. Я не уподоблю ее Вольтеру. Какъ онъ ни былъ дурень, все-же онъ гениаленъ, онъ гадости говорилъ и проповѣдывалъ прелестнымъ слогомъ; но и этого достоинства нѣтъ у г-жи Сталь *). Я сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы толковать съ тобою о постороннемъ предметѣ:—лишь одно занимаетъ меня; я не знаю ни минуты покою, и если-бы не вѣра въ Божіе милосердіе и убѣжденіе, что Богу все возможно, я-бы сошла съ ума“.

Москва сдѣлалась добычею пламени и грабежа, несчастія Россіи достигли своей высоты, и между тѣмъ петербургскіе баричи и барыни продолжали жить въ свое удовольствіе. „Намъ говорятъ, что между тѣмъ какъ вся Россія въ траурѣ и слезахъ“, пишетъ наша обращенная аристократка, „у васъ даютъ представленія въ театрѣ и что въ Петер-

*) Письмо отъ 3-го сентября. Мы встрѣчаемъ здѣсь еще слѣдующее характерное мѣсто. „Освальдъ такая личность, которой я не могу себѣ пообразить; онъ меня бѣситъ, я не терплю этихъ нерѣшительныхъ характеровъ, которые вѣчно колеблются; въ мужчинѣ это болѣе, чѣмъ отвратительно. „Дельфина“, по моему, въ тысячу разъ хуже „Корины“. Этотъ отвратительный романъ представляетъ смѣсь беззаконій и сумасбродства, его и нельзя читать хладнокровно. Можно-ли восхищаться женщиною, осмѣлившеюся изобразить такую скверную сцену въ церкви, а именно: женатый Леонъ требуетъ отъ Дельфины клятвы предъ алтаремъ, что она будетъ принадлежать ему! Развѣ это не отвратительно? И ты восторгаешься авторомъ такой гадости“. Справедливость требуетъ замѣтить, что М. А. Волкова съ самаго начала не принадлежала къ числу русскихъ людей высшаго тона, зачитывавшихся твореній г-жи Сталь и окончательно снялившихъ съ ума, когда знаменитая писательница, спасаясь отъ гонимій Наполеона, явилась въ Россію. „Она недѣлю пробыла въ Москвѣ“, пишетъ Волкова въ началѣ августа, „бывала въ знакомыхъ мнѣ домахъ и я не имѣла ни малѣйшаго желанія видѣть ее и ни чуть не искала встрѣтиться съ нею. Что-же она сдѣлала такого прекраснаго, чтобы возбуждать такой восторгъ. Сочиненія ея безбожны и безнравственны или безалаберны: послѣднія, по моему, лучше; но крайней мѣрѣ они никого не совратятъ съ истиннаго пути. Свѣтъ погибъ именно потому, что люди думали и чувствовали такъ, какъ эта женщина“. Само собою понятно, что далеко не всѣ теперешніе наши историки литературы поднидутъ такой приговоръ о г-жѣ Сталь; но М. А. Волкова могла-бы съ своей стороны опереться на приговоръ такого суроваго, но правдиваго судьи, какъ Шлоссерь.

бургъ въ русскій театръ ѣздить болѣе, чѣмъ когда-либо. Нечего вамъ дѣлать! не знаю, какъ русскій, гдѣ-бы онъ ни былъ теперь, хотъ въ Перу, можетъ потѣшаться театромъ *). Не такъ смотрять на вещи въ другихъ мѣстахъ. Шаховскіе, прибывшіе издалека, рассказываютъ, что взятіе Москвы привело всѣхъ въ крайнее отчаяніе, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ“ **).

Но вотъ Господь оглянулся на свой вѣрный, столь тяжело испытанный имъ народъ. Въ 20 числа октября по всей Россіи разнеслась радостная вѣсть, что Наполеонъ оставилъ Москву. „Хотя я убѣждена, что остался лишь пепель отъ роднаго города“, пишетъ наша корреспондентка, „но я дышу свободнѣе при мысли, что французы не ходять по милому праху и не оскверняютъ своимъ дыханіемъ воздуха, которымъ мы дышали. Единодушіе общее. Хотя и говорятъ, что французы ушли добровольно и что за ихъ удаленіемъ не послѣдовали ожидаемые успѣхи, все-таки съ этой поры всѣ мы ободрились, какъ-будто тяжкое бремя свалилось съ плечъ. Намедни три бѣглыя крестьянки, разоренныя, какъ и мы, пристали ко мнѣ на улицѣ и не дали мнѣ покою, пока я не подтвердила имъ, что истинно въ Москвѣ не осталось ни одного француза. Въ церквахъ снова молятся усердно и произносятъ особія молитвы за нашу милую Москву, которой участь заботитъ каждаго русскаго. Не выразить чувства, испытаннаго нами нынче, когда послѣ обѣдни начали молиться о восстановленіи города, прося Бога ниспослать благословеніе на древнюю столицу нашего несчастнаго отечества“ ***).— „О какъ

*) Впрочемъ, петербуржцы ѣздили въ это время въ русскій театръ изъ патріотизма и восхищались „Димитріемъ Донскимъ“ Озерова, также какъ восхищались они прежде „Федрою“ Расина.

***) Въ письмѣ отъ 30-го сентября читаемъ такой отзывъ о простомъ русскомъ народѣ: „Мы живемъ противъ рекрутскаго присутствія; каждое утро насъ будять тысячи крестьянъ; они плачутъ, пока имъ не забрѣютъ лба, а, сдѣлавшись рекрутами, начинаютъ нѣтъ и пилать, говоря, что не о чемъ горевать, видно такова воля Божія. Чѣмъ ближе я знакоплюсь съ нашимъ народомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что не существуетъ лучшаго и отдаю ему полную справедливость“.

***) „Кунцы, бѣжавшіе изъ Москвы, собираются вернуться туда по первому санному пути посмотрѣть, что съ нею случилось и по мѣрѣ силъ возстановить

дорога и священна родная земля! Какъ глубока и сильна наша привязанность къ ней! Какъ можетъ человѣкъ за горсть золота продать благосостояніе отечества, могилы предковъ, кровь братьевъ,—словомъ все, что такъ дорого каждому существу, одаренному душою и разумомъ“ *).

Горизонтъ началъ разъясняться, чѣмъ далѣе, все болѣе и болѣе. Одна милость Господня слѣдовала за другою. „Сколько пріятныхъ новостей“,—читаемъ мы наконецъ въ письмѣ отъ 25 ноября, послѣ столькихъ изліяній скорби въ прежнихъ письмахъ,—„милой другъ! Сколько причинъ надѣяться, что Господь сжалялся надъ нашими страданіями и что мы будемъ имѣть счастье отомстить за гибель милой столицы, унизивъ и окончательно уничтоживъ тирана, бывшаго причиною всѣхъ нашихъ мукъ. Нынѣ мы получили извѣстія отъ 6 ноября настолько удовлетворительныя, что можемъ позволить себѣ предаться чувству, похожему на радость. Я говорю, что чувство наше похоже на радость, ибо мы такъ давно не радовались, что даже забыли, что значитъ радоваться. Какъ-бы то ни было, но дышится свободнѣе и можно надѣяться, что снова настанутъ миръ и спокойствіе, которыхъ мы такъ жестоко были лишены“ **).

„Но пока до осуществленія этой надежды еще такъ страшно далеко! Въ будущемъ грозятъ новые ужасы. Еще страшная борьба не окончена, еще кровь льется потоками, а вслѣдъ за кровавымъ чудовищемъ войны движется блѣдный призракъ заразы. Хотѣлось-бы возвратиться, какъ можно скорѣе, на развалины дорогой Москвы, но ходитъ слухъ, что весь городъ и его окрестности усеяны трупами, заражающими воздухъ. Уже на пятнадцать верстъ отъ Москвы становится тяжело дышать. Колодцы, овраги, рвы вокругъ Кремля,—все завалено трупами. Не погребены еще до сихъ поръ мертвецы страшнаго Бородинскаго побоища; міазмы ужаснаго по-

потерянное. Можно надѣяться взглянуть на дорогія мѣста, о которыхъ я старалась не думать, полагая, что приходится на вѣки отказаться отъ счастья вновь увидѣть ихъ“. Письмо отъ 22-го октября.

*) Письмо отъ 22-го октября.

**) Письмо отъ 25 ноября.

ля отравляютъ воздухъ на десятки верстъ въ окружности“ *).— „Изъ западныхъ окраинъ Россіи приходятъ самыя неутѣшительныя вѣсти. Вся Смоленская губернія—это одно обширное кладбище, гдѣ валяются непогребенными сотни тысячъ нашихъ и непріятельскихъ труповъ, гдѣ среди страшныхъ пустынь и грудъ развалинъ шайки вооруженныхъ людей продолжаютъ добивать отсталыхъ, бѣгущихъ непріятелей. Что можетъ родиться изъ всѣхъ этихъ ужасовъ, какъ не страшная, всепоглощающая чума? Но, впрочемъ, гораздо лучше думать какъ можно менѣе о будущемъ. Сама религія, въ которой обрѣло себѣ въ этотъ моментъ утѣшеніе и опору страждущее человѣчество, учитъ насъ не пектись о завтрашнемъ днѣ, предоставляя его на благодать Всемогущаго. Господь чудеснымъ образомъ вывелъ всѣхъ насъ изъ тяжкаго кризиса; было-бы неблагодарностью съ нашей стороны, ежели-бы мы слѣпо не положились на Его волю съ полною увѣренностью, что тогда все пойдетъ хорошо!“ **)

Страшныя воспоминанія въ свою очередь не даютъ покою, и отъ нихъ единственное прибѣжище—религія. Перебирая духомъ все случившееся, мы приходимъ къ убѣжденію, что Господь, наказавъ насъ по мѣрѣ вины нашей, все-же избавилъ насъ отъ самаго худшаго. „Кто могъ предположить, что событія примутъ такой оборотъ? Кто могъ осмѣлиться обозначить предѣлы зла, которое въ состояніи были сдѣлать намъ французы до и по вступленіи своемъ въ Москву. Во всемъ видѣнъ перстъ Божій, и особенно безграничное милосердіе провидѣнія, которое, наказавъ насъ по правосудію своему, не допустило, однако, до крайней гибели. Опасались худшаго, нежели то, что случилось. Божія благодать спасла насъ отъ горя, которое для насъ было-бы тяжелѣ многихъ другихъ. Ты помнишь, что при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы мнѣ пришла ужасная мысль; я боялась, чтобы каннибалы не оскорбили гробницъ нашихъ отцовъ. Меня еще сильнѣе стала тревожить эта мысль, когда намъ рассказали, что чудо-

*) Письмо отъ 25 ноября.

***) Письмо отъ 25 ноября.

вища эти откапывали мертвецовъ, чтобы грабить могилы. Я съ отчаяніемъ вспоминала о Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ покоится лучшій и любимѣйшій изъ отцовъ. Но всѣ памятники остались въ цѣлости. У насъ какъ камень съ сердца свалился. Въ женскихъ монастыряхъ совершались мерзости; но что для насъ наиважнѣйшее, то цѣло благодаря Богу“ *).

Чѣмъ болѣе узнаетъ жительница Москвы объ ужасахъ, совершенныхъ французами **) въ ея родномъ городѣ, тѣмъ сильнѣе становится ея негодованіе, тѣмъ ярче разгорается ея патріотическое чувство. Она становится душою и тѣломъ на сторону русскихъ мужиковъ, которые корчатъ грозныя гримасы, когда ихъ господа, забывшись, начинаютъ по старой привычкѣ, болтать по французски ***). Съ радостью встрѣчаетъ она каждое извѣстіе о новыхъ пораженіяхъ и бѣдствіяхъ французовъ. Къ нимъ она не знаетъ состраданіи ****). Она гордится теперь, что французы честили русскихъ кличкою варваровъ. „Я согласна, пусть эти дураки называютъ Россію варварскою страной, коль скоро ихъ цивилизація привела ихъ къ добровольному подчиненію гнуснѣйшему тирану. Слава Богу, что мы варвары, если считаются образованными Австрія, Пруссія и Франція“ *****).

Вмѣстѣ съ патріотизмомъ растетъ и религіозное чувство;

*) Мы уже знаемъ, что Новодевичій монастырь уцѣлѣлъ благодаря суровой дисциплинѣ маршала Даву, но что въ другихъ мѣстахъ, не исключая и Кремля, французы давали полную волю своимъ святотатственнымъ инстинктамъ.

**) Подробности о происшествіяхъ въ Москвѣ см. въ письмахъ отъ 22 октября, 11, 18, 25 и 27 ноября.

***) „Въ Тамбовѣ до сихъ поръ ни одна дама не показывалась на балѣ, такъ что балы превратились въ мужскія собранія, гдѣ играютъ въ карты. Французскій языкъ изгнанъ; крестьяне лишь только услышатъ, что говорятъ на иностранномъ языкѣ, сейчасъ-же скорчатъ грозную гримасу. Шаховскіе рассказывали мнѣ, что во всю дорогу съ Кавказа до-сюда они были какъ на иглокахъ; если, забывшись, по привычкѣ начинали говорить по французски, мужчины сейчасъ спрашивали ихъ, не изъ тѣхъ-ли они негодяевъ, которые грабятъ Россію и Москву“. Письмо отъ 27 ноября.

****) „Извѣстія изъ арміи такъ хороши, что, будучи русскимъ, нельзя не забыть о своихъ потеряхъ и не радоваться, думая о безсмертной славѣ, которое приобретаешь наше милое отечество. Французы, особенно злодѣй Наполеонъ и его приверженцы совершенно растерялись“. Письмо отъ 2 декабря.

*****) Письмо отъ 2 декабря.

мало-по-малу оно начинаетъ принимать мистическій оттѣнокъ. „Знаешь-ли, что у меня бывали минуты, когда меня такъ мучило все, что мнѣ приходила мысль идти въ монастырь для избѣжанія всѣхъ горестей, которыя мы испытываемъ, живя въ свѣтѣ“ *).—„Если-бы монашеская жизнь была такова, какой ей слѣдуетъ быть, то живя въ уединеніи, мы приближались-бы къ величайшему блаженству, которое лишь возможно на землѣ. Въ свѣтѣ-же, посреди развлеченій, мы забываемъ ближняго. Что бы ты мнѣ ни говорила, я все-таки остаюсь при моемъ убѣжденіи, что уединеніемъ мы ограждаемся отъ многихъ скорбей. Въ свѣтѣ мы напускаемъ на себя неестественную чувствительность, папрашиваемся на разнаго рода непріятности и подвергаемся искушеніямъ. Чѣмъ меньше нитей, привязывающихъ насъ къ жизни, тѣмъ менѣе ощутительна потеря ихъ. Ты ошибаешься, думая, что я хочу избавиться отъ всякихъ привязанностей. Между ними есть такія, которыя самъ Богъ внушаетъ намъ: слѣдуетъ каждому исполнять свой долгъ. Хотя Господь запрещаетъ любить кого-либо болѣе, чѣмъ Его Самого, но повелѣваетъ любить ближняго, а чувство это слѣдуетъ хранить и въ монастырѣ“ **).

Такимъ-то образомъ отражались потрясающія событія отечественной войны въ душѣ женщины знатнаго происхожденія, получившей модное французское воспитаніе, отторгнутой съ самаго дѣтства отъ всего роднаго. Но струя религіозно-патріотическаго одушевленія не ограничивалась въ то время какимъ-либо извѣстнымъ общественнымъ слоємъ. Проистекая изъ одного и того-же могучаго источника, оно охватывало всю націю, наполняло сердца всѣхъ и cadaго, начиная отъ царя и оканчивая послѣднею бѣдною крестьянкою. Она вызывала въ жизнь такіе высокіе примѣры христіанской добродѣтели, подобные которымъ мы можемъ встрѣтить лишь въ первые вѣка христіанства. Что могло сравниться съ доблестью простаго русскаго воина, взятаго на всегда отъ родной семьи,

*) Письмо отъ 2 декабря.

**) „Впрочемъ не бойся: пока я нужна кому-либо на свѣтѣ, я не рѣшусь идти въ монастырь. Теперь я имѣю счастье посвящать матушкѣ все мое время“. Письмо отъ 31 декабря.

осужденнаго на вѣчную солдатскую службу, лишеннаго всякой надежды на повышение, на выходъ изъ своего положенія? И эти люди, терять которымъ было нечего, шли безропотно, съ энтузіазмомъ на смерть. Одушевляемые своею твердою безхитростною вѣрою, они совершали чудеса храбрости и не было болѣе вѣрнаго убѣжища отъ смертоносныхъ атакъ непріятельской конницы, какъ среди желѣзнаго карре этихъ неспорченныхъ доблестныхъ сыновъ народа *). Но едва-ли не поразительнѣе были тѣ подвиги христіанскаго смиренія, которые совершала въ эту чудесную эпоху, въ своей скромной средѣ, простая необразованная русская женщина! Въ то время, какъ наши крестьяне расправлялись самымъ безжалостнымъ образомъ съ непріятельскими солдатами, попадавшими къ нимъ въ руки, когда обращеніе съ несчастными плѣнниками, даже со стороны лицъ высокообразованныхъ, оставяло желать много лучшаго, когда благородные офицеры считали дѣломъ гуманности пристрѣлить изнемогающаго отъ усталости француза,—въ это желѣзное время, одна бѣдная Орловская мѣщанка испросила позволенія взять къ себѣ въ домъ нѣсколькихъ плѣнныхъ. Она выбрала сама изъ большой партіи пятерыхъ наиболѣе несчастныхъ, наиболѣе нуждающихся въ помощи. Она принялась ходить за ними, какъ любящая мать, и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ. Истративъ на нихъ все, что имѣла, до послѣдняго рубля, она, не рѣшаясь и тогда покинуть ихъ, стала обходить городъ нищею и полученными подавнїями продолжала содержать ея прирѣваемыхъ. И таже самая женщина считала своихъ гостей погаными нехристями. Когда ихъ вмѣстѣ съ другими плѣнными отправили далѣе, она разбила всю посуду, изъ которой они пили и ѣли, потому что боялась осквернить ею самую себя и своихъ близкихъ. „Не знаю, говоритъ современникъ, можно-ли найти примѣръ чувства болѣе истинно христіанскаго“ **).

*) См. описанія Бородинской битвы у Беригарди, Богдановича, Евгенія Виртембергскаго и другихъ.

**) Воспомнанія К. К. Павловой. Въ тѣхъ-же воспомнанїяхъ находимъ мы слѣдующій фактъ, рисующій обратную сторону картины. Одинъ старый мужикъ, разговарившій разъ о 12 годѣ, разсказалъ мнѣ, между прочимъ, и слѣдующее:

Одушевляя на такіе подвиги, возрожденное и обновленное тяжелыми бѣдствіями христіанское чувство научало тогдашнихъ людей, образованныхъ и необразованныхъ, смотрѣть на всѣ событія съ точки зрѣнія, по преимуществу, религіозной, открывало имъ вездѣ и во всемъ праведную и спасительную десницу Божію. Наполеонъ задумалъ уничтожить драгоценную святыню народа русскаго, онъ приказалъ подложить подъ Кремль цѣлыя массы пороху, но Богъ не попустилъ сего злодѣянія, замѣчаетъ современникъ: „цѣлые водопады, по сказанію самихъ французовъ, низринулись съ неба на землю, чтобы въ утробѣ ея затушить адскій огонь. Уголь арсенала, часть стѣны и Никольской башни взлетѣли только на воздухъ; но, о чудо новое, не только икона, на башнѣ висящая, даже стекло ее покрывающее, остались невредимы“ *).

Наполеонъ покидаетъ Москву и направляется на югъ къ Калугѣ. Кто-же останавливаетъ его на этомъ пути? Наша армія? Нѣтъ! она открыла ему дорогу. Десница Божія заслоняетъ ему входъ во внутреннія, изобильныя области Россіи и насильно поворачиваетъ его на тотъ самый путь, гдѣ не задолго передъ тѣмъ земля стонала подъ шагами шести сотъ тысячной арміи,—гдѣ отъ ея приближенія все гибло, все превращалось въ пепель,—гдѣ, слѣдное орудіе провидѣнія, онъ самъ готовилъ себѣ гибель. „Когда съ неописанною радостью узнали у насъ о томъ, то всѣ вскрикнули: „ну теперь ему конецъ! Нѣтъ, еще не совсѣмъ“, отвѣтъ былъ свыше, но онъ уже не далекъ“ **).

„Вотъ матушка, какъ наступилъ морозъ, и французамъ стало не въ моготу отъ холода и голода, всѣ они и разбрелись, какъ стадо, кто туда, кто сюда, какъ понало. Куда удалъ дѣвалась! Только-бы уйти отъ нашихъ. Тащатся по дорогамъ, истощалые, а другіе, почитай, уже и ногъ не волочатъ. Вотъ бывало и наткнемся мы, парни, на одного, возьмемъ и приведемъ въ деревню,—такъ бабы то и купятъ его у насъ за нитакъ: сами хотятъ убить. Ну бабье-ли это дѣло? Одна пышетъ кожомъ, другая колотитъ кочергою, опять другая тычетъ веретеномъ; мучають, мучають, иногда жалко станеть, гляди; подойдешь дахватишь его порядкомъ по головѣ. А онъ-то, ну, ругаться, зачѣмъ молъ не далъ имъ самимъ убить до смерти“. „Русскій Архивъ“ за 1875 года кн. 3, стр. 228.

*) Воспоминанія Вигеля, ч. IV-ая, стр. 68. Неудача взрыва не можетъ быть, впрочемъ, объясняема однимъ дождемъ. См. журналъ „Вѣра и Разумъ“ за 1885 г.

***) Воспоминанія Вигеля, ч. IV-ая, стр. 69.

„Въ началѣ ноября мрачныя тучи закрываютъ небо, снѣгъ покрываетъ землю; зима со всѣми своими ужасами спѣшитъ къ намъ на помощь. Ужасный сѣверный вѣтеръ, какъ гнѣвъ Божій, внезапно настигъ еще многочисленныя толпы несчастныхъ непріятелей, полуодѣтыхъ, полуобутыхъ. Одни, еще согрѣты мужествомъ, отстрѣливались; другіе, будучи не въ силахъ владѣть оружіемъ, роняли его изъ окоченѣлыхъ рукъ и тысячами сдавались. Небо явно споспѣшествовало намъ. Стихіи сдѣлались нашими союзницами; отъ проливнаго дождя, спасшаго древній Кремль, до жестокаго мороза, близъ Смоленска, истребившаго большую, лучшую часть непріятельской арміи, едва прошло три недѣли“ *).

Дѣло Россіи съ Наполеономъ—это не простая война, это судъ Божій; само провидѣніе произнесло въ ней свой рѣшающій приговоръ,—вотъ въ какомъ мнѣніи сходятся единогласно тысячи и милліоны,—вотъ чтó говоритъ громогласно вся Россія и повторяетъ вслѣдъ за нею ошеломленная радостною вѣстью Европа!

Точно также смотреть на ходъ борьбы и на конечный результатъ ея и вѣнценосный вождь народа русскаго. Неслыханныя несчастія, разочарованіе во всѣхъ средствахъ политической и военной мудрости, во всѣхъ измышленіяхъ человѣческихъ, очистили и смирили душу императора Александра и вывели его на спасительный путь религіозно-нравственнаго возрожденія. Это возрожденіе осталось-бы неполнымъ и несовершеннымъ, если-бы удары судьбы продолжали преслѣдовать императора Александра до конца, если-бы ему пришлось искать убѣжища отъ гордаго завоевателя на отдаленнѣйшихъ окраинахъ своей имперіи. Историкъ не въ

*) См. Вигель, Воспоминанія ч. IV стр. 69. Приписавъ, вопреки истинѣ, въ этомъ мѣстѣ своихъ записокъ такое громадное значеніе морозу въ дѣлѣ истребленія непріятельской арміи, Вигель нѣсколькими страницами ниже говоритъ, противорѣча самому себѣ, но болѣе согласно съ истиною: „все еще толкуютъ о генералѣ Морозѣ, забывая, что этотъ годъ осень стояла у насъ теплѣе, чѣмъ во Франціи, что первыя пораженія при Тарутицѣ и Малоярославцѣ были въ началѣ октября и что на протяженіи почти четырехъ сотъ верстъ отъ Москвы до Смоленска, когда еще генераль этотъ не думалъ показываться, уже цѣлыя бригады и дивизіи начинали исчезать въ непріятельской арміи.

правѣ говорить, что произошло-бы съ императоромъ Александромъ въ томъ случаѣ, если-бы ему пришлось испытать до конца чашу бѣдствій, если-бы ему пришлось дѣйствительно питаться однимъ хлѣбомъ въ отдаленнѣйшемъ углу Сибири. Быть можетъ, нѣжная и любящая душа императора, душа столь чуткая къ страданіямъ своего народа, не выдержала-бы страшнаго испытанія и подломилась-бы подъ его тяжестью; быть можетъ, лучъ божественной истины, возсіявшій въ душѣ его со времянь московскаго пожара, угасъ-бы въ безднѣ и мракѣ отчаянія. Но провидѣнію не угодно было испытывать Александра свѣше силъ его, свѣше силъ человѣческихъ! Прошло не болѣе мѣсяца послѣ пожара Москвы, а уже нельзя было сомнѣваться болѣе, что великая борьба должна окончиться не въ пользу Наполеона *).

Одна радостная вѣсть слѣдовала за другою; но странное, чудное дѣло! и тутъ, въ этой второй половинѣ кампаніи повторилось, хотя и въ обратномъ направленіи, все то, что ознаменовало собою всю первую ея половину. И теперь всѣ планы, всѣ соображенія, всѣ хитросплетенія ума человѣческаго оказались въ концѣ концовъ пустыми, суетными и излишними. Въ Петербургѣ составляли сложные и искусственные военные планы; Кутузовъ и другіе генералы принимали и одобряли ихъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ выполненъ въ дѣйствительности. Такая-же участь постигла и комбинаціи, изобрѣтаемыя нашими стратегами въ главной квартирѣ Кутузова. Все, что мы ни придумывали, рѣшительно не удавалось намъ. Мы собирались заградить непріятелю путь въ Калугу, но принуждены были отступить послѣ Малоярославецкаго сраженія. Мы хотѣли перерѣзать ему путь отступления подъ Вязмою, но ограничились лишь слабою атакою на одинъ изъ его корпусовъ. Подъ Краснымъ мы дѣйствительно заградили путь Наполеону, но затѣмъ, какъ-бы испугавшись собственной смѣлости, открыли ему свободную

*) Императоръ Александръ ранѣе кого-либо другаго пришелъ къ убѣжденію въ несомнѣнной побѣдѣ Россіи. Это видно изъ его разговора съ графомъ Огинскимъ въ началѣ октября 1812 г.,—разговора, который мы приведемъ ниже въ слѣдующей главѣ нашего сочиненія.

дорогу. На Березинѣ мы собирались во что-бы то ни стало изловить Наполеона и уничтожить всю его армию. Наши стратеги рассчитывали дни и часы, когда должны были прибыть къ берегамъ роковой рѣки всѣ наши арміи. Даже публика, мало знакомая съ географіею Россіи, памѣтила Березину мѣстомъ гибели Наполеона и его полчищъ. „Странно и непонятно!“ говоритъ современникъ. „Безъ всякаго знанія мѣстности, еще прежде чѣмъ достигъ онъ Березины, народный гласъ уже избралъ берега ея мѣстомъ его казни“ *). И что же? Масса публики могла удовлетворить свою жажду мести, читая и перечитывая ужасы, ознаменовавшіе Березинскую переправу **); но ни для кого не осталось тайною, что главная цѣль наша не была достигнута, что Наполеонъ ушелъ вмѣстѣ съ своими войсками, оставивъ намъ на жертву однихъ безоружныхъ.

И другія наши комбинаціи оказались совершенно неосновательными. Поляки, остававшіеся при С.-Петербургскомъ дворѣ, продолжали неустанно увѣрять императора, что ихъ соотечественники перейдутъ на нашу сторону, какъ только счастье отвернется отъ Наполеона, но случилось совершенно иное. Поляки продолжали сражаться противъ насъ съ ожесточеніемъ, а Чичаговъ доносилъ государю, что во всей западной нашей окраинѣ только одни жида радуются нашимъ успѣхамъ, а поляки бѣгутъ отъ нашихъ войскъ, какъ отъ чумы. Германскіе патріоты, нашедшіе убѣжище въ Россіи, высказывали убѣжденіе, что нѣмецкіе солдаты Наполеона массами будутъ покидать ненавистныя знамена тирана и переходить къ русскимъ. Самъ Штейнъ высказывалъ въ этомъ отношеніи несбыточныя надежды. По его мысли положено было сформировать цѣлый легіонъ изъ нѣмецкихъ перебѣжчиковъ. Въ дѣйствительности, нѣмецкіе солдаты великой ар-

*) Воспоминанія Вигеля, ч. IV, стр. 73.

***) Чувство мести, какъ свидѣтельствуешь Вигель, не было, однакоже удовлетворено. „Ужасами переправы черезъ Березину не могла быть удовлетворена въ насъ жажда мести: намъ подавай самого Наполеона, а онъ ускользнулъ. Нельзя изобразить общаго негодованія на Чичагова; всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кланіи его искусство“. Вигель, ч. IV, стр. 73.

ми оказались столь-же вѣрными своему знамени, какъ и французскіе. Въ Москвѣ нѣмцы свирѣпствовали хуже самыхъ французовъ, а въ битвахъ на Березинѣ они дрались съ отчаянною храбростью. О перебѣжчикахъ, кромѣ обычныхъ въ каждой войнѣ, не было и рѣчи. Пришлось формировать легионъ изъ нѣмецкихъ плѣнныхъ, да и то дѣло подвигалось крайне медленно *).

Всѣ русскіе, не исключая самого Кутузова и другихъ нашихъ генераловъ, ждали какъ избавленія наступленіе зимы. Но зима наступила въ 12 году очень поздно, да и далеко не принадлежала къ числу суровыхъ. Все было, такимъ образомъ, повидимому, противъ насъ,—и, однакоже, результатъ превзошелъ въ концѣ концовъ всѣ наши ожиданія. Кампанія окончилась совершеннымъ истребленіемъ непріятельской арміи и какимъ истребленіемъ, чудовищнымъ, небывалымъ во всемирной исторіи! Полумилліонное ополченіе Наполеона не было разбито или взято въ плѣнъ,—нѣтъ, оно исчезло, въ буквальномъ смыслѣ слова, съ лица земли. Предъ этимъ ужасующимъ фактомъ блѣднѣли всѣ примѣры и катастрофы прошлаго. Что значили, въ самомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ катастрофою 1812 года, всѣ рассказы древнихъ о гибели безчисленныхъ полчищъ Ксеркса. То были полчища, гонимыя бичемъ бессмысленнаго деспота, а здѣсь погибла стройная армія, составленная изъ образованнѣйшаго населенія Европы, предводимая искусными генералами, двигаемая гениемъ величайшаго изъ полководцевъ.

Императоръ Александръ былъ посвященъ, безъ сомнѣнія, лучше кого-либо изъ своихъ подданныхъ въ дѣйствительный ходъ военныхъ операцій. Напряженно слѣдилъ онъ за каждымъ шагомъ нашихъ и непріятельскихъ армій; неудачи нашихъ плановъ, послѣдовательное ускользаніе Наполеона изъ всѣхъ ловушекъ, поставленныхъ ему на пути, становились ему извѣстны ранѣе и полнѣе другихъ. Императоръ продолжалъ относиться съ крайнимъ недовѣріемъ къ страте-

*) Извѣстія о формированіи германскаго легиона собраны у Перца, Stein's Leben, т. III.

гическимъ способностямъ главнокомандующаго. Осыпая Кутузова и другихъ генераловъ щедрыми наградами, онъ не скрывалъ однакоже своего недовольства, отъ людей близкихъ ему, результатами нашихъ военныхъ дѣйствій *).

Императоръ могъ знать также лучше кого-либо другаго о дѣйствительныхъ причинахъ, наносившихъ каждый день громадный уронъ непріятельской арміи, приближавшихъ ее съ каждымъ часомъ все ближе и ближе къ неизбѣжной и страшной гибели. Онъ могъ знать, что надъ истребленіемъ непріятеля работаютъ не одинъ морозъ и голодъ, а также неутомимое преслѣдованіе казаковъ и нашихъ легкихъ войскъ, яростное ожесточеніе нашихъ крестьянъ и, наконецъ, страшный безпорядокъ, господствовавшій въ рядахъ великой арміи уже послѣ выхода ея изъ Москвы. Но какъ-бы далеко ни шли свѣдѣнія, получаемыя императоромъ Александромъ, какъ-бы точны и полны ни были они, а все же конечный результатъ не могъ не поразить и самого императора. Императоръ все ожидалъ извѣстій о рѣшительныхъ битвахъ, о прегражденіи путей отступленія непріятелю, о сдачѣ цѣлыхъ корпусовъ; такихъ извѣстій не воспослѣдовало, но реляціи главнокомандующаго и свѣдѣнія, шедшія изъ другихъ источниковъ, доносили каждый день о непонятномъ и быстромъ бѣгствѣ Наполеона, о тысячахъ плѣнныхъ, массѣ пушекъ, трофеевъ и всевозможной добычѣ, забираемой каждый день нашими войсками, о тысячахъ труповъ, устилавшихъ всѣ дороги отступленія и преслѣдованія, о невѣроятныхъ сверхъчеловѣческихъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на голову нашего врага.

Какъ должны были дѣйствовать подобныя вѣсти на впечатлительную душу императора Александра, на его сердце, воспламененное и проникнутое божественнымъ свѣтомъ вѣры, на его пламенное воображеніе, возбужденное въ высокой степени чтеніемъ пророческихъ мѣстъ Священнаго Писанія? Онѣ должны были прежде всего укрѣпить его неизбѣ-

*) Императоръ не скрывалъ, впрочемъ, своего недовольства и отъ самого Кутузова ни въ письмахъ своихъ къ нему, ни въ личной бесѣдѣ съ нимъ, по прибытіи въ Вильну.

лимо въ вновь приобрѣтенной вѣрѣ. Эта вѣра не имѣла ничего общаго съ тою дѣтскою прозаическою моралью, которую внушали ему его воспитатели, начиная отъ республиканца Лагарпа и оканчивая отцемъ Самборскимъ. Тутъ не было и слѣдовъ той абстрактности, того чисто формальнаго отношенія къ Верховному существу,—существу, въ сущности безличному, безсильному и излишнему, которую старались внушить ему съ самого нѣжнаго дѣтства. Тутъ была вѣра живая, выработанная имъ самимъ, купленная дорогою цѣною страшно тяжелыхъ испытаній, внутренней борьбы, бессонныхъ ночей, мучительныхъ, безотрадныхъ дней. Эта вѣра родилась въ немъ сама собою, безъ всякой посторонней помощи и воздѣйствія. Голицинъ, правда, намекнулъ ему случайно на Библию, священникъ поразилъ его внезапно прочитаннымъ, хорошо знакомымъ ему текстомъ; Шишковъ подобралъ для него мѣста изъ Св. Писанія; по все это были не Болѣе какъ случайности, какъ внѣшніе толчки, ускорившіе и облегчившіе его возрожденіе. Вліяніе этихъ людей на императора Александра столь-же знаменательно, какъ и то обстоятельство, что Библия, случайно упавшая на полъ, раскрылась именно на томъ псалмѣ, который впервые влилъ въ его душу увѣренность и надежду, послѣ столь тяжкихъ дней унынія и отчаянія. Во всѣхъ этихъ людяхъ и обстоятельствахъ слѣдуетъ усматривать не случайность, а прямое и непосредственное дѣйствіе промысла Божія, ведущаго человѣка путями чудными и невѣдомыми во храмъ спасенія. Само провидѣніе дало ему въ руки книгу книгъ, книгу божественнаго откровенія; оно научило его читать и понимать ее. Въ этой книгѣ нашелъ онъ отголосокъ своихъ недавнихъ страданій и борьбы; въ ней прочелъ онъ исторію страшнаго нашествія, ужасной судьбы, обрушившейся на него самого, на его пародъ, на его древнюю столицу. Въ этой-же книгѣ онъ находитъ теперь описаніе своего избавленія, торжества своего народа надъ властителемъ и тираномъ цѣлаго міра.

И въ самомъ дѣлѣ, къ кому, какъ не къ его гордому противнику, могутъ относиться сіи боговдохновенные слова пророка:

„Се кипарисъ въ Ливанѣ, добръ отраслями, и высокъ величественнымъ, и часть покровомъ и средѣ облакъ бысть власть его. Вода воспита его (Наполеонъ родился на островѣ), бездна вознесе его (Наполеонъ возвысился изъ бездны низкаго званія), рѣки приведе окрестъ кореній своихъ, и составы своя испусти во вся дрevesа полевая. Сего ради вознесся величество его паче всѣхъ дрevesъ польныхъ, расширилася вѣтвiя его, и вознесошася отрасли его отъ воды многи, егда протяжеса... Сосны не подобны отраслямъ его, и елие не бысть подобно вѣтвiямъ его; во отраслямъ его возгнѣздишася вся птицы небесныя, и подъ вѣтвiями его раждахуся вси звѣри польныи. Подъ сѣнiю его вселися все множество языковъ. И возгордеса величествомъ своимъ и вознесся сердце его и далъ власть свою въ средину облакъ“ *).—„Какое вѣрное изображенiе великаго моего противника“, могъ думать Александръ, читая эти поэтическiя строки пророка Иезекiиля. Развѣ Наполеонъ не возвысился подобно кедру надъ всею землею, развѣ подъ сѣнью его не искали убѣжища всѣ народы мiра, порабощенныя имъ, развѣ корни его владычества не разошлись по дѣлому материку, развѣ онъ не возгордился выше мѣры своимъ величiемъ, своею властью,—развѣ онъ не сталъ ругаться, наконецъ, надъ человѣческимъ и божескимъ правомъ? И въ этомъ превознесенiи его, въ этой непомерной гордынѣ заключается причина его теперешняго паденiя.

Но кто-же сокрушилъ его, непобѣдимаго? По наружности онъ, Александръ, и вѣрный народъ его, по въ дѣйствительности они были не болѣе, какъ орудiями Всевышняго. Его паденiе описано тѣмъ-же боговдохновеннымъ пророкомъ: тогда прогнѣвался на него Богъ и „предалъ его въ руцѣ князя и сотворилъ ему пагубу по нечестiю его, и погнаша и истребиша его, и повергоша на горахъ и во всѣхъ дебрѣхъ падоша вѣтви“ **).

Наполеонъ предавъ Самимъ Богомъ въ руки Александра; русскiе гонятъ и истребляютъ его полчища; по горамъ и по дебрямъ разсѣяны трупы его воиновъ.

*) Иезекiиль, гл. 31.

***) Иезекiиль, гл. 31.

„И сотрошася отрасли его на всякомъ полѣ и снисдоша отъ покрова его вси людїе языковъ и разориша его“ *). И отъ страшнаго паденія Наполеона въ Россіи потрясутся основы его могущества во всѣхъ покоренныхъ странахъ; порабощенные народы поднимутся противъ него и разрушатъ его державу.

„Въ паденіи его почиша вся птицы небесныя, и на стеблюю его быша вся звѣри сельніи, яко да не возносятся величіемъ своимъ вся дресеса, иже въ водѣ, и не дадутъ власти своея средѣ облакъ. Плакася о немъ бездна... и померче Ливанъ“. (Плакала его родина Корсика и помрачилася слава Франціи). „Отъ гласа паденія его потрясошася вся бывшая подъ сѣнію его дресеса, и сведошася во адъ язвеніи отъ меча и живущія подъ покровомъ его среди жизни своей погибоша“ **).

Основы могущества Наполеона пошатнутся повсемѣстно. Грохоть его паденія потрясетъ и увлечетъ за собою въ гибель искавшихъ защиты и благополучія подъ его могучимъ покровомъ, извлеченныхъ имъ изъ мрака ничтожества и бѣдности.

Темны и сокровенны послѣднія слова пророчества. Одно будущее можетъ разгадать ихъ. Въ нихъ предначертана конечная судьба великаго завоевателя. „Тако возліяся на него бездна и покры его вода многа, яко пустыню вѣчную; да не населится, ни же возстанеть; да възыщется и не обрящется во вѣки“.

Темны и непостижимы послѣднія слова пророчества. Борьба еще не окончилась, конечная судьба завоевателя еще покрыта мракомъ; но Россія, ея царственный вождь, а съ ними и весь міръ вправѣ возликовать и возрадоваться. Если къ кому либо, то именно къ нимъ вполне примѣнимы слѣдующія слова Библіи: „Господь воцарися; да радуется земля, да веселятся острови мнози. Облакъ и мракъ окрестъ его.... Огонь передъ нимъ предыдетъ и поглотитъ окрестъ враги его. Освѣтиша молніи его вселенную; видѣ и воздвижеся земля. Горы яко воскъ растаяша отъ лица Господня, отъ

*) Іезекіиль, гл. 31.

***) Іезекіиль, гл. 31.

лица Господа всея земли. Возвѣстиша небеса правду его и видѣша вся людіе славу его. Да постыдятся вся кланяющіеся истуканнымъ, хвалящіеся о идолѣхъ своихъ“ *).—„Господи, се воздвижесе солнце и луна ста въ чинѣ своемъ, яко изшелъ еси въ блистаніи молній твоихъ во спасеніе людей, спасти помазанныя твоя“ **).—„Вложилъ еси во главы беззаконныхъ смерть, яко уста ихъ глаголаша суету и десница ихъ десница неправды. Ты же возстани Іерусалиме, совлецы ризы плачевныя и облечыся въ одежду правды, въ лѣпоту славы твоея. Забуди скорбь твою и возложи вѣнецъ на главу твою“ ***).—„Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, приде бо твой свѣтъ и слава Господня на тебѣ возсія. Се тьма покрыла землю и мракъ на языки; на тебѣ-же явится Господь и слава его на тебѣ узрится. И пойдуть царіе свѣтомъ твоимъ и языци свѣтлостью твоею. Се придоша сынове твои издалече; возстани Іерусалиме и стани на высотѣ и поглядай и виждь собранная чадо твоя отъ востока солнца до запада. Враги твои придоша на багряницѣхъ и на коняхъ и изыдоша отъ тебе наги и пѣши; совѣща бо Господь смирится горѣ высокоѣй, и пасти отъ руки твоей въ ровень съ юдолиемъ.—Возрадуйся, яко придутъ къ тебѣ вси раздражившіе тя и поклонятся слѣдамъ ногамъ твоихъ и парѣчешися: миръ правды и глава благочестія. Возрадуйся, яко людіе твои раскуютъ мечи свои на рала и сулицы своя на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча и престануть воевати. И почіетъ кійждо подъ лозою своею, и кійждо подъ смоковницею своею и не будетъ устрашающаго“ ****).—„Возрадуись, яко приложится къ тебѣ богатство морское, и придутъ къ тебѣ стада верблюдъ,носяще злато и ливанъ, и камень честенъ. Се корабли фарсистіи аки облацы къ тебѣ летятъ, и яко голуби и птенцы своими“ *****).—„Бразды твоя упоются и жита твоя умножатся“ *****“).

*) Псаломъ 96.

***) Пророкъ Аввакумъ, гл. 3.

****) Ісаія, гл. 60.

*****) Михей пророкъ, гл. 4.

*****) Маккав. кн. I, гл. 14.

*****) Ісаія, гл. 60.

„Поля твоя исполнятся тука, овцы будутъ многоплодни и волове твоя толсти; удоля умножатъ пшеницу, пустыни возвесялятся и холмы радостью препояшутся. Не услышится неправда на земли твоей, ни сокрушеніе, ни бѣдность въ предѣлахъ твоихъ; но прозвуются забрала твоя спасеніе и врата твои хвала. Не зайдетъ бо солнце тебѣ и луна не оскудѣетъ тебѣ, будетъ бо Господь тебѣ: свѣтъ вѣчный“ *).

Государь вчитывается въ эти божественныя слова. Онъ видитъ, что многія изъ пророчествъ уже сбылись чудеснымъ образомъ. Уже врагъ, пораженный божественнымъ гнѣвомъ, бѣжитъ изъ предѣловъ Россіи, устилая путь сотнями тысячъ труповъ; уже новый Іерусалимъ—Москва возстаетъ изъ развалинъ и пепла, уже вѣрный народъ его ликуетъ вокругъ него, радуясь своему спасенію, возсылая горячія мольбы къ Предвѣчному. Государь имѣлъ случай наблюдать, какъ молится его народъ. Онъ навѣрное подписалъ-бы слова очевидца-иностранца, съ изумленіемъ посѣщавшаго въ это время столичные храмы, биткомъ набитые молящимися. „Религіозность русскихъ, пишетъ онъ, столь-же глубока, какъ поверхностна она у ихъ сосѣдей (поляковъ). Я поистинѣ дивился лицамъ молящихся въ церквахъ и на улицахъ, когда раздавался утренній или вечерній звонъ. Какъ все останавливалось и складывало руки (?), какъ все смотрѣло глубоко, словно заглядывало въ небо и въ самого себя, словно внезапно переносилось изъ веселости предъидущей минуты, изъ суеты житейской въ иной міръ. Словно ударилъ громъ и приковалъ всѣхъ къ мѣсту, гдѣ только что всѣ беззаботно двигались и шумѣли. Тутъ чувствуешь, что въ этомъ народѣ есть внутренняя сила, есть твердая и не разрушимая сущность. У послѣдняго крестьянина написано на лицѣ: „я также вѣчто“,—выражается великая, несокрушимая общность, нѣчто похожее на гордость, о чемъ смиренный нѣмецъ не имѣетъ и понятія“ **).

*) Псаломъ 64.; Исаія, гл. 60.

***) Изъ воспоминаній Арндта о 1812 г. „Я не говорю это въ качествѣ человека, который-бы ихъ особенно любилъ и ими восхищался; но таково именно впечатлѣніе, которое они произвели на меня. Они не любятъ нѣмцевъ, они даже

годину бѣдствій, чувствовалъ что съ нимъ онъ можетъ совершить всѣ тѣ великіе подвиги, къ которымъ призываютъ его слова боговдохновеннаго пророка, къ которымъ влечетъ его съ преодолимою силою все его внутреннее существо, въ которыхъ видитъ онъ задачу и вѣнецъ своей жизни. Но прежде всего государь чувствуетъ потребность отблагодарить передъ лицомъ Всевышняго и всего свѣта свой народъ. 3 ноября, въ тотъ моментъ, когда участь похода и судьбы непріятеля были уже рѣшены, Александръ подписываетъ слѣдующій манифестъ, составленный, какъ и всѣ государственные акты этой великой эпохи, Шишковымъ.

„Всему свѣту извѣстно, какимъ образомъ непріятель вступилъ въ предѣлы имперіи нашей. Никакія пріемлемыя нами мѣры къ точному соблюденію мирныхъ съ нимъ постановленій, ниже прилагаемое во всякое время стараніе всевозможнымъ образомъ избѣгать отъ кровопролитной и разорительной войны, не могли остановить его упорнаго и ничѣмъ непреклоннаго намѣренія. Съ мирными въ устахъ обѣщаніями не переставалъ онъ помышлять о брани. Наконецъ, приготовивъ сильное воинство и приумноживъ оное Австрійскими, Прусскими, Саксонскими, Баварскими, Виртембергскими, Вестфальскими, Итальянскими, Гишпанскими, Пуртугальскими и Польскими полками, угрозами и страхомъ приневоленными *), со всѣми сими многочисленными силами и множествомъ орудій двинулся онъ внутрь земли нашей. Убіиства, пожары и опустошенія слѣдовали по стопамъ его. Разграбленныя имущества, сожженные города и села, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганныя храмы и алтари Господни,—

презирають ихъ. Я не плачу имъ тѣмъ-же, но любить ихъ я также-бы не могъ, а жить между ними я не хотѣлъ-бы ни за что въ мірѣ. Имъ пришлось испытать великую и тяжкую судьбину, и они честно испытали ее. Я не думаю, чтобы имъ было суждено произвести въ мірѣ переворотъ, я не желаю видѣть ихъ въ моемъ отечествѣ въ качествѣ исправителей міра; но и чужіе не такъ легко сдвинуть съ пути этихъ твердыхъ богатырей“. „Русскій Архивъ“ за 1871 г. стр. 0107.

*) Въ числѣ народовъ, приневоленныхъ Наполеономъ къ походу въ Россію, встречаемъ мы съ изумленіемъ и поляковъ. Безъ сомнѣнія, ихъ имя внесено было въ манифестъ не Шишковымъ.

словомъ, всѣ неслыханныя доселѣ неистовства и люто-сти открыли на послѣдокъ то самое въ дѣлахъ, что въ глубинѣ мыслей его долгое время тайлось. Могущее и изобильное и благополучное царство Россійское рождало всегда въ сердцѣ врага страхъ и зависть. Обладаніе цѣлымъ свѣтомъ не могло его успокоить, доколѣ Россія будетъ процвѣтать и благоденствовать. Исполненъ сею боязнію и глубокою ненавистію къ ней, враждалъ, изобрѣталъ, устраивалъ онъ въ умѣ своемъ всѣ коварныя средства, которыми-бы могъ нанести силамъ ея страшный ударъ, богатству ея всеконечное разореніе, изобилію ея повсемѣстное опустошеніе. Даже хитрыми и ложными обольщеніями мнилъ потрясти вѣрность къ престолу, поруганіемъ-же святыни и храмовъ Божіихъ поколебать вѣру и нравы народныя заразить буйствомъ и злочестіемъ. На сихъ надеждахъ основалъ онъ свои пагубныя замыслы и съ ними, на подобіе тлетворной и смертоносной бури, понесся въ грудь Россіи. Весь свѣтъ обратилъ глаза на страдающее наше отечество, и съ унылымъ духомъ чаялъ въ заревахъ Москвы видѣть послѣдній день своей свободы и независимости. Но великъ и силенъ Богъ правды! Не долго продолжалось торжество врага. Вскорѣ стѣсненный со всѣхъ сторонъ храбрыми нашими войсками и ополченіями, почувствовалъ онъ, что далеко дерзкія стопы свои простеръ, и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодѣйствъ, мужественныхъ и вѣрныхъ Россіянъ устрашить и отъ гибели своей избавиться не можетъ. Послѣ всѣхъ тщетныхъ покушеній, видя многочисленныя войска свои повсюду побитыя и сокрушенныя, съ малыми остатками оныхъ ищетъ личнаго своего спасенія въ быстротѣ стоць своихъ: бѣжить отъ Москвы съ такимъ уничиженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщеславіемъ и гордостію приближался къ ней. Бѣжить, оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои и предавая въ жертву все то, что за скорыми пятнами его послѣдовать не успѣваетъ. Тысячи бѣгущихъ ежедневно валятся и погибаютъ. Тако праведный гнѣвъ Божій караетъ поругателей святыни его! Внимая съ отеческимъ чадолюбіемъ и радостнымъ сердцемъ симъ великимъ и зна-

менательнымъ подвигамъ любезныхъ нашихъ вѣрнопопданныхъ, въ началѣ приносимъ мы теплое и усердное благодареніе источнику и подателю всѣхъ отрадъ—Всемогущему Богу. Потомъ торжественно отъ лица всего отечества изъявляемъ признательность и благодарность нашу всѣмъ нашимъ вѣрнопопданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Всеобщимъ ихъ рвеніемъ и усердіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія и главною частью или истреблены, или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали. Храбрыя войска наши вездѣ поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне показали такіе опыты вѣрности и любви къ отечеству, какіе одному только народу русскому свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостію расторгала полки непріятелей, съ какою, за нѣсколько передъ тѣмъ педѣль, раздирала плугомъ поля. Таковыми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ другихъ мѣстахъ с.-петербургскія и повгородскія дружины, отправленныя въ подкрѣпленіе войскъ, ввѣренныхъ графу Витгенштейну. Сверхъ того изъ донесеній главнокомандующаго и другихъ генераловъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣли мы, что во многихъ губерніяхъ, а особливо въ Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостію претерпѣвали всѣ наносимые имъ удары. Часто приставали къ посылаемымъ отрядамъ нашимъ и помогали имъ дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія скрывали въ лѣса семейства свои и малолѣтнихъ дѣтей, а сами, вооружась и поклявшись передъ святымъ евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на появляющагося непріятеля, такъ что многія тысячи онаго ис-

треблены и взяты въ плѣнъ крестьянами и даже руками женщинъ, будучи жизнію своею обязаны челоуѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Толь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ ему незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ его, мы вмѣстѣ съ православною Церковью и Святѣйшимъ Синодомъ и духовенствомъ, призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что если неукротимый врагъ нашъ и поругатель святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то по крайней мѣрѣ по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей почувствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить передъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому“ *).

Документъ этотъ любопытенъ и знаменателенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ писанъ Шишковымъ, по, безъ сомнѣнія, мысли, выраженныя въ немъ, всецѣло принадлежатъ самому императору Александру. Никогда еще великія историческія событія не отражались такъ ясно и правдиво въ официальномъ документѣ, какъ въ этой благодарственной рѣчи Царя русскаго къ своему народу, — рѣчи, произнесенной передъ лицомъ всего свѣта. Императоръ приноситъ прежде всего теплое и усердное благодареніе Господу силъ; въ Немъ, въ источникѣ всякой жизни и всякаго спасенія, усматриваетъ онъ главную причину, содѣйствовавшую нашему избавленію изъ рукъ врага, считавшагося дотолѣ непобѣдимымъ. Преклоняясь благоговѣйно предъ всеильною десницею Всемогущаго, императоръ проходитъ молчаніемъ, какъ истый христіанинъ, труды, подъятыя имъ самимъ и его правительствомъ на защиту родной земли. Онъ не говоритъ ни слова ни о своихъ дипломатическихъ успѣхахъ, ни о стратегической мудрости лицъ, поставленныхъ имъ во главѣ нашихъ армій. Не въ

*) Текстъ манифеста см. въ полномъ собраніи законовъ за 1812 г., а равно въ приложеніи къ первому тому записокъ Шишкова.

нихъ, не въ этихъ обстоятельствахъ второстепенныхъ усматривать онъ причину торжества и побѣды Россіи. Въ самомъ народѣ русскомъ, въ его рвеніи и усердіи, въ его безграничной прирожденной преданности власти царской, въ рѣ отцовъ и дорогому отечеству видитъ онъ главную причину побѣдоноснаго отраженія непріятеля и страшной гибели его несмѣтныхъ полчищъ. Императоръ отдаетъ должную дань справедливости всѣмъ сословіямъ народа русскаго. Онъ благодаритъ дворянство русское за то, что оно не усумнилось предоставить силы своихъ крѣпостныхъ въ распоряженіе государства; онъ говоритъ съ признательностью о щедрыхъ пожертвованіяхъ купечества; но выше всего онъ ставитъ самопожертвованіе, ревность и безпредѣльную преданность низшихъ слоевъ населенія, массы русскаго народа. Онѣ, эти массы, наполняли собою ряды тѣхъ желѣзныхъ полковъ, предъ которыми разбились яростные патыски первыхъ воиновъ міра; изъ него, изъ этого сѣраго, бѣднаго народа вышли тѣ безстрашныя дружины земскаго ополченія, предъ которыми обратили тылъ на берегахъ Двины непобѣдимые легіоны Сенъ-Сира и Виктора. Эти-же бѣдные, темные люди брались поголовно за оружіе во всѣхъ тѣхъ областяхъ имперіи, куда проникало нашествіе, и не только оказывали энергическую поддержку регулярнымъ войскамъ, но и вели сами истребительную войну противъ непріятеля. Манифестъ давалъ ясно понять, что безъ нихъ, этихъ темныхъ людей, всегда выносившихъ на своихъ плечахъ государство и менѣе всѣхъ пользовавшихся его благами, никогда не была-бы достигнута такъ блистательно вся цѣль нашихъ дѣйствій, нашего преслѣдованія, истребленіе непріятельскихъ полчищъ. И къ кому-же, какъ не къ этой массѣ, какъ не къ этому темному люду относились тѣ слова манифеста, гдѣ говорилось о соблазнахъ, съ которыми приближался къ народу русскому Наполеонъ, которыми онъ мнилъ поколебать его исконную вѣрность престолу и отечеству. И въ самомъ дѣлѣ, съ какими соблазнами подходилъ Наполеонъ къ русской массѣ! Она изнывала въ вѣковомъ рабствѣ, завоеватель предлагалъ ей свободу; она томилась въ бѣдности, онъ осыпалъ ея деньгами въ видѣ

фальшивыхъ ассигнацій *). И что-же? Масса отвергла эти щедрые подарки, предлагаемые погаными, чужими руками, и понесла свое послѣднее достояніе и свою кровь на алтарь отечества. И царь русскій не усумнился признать передъ лицомъ всего свѣта великія заслуги этой массы, не поколебался объявить передъ лицомъ всей земли русской, что ей обязаны своимъ спасеніемъ и онъ самъ, и Россія, а можетъ быть и Европа.

Но народъ заплатилъ дорогою цѣною за свои великодушныя усилія. Пострадали всѣ сословія, но безмѣрны были потери тѣхъ крестьянъ, которые принимали главное участіе въ борьбѣ. Области, пораженныя непріятельскимъ нашествіемъ, опустошены были въ конецъ. Поселяне потеряли свое послѣднее достояніе. Мечъ, чума, голодъ, пожаръ совершали свое разрушительное дѣло въ небывалыхъ чудовищныхъ размѣрахъ. Еще война продолжала свирѣпствовать, еще города и села пылали по пути бѣгства и преслѣдованія, а страшная зараза, распространяемая повсюду издыхающимъ врагомъ, только что начинала производить свои чудовищныя опустошенія. Невозможно было еще думать объ опредѣленіи вреда, причиненнаго непріятельскимъ вторженіемъ, объ исчисленіи потерь, понесенныхъ народнымъ благосостояніемъ. Рано было еще думать о сколько нибудь достаточномъ вознагражденіи пострадавшимъ **); но сострадательное сердце им-

*) О фальшивыхъ ассигнаціяхъ Наполеона см. между прочимъ: „Русскій Архивъ“ за 1865 г. „Къ исторіи 1812 г.“ О фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ Наполеономъ, стр. 491, и тамъ-же статью Липранди: „Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ“, стр. 873.

**) Первая мѣра пострадавшему населенію принята были правительствомъ еще въ исходѣ 1812 г. Уже тогда департаменту удѣловъ повелѣно было оказать вспоможеніе изъ собственныхъ суммъ своимъ разореннымъ поддѣдомственнымъ ему крестьянамъ. Тогда-же отпущенъ былъ изъ казны одинъ милліонъ рублей для закупки хлѣба и займообразной раздачи его государственнымъ крестьянамъ Смоленской и Калужской губерній. Всѣмъ крестьянамъ и мѣщанамъ разоренныхъ мѣстностей прощены были всѣ числявшіеся на нихъ недоимки и всѣ подати за вторую половину 1812 и за 1813 гг. Купцы, приписанные къ городамъ, занятымъ и разореннымъ непріателемъ, освобождены были отъ платежа процентовъ на капиталы ихъ на будущій годъ. Но само собою понятно, что всѣ эти первоначальныя мѣропріятія должны были оказаться недостаточными. См. полное собраніе законовъ. Т. XXXII, № 25313.

ператора и положеніе несчастныхъ не терпѣли отсрочки. По почину самого императора Александра возникла мысль объ особомъ учрежденіи въ помощь пострадавшимъ и разореннымъ отъ непріятеля городскимъ и сельскимъ жителямъ. Тамъ, гдѣ бѣдствія были такъ велики и всеобщы, тамъ гдѣ средства государства поглощены были иными не менѣе настоятельными надобностями, тамъ не достаточно было правительственной помощи, мало самыхъ царскихъ щедротъ, тамъ необходимо было прибѣгнуть къ посильной помощи тѣхъ областей царства русскаго, которыя не пострадали отъ нашествія, тѣхъ сословій, въ рукахъ которыхъ скоплялись плоды народнаго труда. Воззваніе о помощи вышло изъ подъ краснорѣчиваго пера того самого человѣка, который умѣлъ говорить такимъ простымъ и сильнымъ языкомъ, который передавалъ такъ вѣрно мысли и чувства своего государя. Воззваніе дышетъ тѣмъ истинно христіанскимъ, библейскимъ чувствомъ, которое проникаетъ въ это время всю душу императора Александра.

„Одна изъ первѣйшихъ должностей человѣка“, говоритъ воззваніе, „есть сострадать и помогать подобному себѣ. Все его къ сему добродѣльному свойству и благому расположенію души преклоняетъ и убѣждаетъ. Обратится-ли онъ къ природѣ,— она говоритъ ему: ты самъ человѣкъ, подверженъ бѣдамъ, смерти и потому въ несчастіи каждаго долженъ видѣть самого себя. Отнесется-ли онъ къ благоправію и добродѣтели,— онъ твердятъ ему, что нѣтъ ничего почтеннѣе и любезнѣе въ человѣкѣ, какъ жалость и милосердіе и нѣтъ ничего презрительнѣе и противнѣе въ немъ, какъ безчувственность и жестокосердіе. Прибѣгнетъ-ли онъ къ вѣрѣ и закону? Послушаемъ Самого Богочеловѣка, Христа, вѣщающаго съ престола славы Своея въ день страшнаго суда: „прійдете (говоритъ Онъ милосерднымъ), благословеніи Отца Моего, наслѣдите уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взлѣзайте на горы и дайте ми ясти; возложите на мѣсто мое и напоите мя; страненъ бѣхъ, и введете мене; пагъ и одѣяте мя; боленъ и посѣтите мене, въ темницѣ быхъ и прійдете ко мнѣ“. Тогда отвѣчаютъ Ему праведници, глаголюще: „Господи! когда ты видѣхомъ алчуща,

и напитахомъ? или жаждуца, и напоихомъ? Когда-же ты видѣхомъ странна и введохомъ? или нага и одѣяхомъ? когда-же ты видѣхомъ боляща или въ темницѣ, и приидохомъ къ тебѣ. И отвѣщавъ царь речеть имъ: аминь глаголю вамъ: понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе“. Потомъ, обратясь къ немилостивымъ и жестокосердымъ, говоритъ имъ: „Идите отъ мене проклятіи во огонь вѣчный, уготованный діаволу и агеламъ его. Взалкахся бо, и не дасте ми ясти; возжадахся, и не напоисте мене; странень бѣхъ и не введосте мене; нагъ и не одѣясте мене; болѣнъ и въ темницѣ и не посѣтисте мене. Тогда отвѣчаютъ ему и ти глаголюще: Господи! когда ты видѣхомъ алчуща, или жаждуца, или странна, или нага, или больна, или въ темницѣ и не послужихомъ тебѣ? Тогда отвѣщаетъ имъ, глаголя: аминь глаголю вамъ, понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни мнѣ сотвористе“. Изъ сихъ божественныхъ словъ видимъ мы, что человѣколюбіе и дочь его милосердіе не только сродны человѣку, яко воспоминаніе о самомъ себѣ въ другомъ подобномъ ему; но еще и толь тѣсно сопряжены съ Самимъ Богомъ, что онъ простертую брату нашему руку помощи или утѣшенія пріемлетъ, какъ-бы она къ нему простерта была, и самая бѣдная наша, насыщающая сироту или вдовицу, лепта насыщаетъ Самого Царя царей и Владыку міра. Онъ даже не признаетъ себя любимымъ отъ насъ безъ любви нашей къ подобнымъ намъ. Святое Писаніе говоритъ: „Иже имать богатство міра сего, и видитъ брата своего требующа, и затворитъ утробу свою отъ него, како любви Божія пребываетъ въ немъ? Не любимъ словомъ, ни же языкомъ, но дѣломъ и истиною. Аще кто речеть, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяй брата своего, его-же видѣ, Бога его-же не видѣ, како любить можетъ?“ Толь богоугодны и спасительны для насъ дѣла милосердія! Когда-же во всякое время благородному сердцу полезно и пріятно помогать страждущему человѣчеству, то сколь наипаче оное нужно и достохвально въ нынѣшнія времена, когда рукою безчеловѣчнѣйшаго изъ враговъ во многихъ губерніяхъ селенія и дома соотечественниковъ нашихъ ис-

треблены огнемъ, и многіе изъ нихъ, лишась всего, что имѣли и потерявъ отцевъ, или мужей, или братьевъ, или сыновей своихъ, падшихъ за вѣру и спасеніе отечества, остались въ старости или малолѣтствѣ вдовами или сиротами, безъ всякой помощи и пропитанія. Хотя правительство прилагаетъ всевозможное попеченіе о сохраненіи ихъ отъ глада и нищеты, однако-же вражеская рука умѣла сдѣлать число ихъ такъ великимъ, что никакимъ образомъ невозможно удовлетворить всѣмъ ихъ нуждамъ. По сей причинѣ, съ дозволенія Государя Императора, подъ особымъ покровительствомъ Высокой особы, учреждается приѣмъ добровольнаго припошенія въ пользу пострадавшихъ и разоренныхъ отъ непріятеля городскихъ и сельскихъ жителей“ *).

Императоръ спѣшилъ тѣмъ болѣе принять все зависящія отъ него мѣры для облегченія бѣдствій своего народа, что онъ твердо былъ намѣренъ призвать народъ русскій къ новымъ великимъ усиліямъ и жертвамъ. Война должна была продолжаться и за предѣлами Россіи, до тѣхъ поръ пока не испровергнутъ будетъ всесвѣтный тирань.—Такъ рѣшилъ императоръ Александръ въ моментъ великой скорби, вызванной въ немъ вѣстью о паденіи Москвы, такъ думалъ онъ теперь въ минуты пачинающагося торжества. Но во имя чего должна была продолжаться эта ужасная война, къ какимъ цѣлямъ должна она была стремиться, какіе интересы должна она была обезпечить въ концѣ концовъ,—вотъ вопросъ, на который смотрѣли совершенно различно современники, — вотъ вопросъ, въ разрѣшеніи котораго принимали одинаково великое участіе и прежніе личные взгляды и симпатіи государя, и новое внезапно пробудившееся въ немъ религіозное настроеніе.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

*) Текстъ воззванія см. въ приложеніи къ запискамъ Шишкова и въ полномъ собраніи законовъ Т. XXII. Тамъ-же уставъ учрежденія на помощь пострадавшихъ и разоренныхъ отъ непріятеля городскихъ и сельскимъ жителямъ, Высочайше утвержденный.

Обозрѣніе важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ.

Празднество св. Кирилла и Меѳодія.—Состояніе раскола; собесѣдованія съ раскольниками; постановленія соборовъ въ Кіевѣ и Казани, направленные къ противоборству заблужденіямъ раскольниковъ и сектантовъ.—Православіе на окраинахъ Россіи: на Кавказѣ и въ Туркестанѣ.—Миссіонерство въ Сибири.—Церковно-приходскія школы.—Заключеніе.

6-го апрѣля прошлаго года православная Церковь торжествовала совершившееся тысячелѣтіе со дня кончины (6 апр. 885 г.) просвѣтителя славянъ св. Меѳодія. Это церковное торжество напомнило православно-русскому міру неоцѣнимыя заслуги св. братьевъ, давшихъ возможность слышать славянамъ глаголы живота вѣчнаго, „содѣлавшихъ языкъ словенскій сокровищницею духа и жизни, святымъ кивотомъ Божественныхъ таинъ“ и своими апостольскими трудами давшихъ бытіе Церкви у славянъ. Громадное значеніе апостольскихъ и особенно переводческихъ трудовъ св. братьевъ-апостоловъ для славянскаго міра и въ частности для нашего отечества достаточно выяснено современною литературою, потому нѣтъ нужды долго останавливаться на немъ. Достаточно припомнить, что и мы сами люди нынѣшняго поколѣнія, духовно питающіеся въ храмѣ божественнымъ словомъ въ благозвучномъ и величавомъ нарѣчій славянскомъ, полнымъ столько же богатой изобразительности, какъ и несравнимой чистоты выраженія, обязаны этимъ благомъ св. солунскимъ братьямъ. „Если наше отечество, говоритъ одинъ ученый, установилось, окрѣпло, выросло подъ вліяніемъ и охраною право-

славной вѣры, то не должно забывать, что эта вѣра принесла къ намъ и сохраняется въ славянскихъ письменахъ и въ славянскомъ переводѣ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, совершенномъ тысячу лѣтъ тому назадъ свв. первоучителями славянъ“ (Тв. св. отц. кн. 3, 1885). То обстоятельство, что слово Божіе ко времени принятія христіанства Русью существовало уже на славянскомъ языкѣ, имѣло неисчислимыя послѣдствія: сокровище божественнаго слова на родномъ нарѣчїи спасло насъ отъ ига папства, неоднократно покушавшагося подчинить русскую Церковь своему руководству, сохранило въ насъ сознаніе нашей народности, дало намъ твердую нравственную опору въ тяжкія годы бѣдствій, и открыло путь къ образованію и наукѣ. Отсель идетъ свѣтъ русскаго просвѣщенія, имѣющаго свою колыбель въ храмѣ, и долгое время имѣвшаго своими хранителями и посетителями самоотверженныхъ насельниковъ русскихъ монастырей.

Въ продолженіи многихъ вѣковъ православная Церковь имѣла попеченіе объ искорененіи въ русскомъ народѣ суевѣрій, и предразсудковъ языческихъ и объ утвержденіи въ немъ христіанскаго міровоззрѣнія и правилъ жизни. Съ 17-го вѣка въ русской Церкви явился расколъ старообрядства, а вмѣстѣ съ тѣмъ явились и новыя заботы для пастырей о возвращеніи въ лоно Церкви отпадшихъ отъ нея. Въ теченіе двухвѣковой просвѣтительной дѣятельности для изобличенія неправдъ раскольническихъ, ихъ упорства и ослѣпленія, пастыри Церкви многихъ заблудшихъ обратили на путь истины; но не малые труды ожидаютъ ихъ и впредь, ибо, кромѣ общинъ беспоповническихъ, существуютъ многія общины раскольническія съ самочинною іерархіею, имѣющія видъ какъ-бы церквей, и чиномъ богослуженія, воспринятымъ отъ Церкви православной, иногда привлекающія къ себѣ людей простыхъ. Трудно проникаетъ свѣтъ въ міръ раскольниковъ; но, какъ-бы въ предъказаніе раскольникамъ пути въ Церковь, и среди нихъ по временамъ, являются люди, которые, смутно прозрѣвая правду Церкви православной, приступаютъ къ изученію исторіи Церкви въ ея

ученіи и установленіяхъ, и тѣмъ приводятся къ признанію своихъ заблужденій и обращенію. Обращеніе раскольниковъ затрудняется наиболѣе тѣмъ, что духъ непокорливости препятствуетъ имъ сознать правильность правилъ собора 1667 года, которыми извергаются изъ Церкви старообрядцы, возводяще на нее хулы. Признавая, что православная Церковь въ догматахъ не погрѣшаетъ, они объявляютъ, что не послѣдуютъ пастырямъ сей Церкви потому, что будто-бы старообрядцы отлучены соборомъ 1667 года отъ Церкви за „древнее святоотеческое преданіе“, при чемъ забываютъ, что въ дѣйствительности отдѣленіе старообрядцевъ отъ Церкви совершилось раньше собора 1667 года. Къ числу старообрядцевъ, такъ мыслящихъ о православной Церкви, принадлежитъ и составитель извѣстнаго „Окружнаго Посланія“ Ксеносъ (Иларіонъ Егоровъ Кабановъ) и ревностный защитникъ „Окружнаго“, раскольничій епископъ Сильвестръ Балтскій. Со времени изданія Ксеносомъ „Окружнаго“ (24 февраля 1862 г.) въ общинахъ старообрядцевъ возникли несогласія и раздѣленіе столь значительныя, что имъ не предвидится конца. Дѣло въ томъ, что Ксеносъ, усмотрѣвши неправоту ученія старообрядцевъ о православной Церкви, указалъ въ своемъ „Окружномъ Посланіи“ на отступленіе ихъ отъ истины, призналъ православную Церковь не погрѣшающею въ догматахъ вѣры, но „не рѣшился осудить расколъ за отдѣленіе отъ Церкви“ и расположить старообрядцевъ искать чрезъ покаяніе воссоединенія съ нею. Въ этой внутренней непослѣдовательности „Окружнаго Посланія“, имѣющаго цѣлію въ одно и тоже время очистить старообрядчество отъ ложныхъ понятій о православной Церкви и оправдать старообрядцевъ въ отдѣленіи отъ нея, и заключается источникъ всѣхъ смуть, вызванныхъ появленіемъ „Посланія“. Желаніе Ксеноса объединить старообрядческій міръ утвержденіемъ среди старообрядцевъ правильныхъ понятій о православной Церкви не осуществилось. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ старообрядческое общество поповцевъ раздѣлилось на двѣ враждующія стороны, окружниковъ и противокружниковъ, вмѣстѣ съ своими пастырями. Раздѣленіе, произведен-

ное въ средѣ поповцевъ „Окружнымъ Посланиемъ“, вызвало троекратное опредѣленіе о его уничтоженіи, на раскольническихъ соборахъ въ 1863, 1865 и 1868 г., завершившееся „объясненіемъ“, въ смыслѣ предъидущихъ опредѣленій старообрядческаго духовнаго совѣта отъ 1 декабря 1884 г. по поводу просьбы Павловскихъ старообрядцевъ о подтвержденіи прежнихъ актовъ относительно уничтоженія „Окружнаго Посланія“.

Попытки окружниковъ къ примиренію съ противоокружниками продолжались и въ прошломъ году. На соборѣ окружниковъ, открывшемся 9 сентября, рѣшено было между прочимъ послать приглашеніе явиться на соборъ, для изысканія способовъ къ примиренію, къ противоокружническимъ епископамъ Іову и Пафнутію; приглашеніе подписали всѣ присутствовавшіе на соборѣ лжеепископы, кромѣ Сильвестра. Но изъ противоокружниковъ никто на соборъ не прибылъ. Окружники тѣмъ не менѣе не оставили своего желанія завязать переговоры съ противоокружниками, предполагая, что послѣдніе, при существующихъ у нихъ нестроеніяхъ, будутъ болѣе склонны къ примиренію. Въ этихъ видахъ рѣшено было составить письменное отъ собора порученіе духовному совѣту возобновить сношенія съ противоокружниками; составлено было соборное постановленіе въ этомъ смыслѣ, но въ постановленіи не упоминалось ни объ „Окружномъ Посланіи“, ни объ условіяхъ примиренія. Сильвестръ однако настоялъ, чтобы въ постановленіи было упомянуто какъ о томъ, что причиною раздѣленія старообрядцевъ служитъ „Окружное Посланіе“, такъ и объ условіяхъ соединенія. И въ исправленномъ соборномъ постановленіи было сказано теперь, что освященный соборъ поручаетъ духовному Московскому совѣту пригласить на собесѣдованіе „братію нашу не приѣмлющихъ „Окружнаго Посланія“ и чрезъ оное отъ насъ отдѣлившихся“, и даетъ согласіе возобновить миръ „на основаніи священныхъ правилъ и святоотеческаго преданія“. Постановленіе это было подписано всѣми присутствовавшими на соборѣ лжеепископами (въ томъ числѣ и Сильвестромъ). Во время собора у противоокружниковъ, въ октябрѣ прошлаго года, духовный

совѣтъ воспользовался даннымъ ему порученіемъ, и послалъ противоокружническимъ епископамъ приглашеніе „на соборное засѣданіе для братскаго собесѣдованія къ принятію мѣръ о примиреніи“, при чемъ, вопреки постановленію собора окружниковъ, не упомянулъ ни объ „Окружномъ Посланіи“, ни объ условіяхъ примиренія. Въ отвѣтѣ („увѣдомленіи“) противоокружническихъ епископовъ, переданномъ Савватию (Московскому епископу окружниковъ) ясно обозначено то лживое положеніе, въ которомъ находятся окружники, предлагающіе миръ противоокружникамъ: „можетъ-ли быть какая польза отъ устройства собесѣдованія, говорятъ противоокружники, когда вы сами между собою несогласны въ понятіи объ изданномъ вами „Окружномъ Посланіи“, чрезъ которое и произошелъ раздоръ,—когда между вами и Сильвестромъ, епископомъ Балтскимъ, находится глубокая пропасть несогласія? Одни изъ васъ ученіе „Окружнаго“ почитаютъ наравнѣ съ Евангеліемъ и ни въ какомъ случаѣ не хотятъ уничтожить его („Окружное Посланіе“); другіе напротивъ изъявляютъ готовность уничтожить его, какъ негодное. И если вы съ нами сойдетесь, то Сильвестръ съ своими приверженцами не сойдется и отдѣлится отъ васъ... Въ „Посланіи“ вы сказали о себѣ, что вы отдѣляетесь отъ господствующей Церкви единственно изъ-за порицанія пастырей ея древле-церковныхъ преданій, и что когда сіи порицанія ея будутъ уничтожены, тогда и вы безъ всякаго человѣческаго увѣщанія пойдете къ увѣщанію ея. Но скажите, можно-ли отдѣляться отъ господствующей Церкви изъ-за однихъ порицаній пастырей ея нѣкоторыхъ древле-церковныхъ преданій, безъ нарушенія ея существа вѣры?“ (Увѣд. противоокр. Бр. Сл. 1885 г. № 18). Посланцы противоокружниковъ, принесли Савватию „увѣдомленіе“, на другой день снова пришли къ нему, заявляя, что они готовы съ нимъ и со всѣмъ духовнымъ совѣтомъ бесѣдовать. Савватій отвѣтилъ: „мы теперь съ вами бесѣдовать не будемъ“. И этотъ отказъ Савватія бесѣдовать съ противоокружниками понятенъ: Савватій былъ смущенъ сознаніемъ неискренности и непослѣдовательности въ дѣйствіяхъ окружниковъ, о чемъ напомнило ему „увѣдомленіе“. Этотъ проти-

воокружническій актъ, въ назиданіе мнимымъ окружникамъ, былъ встрѣченъ съ радостію истинными окружниками, которые говорили: „за дѣло имъ! не двоедушничай и не криви совѣстію!“ На „увѣдомленіе“ воокружниковъ пужно было дать отвѣтъ; и вотъ духовный совѣтъ рѣшилъ отправить воокружникамъ „извѣщеніе“, въ которомъ признаетъ невозможнымъ входить въ разсмотрѣніе „увѣдомленія“, за тою виною, что подъ увѣдомленіемъ есть подпись нѣкоего Захарія, не смотря на лишеніе сана именующаго себя священноіереемъ. На самомъ-же дѣлѣ, окружники боятся теперь вступать въ собесѣдованіе съ воокружниками, зная, что первый вопросъ послѣднихъ будетъ объ „Окружномъ Посланіи“, и въ этомъ случаѣ имъ придется быть между двухъ огней: стоять за „Окружное“, защищать правильность его изданія значитъ признать себя виновными за опредѣленія объ его уничтоженіи. Признать-же изданіе „Окружнаго Посланія“ неправильнымъ такъ-же нельзя, ибо это значило-бы признать себя виновными въ грѣхѣ церковнаго раздора и вмѣстѣ признать себя единомысленными съ воокружниками. Своими актами объ уничтоженіи „Окружнаго Посланія“, изданными съ мыслию привлечь въ свое общество воокружниковъ, они закрыли себѣ всякій путь къ возобновленію сношеній съ послѣдними и надеждѣ на примиреніе, тѣмъ болѣе что среди окружниковъ есть искренніе защитники „Окружнаго“, какъ на примѣръ Сильвестръ Балтскій и его сторонники.

Состояніе общества воокружниковъ, болѣе обнаруживающихъ вѣры лжеученіямъ первыхъ расколоучителей, еще печальнѣе, чѣмъ состояніе общества окружниковъ: въ то время какъ среди окружниковъ замѣчается борьба между сторонниками объединенія поповцевъ путемъ притворныхъ уступокъ воокружникамъ и людьми, покоряющимися требованіямъ совѣсти,—въ обществѣ воокружниковъ бросается въ глаза нерѣдко встрѣчающееся поправленіе іерархическаго принципа, на которомъ зиждется церковный порядокъ и благосостояніе церковныхъ обществъ. Послѣднія событія въ обществѣ воокружниковъ показали, сколь губельно самонадѣянное непокорство Церкви. И община про-

тивоокружниковъ находится въ смущеніи, видя раздоръ въ средѣ своихъ „епископовъ“, призванныхъ, въ качествѣ епископовъ, быть вѣстниками мира и миротворцами, а не вводителеми раздѣленія и раздора. Соборъ противоокружниковъ, состоявшійся въ сентябрѣ минувшаго года въ Москвѣ, какъ извѣстно, озабоченъ былъ между прочимъ примиреніемъ двухъ противоокружническихъ епископовъ, Іосифа Нижегородскаго и Кирилла Балтскаго, изъ которыхъ первый „единолично“ извергъ послѣдняго изъ сана, а послѣдній „на помѣстномъ соборѣ“ изнесъ на перваго запрещеніе. Когда Іосифу, не присутствовавшему на соборѣ, было прислано увѣдомленіе отъ духовнаго совѣта, въ которомъ были указаны всѣ его незаконныя дѣйствія, съ увѣщаніемъ примириться съ боголюбивыми епископами,—онъ отправился въ Москву, объявилъ еретиками Іова (Московскаго противоокружническаго епископа) и Кирилла, и на увѣщанія людей благомыслящихъ примириться съ Іовомъ и Кирилломъ отвѣчалъ: „я лучше съ никоніанами примирюсь, нежели съ сими безбожными!“ За свои незаконныя дѣйствія Іосифъ былъ изверженъ изъ сана соборомъ епископовъ противоокружниковъ, 31 октября прошлаго года.

Въ числѣ мѣръ, способствующихъ вразумленію раскольниковъ, немаловажное значеніе имѣютъ собесѣдованія съ ними защитниковъ православія. Изъ многочисленныхъ примѣровъ миссіонерской дѣятельности Церкви по отношенію къ раскольникамъ, въ недавнее время, обращаютъ къ себѣ особенное вниманіе бесѣды о. К. Онуфріева съ раскольническимъ начетчикомъ Климентомъ Перетрухинымъ, происходившія въ г. Сызрани 20-го іюня, и затѣмъ 28-го и 29-го октября 1884 г. *). Изъ этихъ бесѣдъ можно видѣть, на чемъ раскольники основываютъ вѣру въ истинность своей глаголемой церкви. О. К. Онуфріевъ 20-го іюня началъ бесѣду съ объясненія, что созданная Господомъ Церковь учреждена съ другопреемственной іерархіею и седмью таинствами; и послѣ этого предложилъ Перетрухину показать, на какомъ осно-

*) См. Брат. Слово, 1885 г. №№ 14 и 15.

ваніи онъ признаетъ свое общество поповцевъ истинною Церковію Христовою, когда сія глаголемая церковь ихъ лишена другопреемственной іерархіи и совершенія седми таинствъ, когда слова Спасителя: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мѡ. зач. 67) надъ нею не сбылись, ибо она была не полною, вратами адовыми одолѣнною, и когда Духъ Святой, имущій пребывать въ Церкви во вѣкъ, съ нею не пребылъ, ибо она не имѣла силы на поставленіе даже низшаго причетника? Перетрухинъ старался оправдать безіерархическое положеніе раскольниковъ примѣромъ африканской церкви, въ которой въ теченіи многихъ лѣтъ не было епископовъ, и африканская церковь безъ епископовъ была православною. На это оправданіе православный собесѣдователь возразилъ, что африканская церковь, — когда въ ней не было епископовъ, — находилась въ общеніи съ другими церквами; между тѣмъ какъ старообрядцы никакихъ единовѣрныхъ себѣ церквей не имѣютъ, всѣхъ считаютъ еретиками и только однихъ себя именуютъ Церковію Божіею. Затѣмъ, 30-го октября, послѣ объясненія, что есть истинная Христова Церковь, о. Онуфріевъ показалъ, что общество старообрядцевъ поповскаго согласія почти два столѣтія не имѣло епископовъ, а съ лишеніемъ епископства не имѣло и принадлежащей епископу благодати рукоположенія въ священныя саны, не имѣло посему и священства, а за нимъ и всѣхъ прочихъ таинъ, — значитъ не имѣло или не сохранило тѣхъ принадлежностей истинной Церкви Христовой, съ которыми создалъ ее Самъ Христосъ, и потому истинною Церковію не можетъ быть признано. Перетрухинъ, сказавши, что восточные патріархи вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ, принявши нововводства, погрѣшили, и отъ нихъ, какъ неправославныхъ іерарховъ, должно удаляться, а держаться при вѣрѣ предковъ — древнихъ святителей, доказывалъ, что „древлеправославная Церковь назидается на правомъ исповѣданіи вѣры, которое выразилъ Апостоль Петръ“ (Мѡ. зач. 67). Православный собесѣдователь на это сказалъ: „когда Апостоль Петръ на вопросъ Господа: *вы же кого мя глаголете быти?* отвѣтилъ: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго,* то Иисусъ Хри-

стось не сказалъ Петру: твое правое исповѣданіе есть Церковь, но выразилъ обѣщаніе создать Церковь на исповѣданіи вѣры, которое высказалъ Апостоль Петръ. Значитъ исповѣданіе вѣры служить для Церкви основаніемъ, на которомъ она зиждется, а Церковь есть на исповѣданіи созданное Христомъ зданіе: *на семь каменн созижду Церковь Мою*, сіе есть на вѣрѣ исповѣданія (Злат. бес. 54 на Мѳ.). Въ Церкви же, Имъ созданной, Господь установилъ быти чинамъ іерархіи и таинствамъ, которыхъ старообрядцы не имѣютъ. Относительно же нововводствъ,—продолжалъ о. Онуфріевъ,—нужно замѣтить, что если подъ ними разумѣть обрядовые предметы, какъ на примѣръ троеперстное сложеніе для крестнаго знаменія, троекратное аллилуія и проч., то эти обряды не могутъ быть названы нововводными, ибо существовали и въ восточной и въ русской церквахъ раньше патріаршества Никона. Даже если-бы означенные обряды были введены въ церковное употребленіе бывшими въ Москвѣ во времена Никона вселенскими патріархами,—и тогда нельзя считать послѣднихъ нарушителями православія: кто дерзнетъ вводить въ Церкви новыя догматы вѣры, тотъ дѣйствительно повреждаетъ православіе; но старообрядцы и сами свидѣтельствуютъ, что въ догматахъ вѣры грековосточная Церковь никакой погрѣшности не имѣетъ, а потому и восточные патріархи, какъ не учинившіе никакого нововводства въ догматахъ, остаются, какъ и были, православными. Противъ возраженія раскольника, что отпаденіе отъ православія церковной власти усматривается въ клятвахъ соборовъ 1666 и 1667 г., которыя яко-бы изречены на двуперстное сложеніе, православный собесѣдователь объясняетъ, что клятвы изречены не на двуперстное сложеніе, а на людей, хулящихъ Церковь православную и ея обряды, изречены не за исповѣданіе православнаго богословія, выражаемое сими крестами, а за противленіе власти церковной; и притомъ самая клятва, такъ смущающая раскольниковъ, есть только осужденіе людей виновныхъ предъ Церковію за непокореніе ей и хулы на нее. Была-ли причина у раскольниковъ отдѣляться отъ Церкви? И составляютъ-ли они Церковь, когда у нихъ нѣтъ

іерархіи,—когда, по признанію самого Перетрухина, у старообрядцевъ 180 лѣтъ не было епископовъ? Были-ли у нихъ пастыри Церкви, которымъ въ лицѣ Апостола Петра Господь далъ власть вязать и рѣшить? Бѣглецы поповъ у раскольниковъ не имѣли сей власти: ибо дѣйствовали, не имѣя на то повелѣнія отъ епископа, который одинъ только могъ дать имъ сію власть. 39-е пр. ап. гласитъ: „безъ воли епископа своего пресвитери или діакони да не творятъ ничто же, тому-бо поручени суть людіе Господни“. Старообрядцы дѣйствіе у нихъ бѣглыхъ поповъ оправдываютъ нуждой. Но никакая нужда не можетъ оправдать ихъ поступокъ (См. 43 прав. Карѣ. Соб.).

На собесѣдованіи 29 октября Перетрухинъ обвинилъ едиповѣрцевъ, яко-бы они оказываются преслушниками восточныхъ патріарховъ, съ клятвою запретившихъ употребленіе двуперстія и другихъ обрядовъ, и находятся подъ ихъ клятвою. Православный собесѣдователь возразилъ на это, что едиповѣрцы тогда были-бы преслушниками русской Церкви и восточныхъ патріарховъ, если-бы употребляли двуперстіе и прочіе обряды самовольно, безъ ихъ благословенія; а едиповѣрцы употребляютъ сіи обряды по разрѣшенію и благословенію не только русской Церкви, но и восточной: ибо и патріархъ Константинопольскій Іоакимъ дозволилъ въ своей патріархіи у Майносскихъ старообрядцевъ открыть едиповѣрческую церковь, которая съ его благословенія и освящена едиповѣрческимъ архимандритомъ о. Павломъ въ 1881 году.

Перетрухинъ обвинялъ также православную Церковь за рѣзкія выраженія въ полемическихъ книгахъ на двуперстное сложеніе, и прочитавши изъ Скрижали отвѣтъ Макарія патріарха Антіохійскаго на вопросъ патріарха Никона о перстосложеніи: „преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ св. Апостолъ и св. отецъ и св. седми соборовъ творити знаменіе честнаго креста тремя первыми персты десныя руки“, онъ началъ говорить, что изъ прочитаннаго не видно, чтобы троеперстное сложеніе для крестнаго знаменія предано отъ св. Апостолъ и седми вселенскихъ соборовъ; что въ писаніи ни у св. Апостолъ, ни у седми вселенскихъ соборовъ

о троеперстномъ сложеніи ничего не упоминается. Православный собесѣдователь отвѣчалъ: „знаменованъ себя троеперстнымъ сложеніемъ руки есть не писанное преданіе, какъ видно изъ словъ патріарха Макарія: „преданіе пріяхомъ“. Онъ не сказалъ: въ апостольскихъ писаніяхъ написано, и въ соборныхъ правилахъ постановлено, а сказалъ: преданіе пріяхомъ съ начала вѣры. А св. Василій Великій въ 90 правилѣ именно пишетъ: „многа и велика Церковь имать отъ неписаннаго преданія, и первое есть, еже вѣрнымъ крестообразно лице знаменовати“. Послѣ этого раскольникъ говорилъ о томъ, что древнерусская Церковь писала и произносила имя Спасителя Ісусъ, а грекороссійская Церковь сіе спасительное имя перемѣнила на Іисусъ. Православный собесѣдователь представилъ свидѣтельства древлеписменныхъ и древлепечатныхъ книгъ, что и въ глубокой древности имя Спасителя писалось съ двумя гласными буквами—Іисусъ. Старообрядцы спорятъ о имени: по имя „Іисусъ“ или „Ісусъ“ есть одно и тоже имя Христа Спасителя.

Православный собесѣдователь, наконецъ, взявъ въ руки 19 вопросовъ Перетрухина, обращенныхъ къ братству св. Петра Митрополита, нашелъ въ нихъ мѣсто (въ 17 вопросѣ), гдѣ двуперстное сложеніе, двойственное произношеніе божественной аллилуія, пишемаго имени съ одною іотою Ісусъ, седми просфорное служеніе называются обрядами, и сказалъ, что Перетрухинъ, называя здѣсь двуперстіе, сугубое аллилуія и прочее вышесказанное обрядами, а не догматами вѣры, тѣмъ не менѣе въ продолженіи двухъ дней обвинялъ православную Церковь за измѣненіе сихъ обрядовъ, какъ за измѣненіе догматовъ, въ лишеніи православія. Такимъ образомъ одно и тоже онъ признаетъ въ одномъ мѣстѣ догматомъ вѣры, а въ другомъ обрядомъ, въ явное противорѣчіе самому себѣ.

⊖ Садоѣъ.

(Продолженіе будетъ).

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ЭМПИРИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ.

Богъ, міръ духовный и физическій,—вотъ три главные предмета метафизики. Въ нашемъ изслѣдованіи объ основныхъ началахъ философскаго познанія *) мы указали на необходимость, прежде положительнаго раскрытія этихъ понятій, прежде построенія положительнаго философскаго міросозерцанія, подвергнуть ихъ критическому разсмотрѣнію, съ цѣлію опредѣлить границы и степень достовѣрности нашихъ познаній о предметахъ ими выражаемыхъ; а въ изслѣдованіи о методѣ философіи **) указали и способъ, какимъ должно быть ведено это разсмотрѣніе. Этимъ методомъ долженъ быть анализъ нашей познавательной способности и различныхъ формъ ея дѣятельности сообразно съ различіемъ познаваемыхъ предметовъ.

Въ нашемъ познаніи, и по различію направленій нашей познавательной силы, и по различію познаваемыхъ предметовъ, мы можемъ различать три формы или степени: познаніе эмпирическое (чувственное), раціональное (разсудочное) и идеальное (умственное).—Начнемъ нашъ анализъ съ познанія эмпирическаго, какъ самаго первоначальнаго и вмѣстѣ самаго низшаго по гносеологическому значенію сообщаемыхъ имъ свѣдѣній.

Сначала опредѣлимъ точнѣе, что мы понимаемъ подъ име-

*) „Вѣра и Разумъ“ 1885. Январь, февраль.

**) „Вѣра и Разумъ“ 1884. Октябрь и ноябрь.

немъ эмпирическаго познанія и подъ именемъ метафизическаго анализа его.

Прежде всего мы должны оговориться, что эмпирическое познание мы понимаемъ здѣсь въ самомъ тѣсномъ и непосредственномъ значеніи этого слова. Говоря о познаніи эмпирическомъ, мы не имѣемъ въ виду той обширной и многосложной области познаній, которая извѣстна подъ именемъ эмпирическаго знанія вообще, эмпирической философіи въ частности. Хотя это познание основывается на первоначальной почвѣ опыта и наблюденія, но дальнѣйшее развитіе его и образованіе въ дѣйствительное, научное познание принадлежитъ высшей познавательной силѣ—разсудку; поэтому въ сущности и по гносеологическому характеру своему оно есть рациональное познание. Подъ именемъ эмпирическаго, точнѣе, чувственнаго познанія мы будемъ разумѣть знаніе, доставляемое чувствами *непосредственно*, въ отличіе отъ познанія посредствомъ понятій, органомъ котораго служитъ разсудокъ. Такое чувственное познание даетъ намъ предметъ такъ, какъ онъ есть, или вѣрнѣе,—какъ онъ кажется намъ существующимъ. Это познание не судитъ о предметѣ, не дѣлаетъ его средствомъ къ познанію другихъ предметовъ, не ставитъ еще его въ отношеніе къ другимъ мыслимымъ объектамъ, но только *представляетъ* его нашему сознанію, какъ фактъ или явленіе. Въ сущности оно удостовѣряетъ для насъ только бытіе предметовъ, но не даетъ еще *понятія* о нихъ, поэтому точнѣе могло-бы быть названо не познаніемъ, а только сознаніемъ предметовъ.

Чувство даетъ намъ знать или о предметахъ внѣшнихъ, представленія о которыхъ мы получаемъ черезъ посредство извѣстныхъ органовъ чувствъ,—и тогда оно носитъ названіе *внѣшняго чувства*; или объ объектахъ внутреннихъ, т. е. о нашемъ я и его психическихъ состояніяхъ,—и тогда оно называется *чувствомъ внутреннимъ*.

Въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи мы будемъ имѣть дѣло съ чувствомъ внѣшнимъ и основанными на его показаніяхъ представленіями о внѣшнемъ мірѣ.

Въ гносеологическомъ отношеніи въ показаніяхъ этого чув-

ства мы отличаемъ двѣ степени или формы. Мы или непосредственно въ точномъ смыслѣ слова сознаемъ и воспринимаемъ внѣшній предметъ въ то самое время и въ той самой формѣ, въ какой онъ подѣйствовалъ на тотъ или другой органъ нашихъ чувствъ; такое сознание впечатлѣнія отъ предмета, самое живое, ясное и близкое по отношенію къ предмету, есть чувственное *воспріятіе*, называемое иногда чувственнымъ *воззрѣніемъ* по его сравнительной ясности,—разумѣется понимая подъ словомъ воззрѣніе не одни только ощущенія чувства зрѣнія, но и прочихъ чувствъ. Или мы объединяемъ воспріятія отдѣльныхъ чувствъ въ одинъ цѣльный образъ предмета; этотъ образъ сохраняется въ душѣ и тогда, когда самый предметъ непосредственно уже на насъ не дѣйствуетъ и можетъ быть снова изведенъ на свѣтъ сознанія при помощи нашей памяти и воображенія. Такое произведеніе нашей чувственно-познавательной силы, менѣе живое и ясное по отношенію къ предмету; мы называемъ *представленіемъ*.

Содержаніе воззрѣній и представленій есть вообще конкретная дѣйствительность, множество отдѣльныхъ частныхъ предметовъ, ихъ состояній, свойствъ, качествъ, различно воспринимаемыхъ различными нашими чувствами. Какая-же теперь задача метафизическаго анализа по отношенію къ этому содержанію нашего эмпирическаго познанія? Метафизика не имѣетъ въ виду изслѣдовать постепенное образованіе нашихъ представленій и раскрывать законы дѣятельности чувственно-познавательной силы; это дѣло психологическаго анализа. Она не имѣетъ также въ виду опредѣлить нормальныя условія правильности чувственнаго воспріятія и представленія и основаннаго на немъ чувственнаго наблюденія; это дѣло анализа логическаго. Но есть еще одна сторона въ чувственномъ познаніи, которой не касается строго ограничивающаяся своими предѣлами психологія и логика. Это вопросъ объ отношеніи нашихъ чувственныхъ представленій къ дѣйствительному бытію. Эмпирическая психологія, хотя и представляетъ намъ, какъ увидимъ, первоначальныя данныя для рѣшенія этого вопроса, но сама не можетъ рѣшить его

окончательно, такъ какъ задача ея состоитъ въ раскрытіи законовъ психической дѣятельности, а не въ опредѣленіи ихъ значенія относительно внѣшней, объективной дѣйствительности; для этого она должна-бы выдти изъ субъективной области духа въ область объективнаго бытія, чтобы сказать свое слово о степени ихъ соотвѣтствія. Логика, исходя изъ идеи знанія, опредѣляетъ нормальные законы эмпирическаго наблюденія, не касаясь вопроса объ отношеніи нашего знанія къ бытію познаваемыхъ вещей. Да этотъ вопросъ не имѣетъ для нея и существеннаго интереса; законы мышленія, какъ нормальные законы субъективной силы нашего духа, останутся тѣ-же, будемъ-ли мы считать наши правильныя представленія соотвѣтствующими или несоотвѣтствующими дѣйствительности; она конечно предполагаетъ, что они соотвѣтствуютъ; но они не измѣнились-бы, если-бы наше знаніе и не соотвѣтствовало истинѣ бытія вещей: они и тогда остались бы необходимыми законами нашего субъективнаго постиженія ихъ. Но вопросъ о степени соотвѣтствія нашего познанія съ предметами познаваемыми, есть по существу своему метафизическій, такъ какъ дѣло идетъ здѣсь не о субъективныхъ только законахъ нашей познавательной силы и о нормальномъ приложеніи ихъ къ познанію, но объ объективномъ значеніи познанія,—не только о знаніи, но и объ объективномъ бытіи вещей, въ какой мѣрѣ оно отражается въ нашемъ познаніи.

Но метафизика, по самому понятію о ней, какъ ученіе о самомъ общемъ и основномъ въ познаніи и бытіи, не можетъ заниматься аналитическимъ изслѣдованіемъ какъ отдѣльныхъ представленій, такъ и цѣлыхъ группъ ихъ; она должна имѣть въ виду самыя всеобщія свойства, принадлежащія всему чувственному бытію вообще. Отвлекая теперь отъ безконечно разнообразнаго и множественнаго въ познаваемой нашими чувствами дѣйствительности то, что въ ней есть самаго общаго и что должно быть предметомъ метафизическаго изслѣдованія, находимъ, что чувства даютъ намъ понятія: 1) о бытіи вещей, отличныхъ отъ нашего я, противоположаемыхъ имъ себѣ какъ *не я*, совокупность которыхъ мы называемъ внѣш-

нимъ, чувственнымъ міромъ; 2) о бытіи пространства и времени, какъ всеобщихъ и необходимыхъ формъ, въ которыхъ представляются нами чувственныя вещи.

Метафизическій анализъ нашего чувственнаго познанія долженъ теперь рѣшить: а) соотвѣтствуютъ-ли нашимъ представленіямъ о вещахъ дѣйствительное бытіе ихъ и представленію о совокупности ихъ, мыслимому нами міру,—реальный физическій міръ? б) что такое пространство и время и соотвѣтствуетъ-ли этимъ представленіямъ что-либо реальное?

I.

Существуетъ-ли на самомъ дѣлѣ внѣшній намъ, чувственный міръ? Достоверны-ли познанія о предметахъ этого міра, получаемыя нами при помощи органовъ нашихъ чувствъ? Для непосредственнаго нашего сознанія самая возможность вопросовъ подобнаго рода кажется въ высшей степени странною. Никто одаренный здравымъ смысломъ, повидимому, и сомнѣваться не можетъ въ томъ, что внѣ насъ существуютъ матеріальные предметы и что наши чувства, за исключеніемъ конечно случаевъ иллюзій и болѣзненнаго разстройства ихъ, сообщаютъ намъ вѣрное понятіе о нихъ. На этой непосредственной увѣренности въ истинѣ показаній нашихъ чувствъ основываются всѣ наши отношенія къ окружающему насъ міру и къ другимъ людямъ; на ней утверждается самое научное познаніе о видимомъ нами мірѣ. Отрицаніе истины этой увѣренности, даже сомнѣніе въ ней, грозитъ обратить весь окружающій насъ міръ въ міръ призраковъ, въ которомъ теряется всякая устойчивость нашихъ дѣйствій и отношеній къ внѣшнему бытію; все наше познаніе о немъ колеблется въ самомъ послѣднемъ его основаніи—достоверности фактовъ опыта и наблюденія.

Но мы уже говорили *), что какъ-бы несомнѣнными и твердыми ни казались намъ убѣжденія непосредственнаго сознанія или общаго смысла, философія не можетъ принять ихъ на вѣру, не отказавшись отъ своего существеннаго требова-

*) Объ осн. началахъ фил. познанія: „Вѣра и Разумъ“ 1885, январь, 6—19.

нія—не принимать ничего на вѣру, безъ изслѣдованія рациональныхъ основаній этой увѣренности. Это даетъ намъ право подвергнуть критическому анализу самое, повидимому, твердое непосредственное убѣжденіе, чтобы узнать, имѣетъ ли оно на самомъ дѣлѣ тотъ характеръ несомнѣнности и истины, какой себѣ приписываетъ?

Но если самая задача нашей науки даетъ намъ право заниматься провѣркою самыхъ ясныхъ, повидимому, убѣжденій, то это право обращается въ обязанность, когда отъ увѣренности непосредственнаго смысла мы обратимся къ мышленію философскому. Здѣсь къ нашему удивленію находимъ, что такая, повидимому, несомнѣнная истина, какъ достовѣрность нашего познанія о внѣшнемъ мірѣ, даже самое существованіе его, подвергалась сильнымъ сомнѣніямъ, иногда отвергалась совершенно. И если въ ряду философовъ сравнимъ число безусловно довѣрлявшихъ свидѣтельству непосредственнаго смысла съ числомъ недовѣрчивыхъ къ нему, то еще къ большому удивленію увидимъ, что количество первыхъ едва ли не превышаетъ числа послѣднихъ.

Дѣйствительно, уже въ самой глубокой древности, какъ только философская мысль начала возвышаться надъ уровнемъ непосредственнаго познанія, появляются мнѣнія и ученія о недостовѣрности чувственнаго познанія и бытія. Уже въ Индіи мы находимъ философскую систему (Миманеа), которая чувственный міръ считаетъ бытіемъ только кажущимся, а не дѣйствительнымъ, обманомъ (Майя), покровомъ, который долженъ отбросить тотъ, кто хочетъ видѣть подлинную истину бытія. На самомъ дѣлѣ есть только одно духовное бытіе, которое естественно не можетъ быть познано погруженными въ призрачный міръ множественности внѣшними чувствами. Въ философіи греческой, не смотря на односторонній космологическій характеръ архаической философіи, очень рано возникаетъ недовѣріе къ показаніямъ внѣшнихъ чувствъ и къ возможности на основаніи ихъ получить истинное понятіе о мірѣ. Въ оцѣнкѣ чувственнаго познанія замѣчательно сходятся противоположныя направленія, въ которыхъ часто видятъ аналогію съ эмпиризмомъ и идеализмомъ, Го-

нѣйцевъ и Елеатовъ. По ученію Гераклита, „глаза и уши дурные свидѣтели истины“; особенно недостовѣрны показанія чувства зрѣнія, такъ какъ это чувство представляетъ вещи неподвижными и постоянными, тогда какъ въ дѣйствительности все постоянно течетъ, измѣняется, движется. Тоже самое воззрѣніе, часто выраженное тѣми-же почти словами, мы находимъ и у Елеатовъ *); при недостовѣрности чувственнаго познанія все ученіе ихъ о мірѣ физическомъ, въ сравненіи съ ученіемъ о бытіи единомъ, есть людское мнѣніе, знаніе полуистинное. Подъ вліяніемъ полемики Елеатовъ противъ чувственнаго познанія даже атомистъ Демокритъ вынужденъ былъ признать, что „только въ людскомъ мнѣніи существуетъ сладкое, горькое, теплое, холодное, цвѣтное; но что по истинѣ не существуетъ ничего кромѣ атомовъ и пустаго пространства“ **), что и вообще чувственное познаніе есть познаніе темное (σχοτή), а не подлинное (γῆσι) и не даетъ полной истины. Изъ двухъ корифеевъ греческой философіи, какъ извѣстно, одного (Платона) часто называютъ идеалистомъ, другаго (Аристотеля) эмпирикомъ. По ученію Платона истинно сущее есть идея вещей, ихъ нематеріальные типы или первообразы, существующіе неизмѣнно, вѣчно; дѣйствительные предметы суть болѣе или менѣе тусклое отображеніе идей, которое происходитъ отъ ограниченія ихъ матеріею. Хотя Платонъ не отвергаетъ совершенно реальности внѣшнихъ предметовъ, но эта реальность по отношенію къ истинному бытію вещей есть какая-то несовершенная, полуистинная. Если міръ идей есть бытіе подлинно сущее (ὄντως ὄν), то міръ явленій въ сравненіи съ нимъ можетъ быть названъ чѣмъ-то не сущимъ (μη ὄν). Вопреки Платону и его школѣ Аристотель и его послѣдователи отвергли существованіе міра идей, какъ высшей дѣйствительности, и міръ, реально являющихся предметовъ сдѣлали главнымъ предметомъ философ-

*) Такъ Емпедоклъ совѣтуетъ не довѣрять ни глазамъ, ни прочимъ чувствамъ, которыя служатъ источникомъ мнѣній, а не истины, но изслѣдовать истину умомъ. О Ксенофанѣ и Парменидѣ,—см. Риттера Исторію философіи въ пер. Карпова, ч. 1, стр. 391, 409, 466.

**) Mullach, Fragm. phil. graec. 1869. p. 357.

скаго познанія. Впрочемъ эмпиризмъ Аристотеля не былъ одностороннимъ и безусловнымъ; въ чувственныхъ представленіяхъ онъ видѣлъ только психологическое начало познанія; дѣйствительное познаніе является лишь тогда, когда разумъ извлекаетъ изъ частнаго находящееся въ немъ общее и отъ понятія—*что*, сообщаемаго познаніемъ эмпирическимъ, переходитъ къ понятію—*почему*, принадлежащему разсудку. Въ господствовавшихъ послѣ Аристотеля школахъ Перипатетиковъ, особенно-же Стоиковъ и Епикурейцевъ, сомнѣнія въ достовѣрности эмпирическаго познанія, вызванны идеализмомъ Платона, повидимому, исчезаютъ; чувственное познаніе представляется первымъ источникомъ истиннаго знанія и критеріемъ истины *). Но это возрѣніе не могло надолго удержаться предъ разлагающимъ древнюю философію напоромъ постепенно усиливающагося скептицизма. Стоявшіе преимущественно на эмпирической-же почвѣ древніе скептики, особенно Енезидемъ и Секстъ Емпирикъ, высказали много серьезныхъ возраженій противъ достовѣрности чувственнаго познанія, которыя и въ послѣдствіи въ болѣе развитомъ видѣ выставлялись въ числѣ поводовъ къ идеализму. Главнымъ аргументомъ противъ истины чувственнаго познанія служило для нихъ разнообразіе представленій объ однихъ и тѣхъ-же предметахъ соотвѣтственно различію представляющихъ субъ-

*) Тѣ и другіе думали найти истину путемъ эмпирическаго познанія. Отъ возникающаго въ насъ, вслѣдствіе матеріальнаго впечатлѣнія, образа или представленія зависитъ, по мнѣнію Стоиковъ, понятіе, такъ какъ оно возникаетъ отъ соединенія нашимъ разумомъ представлений; отъ понятій зависитъ познаніе (наука), такъ какъ оно происходитъ чрезъ соединеніе понятій. Основной элементъ знанія — представленіе должно происходить отъ дѣйствительно существующаго предмета и ему соотвѣтствовать; тогда оно есть понимаемое или истинное представленіе (*φαντασία καταληπτική*). Критеріемъ для опредѣленія, дѣйствительно-ли существуетъ предметъ и соотвѣтствуетъ-ли ему представленіе, служитъ чувственная ясность или соединенная съ представленіемъ сила убѣдительности (*ἐναργεία*). Епикурейцы сводятъ истинное или правильное познаніе къ прямому или не прямому, утверждающему или отрицающему свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ. Свидѣтельство чувствъ всегда и само по себѣ достовѣрно; не чувства обманываютъ человѣка, а его сужденіе. Что представленіе даетъ намъ вполнѣ вѣрное понятіе о вещи, они объясняли тѣмъ, что оно есть не что иное, какъ матеріальный образъ, отдѣляющійся отъ предмета (*εἶδολον*) и входящій въ нашу душу.

ектовъ. Если-бы представленія отображали внѣшніе предметы такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ суть, то они у всѣхъ должны-бы быть одинаковы. Между тѣмъ мы видимъ, что больному вещи представляются иначе, чѣмъ здоровому, дитяти иначе, чѣмъ взрослому, каждому животному иначе, чѣмъ человѣку и чѣмъ другому животному. Напр. то, что одному животному, по его относительно малой величинѣ кажется большимъ, то для другаго, большаго,—малымъ; что для одного кажется вкуснымъ, то для другаго не вкуснымъ, что для одного гладкимъ, то для другаго шероховатымъ и т. д. Спрашивается, въ чемъ-же ручательство, что только представленія человѣка, и притомъ здороваго человѣка, мы должны признавать истинными, а всѣ другія нѣтъ? Не правильнѣе-ли думать, что для каждаго индивидуума только *кажется* вѣрнымъ то представленіе о вещахъ, какое онъ имѣетъ соотвѣтственно субъективнымъ условіямъ своей организаціи, а имѣетъ-ли понятіе о дѣйствительныхъ предметахъ и ихъ свойствахъ, это въ высшей степени сомнительно.

Въ новой философіи мысль о несоотвѣтствіи нашего чувственного познанія дѣйствительности выясняется постепенно больше и больше и находитъ своихъ защитниковъ въ рядахъ не только философовъ болѣе или менѣе склонныхъ къ идеализму, но и среди эмпириковъ. Декартъ ясно различаетъ въ нашихъ представленіяхъ элементы субъективный и объективный. Онъ полагаетъ, что хотя представленіямъ вообще соотвѣтствуютъ предметы, но не всему въ представляемомъ нами соотвѣтствуетъ реальное внѣ насъ. Масштабомъ для отдѣленія въ представленіи истинно объективнаго и имѣющаго только субъективное значеніе Декартъ признаетъ большую ясность, съ какою сознается нами первое. По этому масштабу онъ признаетъ реальными представленія: величины, фигуры, движенія, положенія, продолженія и числа, потому что все это можетъ быть ясно познано; но онъ отказывается въ реальности представленіямъ цвѣта, ощущеніямъ слуха, вкуса и пр. Хотя послѣднія свойства мы восприимаемъ, какъ свойства ощущаемаго предмета, но что они суть въ самихъ вещахъ, мы не можемъ опредѣлить съ точностію. Отсюда уже

видно, что въ нашемъ представленіи предмета не все реально, и что только закоренѣлый отъ самаго младенчества предразсудокъ виною того, что мы думаемъ, будто *все* оощуемое нами должно существовать и внѣ насъ, въ вещахъ точно также, какъ мы познаемъ или оощуемъ его или даже сходно съ тѣмъ *).

Подобнымъ-же образомъ, только еще опредѣленнѣе указаны отношенія нашего чувственнаго познания къ вещамъ у философа, по направленію противоположнаго Декарту,—у Локка. Локкъ дѣлитъ свойства, которыя мы обыкновенно приписываемъ вещамъ, на два класса: первичныя и вторичныя. Къ первымъ принадлежатъ слѣдующія пять свойствъ: плотность, протяженіе, движеніе (и покой), число и фигура. Эти свойства всегда и непрерывно соединены съ тѣлами, хотябы послѣднія и измѣнялись. Сколько напр. мы ни станемъ раздроблять хлѣбное зерно, даже и тогда, когда оно станетъ невидимымъ для невооруженнаго глаза, частицы его сохраняютъ плотность, протяженіе, фигуру и пр. Итакъ въ этихъ пяти свойствахъ мы имѣемъ дѣйствительныя отображенія вещей, первоначальныя образцы которыхъ существуютъ реально въ самыхъ предметахъ. Всѣ-же прочія, такъ называемыя вторичныя свойства и качества предметовъ, напр. ихъ цвѣта, запахъ, вкусъ и пр., на самомъ дѣлѣ въ вещахъ не существуютъ, какую-бы реальность по недоразумѣнію мы имъ ни приписывали. Въ самыхъ вещахъ мы, имѣя въ виду подобнаго рода оощенія, можемъ признать только „способности“ возбуждать или производить подобнаго рода оощенія. Эти способности основываются на извѣстныхъ свойствахъ вышеуказанныхъ первичныхъ свойствъ и ими производятся. Свѣта и жара точно также нѣтъ на самомъ дѣлѣ, какъ нѣтъ состоянія непріятности или болѣзни; что въ нашемъ представленіи кажется сладкимъ, голубымъ или теплымъ, то на самомъ дѣлѣ, въ вещахъ, есть только извѣстное видоизмѣненіе мѣры, фигуры, движенія въ элементарныхъ частицахъ тѣлъ. Эти видоизмѣненія намъ совершенно не доступны и мы не

*) Princ. phil. 1 §. 67, 68, 70.

можемъ знать, какая фигура или какое расположеніе частичекъ въ предметѣ производитъ ощущеніе, напр. желтаго цвѣта, сладкаго вкуса или рѣзкаго звука, точно также какъ не можемъ знать, какимъ образомъ вообще первичныя свойства могутъ производить въ насъ ощущенія вкуса, цвѣта или звука.

Нельзя не видѣть, что даже эмпирическая философія, какова Локка, должна была сдѣлать значительныя уступки идеализму; этими уступками не замедлилъ воспользоваться Берклей въ пользу рѣшительнаго идеализма. Прежде всего онъ находитъ непослѣдовательнымъ, что изъ числа внѣшнихъ впечатлѣній одни признаются реальными, другія нѣтъ; онъ нападаетъ на, установленное Локкомъ, различіе первичныхъ и вторичныхъ качествъ. По мнѣнію Берклея, фигура, протяженіе, движеніе и проч. имѣютъ точно такое-же значеніе, какъ цвѣта, тоны, вкусы и т. п.; они существуютъ только въ нашемъ представленіи и *что* соотвѣтствуетъ имъ внѣ насъ, даже соотвѣтствуетъ-ли что-нибудь, мы не можемъ опредѣлить никоимъ образомъ. Дѣло не въ томъ, что эти, называемыя Локкомъ первичными, свойства принадлежатъ всѣмъ вообще предметамъ и пребываютъ при всѣхъ ихъ измѣненіяхъ; это еще не свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ реальности; для этого нужно, чтобы и представленія о нихъ оставались всегда одними и тѣми-же; но этого очевидно не бываетъ. Поэтому и считать представленія даже первичныхъ качествъ отображеніями вещей, какъ онѣ суть, значитъ, какъ указали на то еще древніе скептики, запутаться въ противорѣчіяхъ; потому что въ такомъ случаѣ мы, вопреки логики, одному и тому-же предмету, въ одномъ и томъ-же отношеніи; должны будемъ приписывать различныя, даже противоположныя свойства. Такъ на примѣръ у каждаго животнаго органы чувствъ устроены и приспособлены къ его пуждамъ. Можемъ-ли мы допустить, чтобы нога, на примѣръ, ничтожной мошки, которая кажется намъ едва приметною, представлялась точно такою-же и для самаго животнаго, которому она принадлежитъ? Конечно нѣтъ; она должна ему казаться чѣмъ-то довольно большимъ и каждому животному опять иначе, различной величины, соотвѣт-

ственно его росту. Итакъ, какая-же изъ этихъ различныхъ величинъ есть истинная и дѣйствительная? Не должны-ли мы сказать, что нога мошки и велика и мала,—въ чемъ и заключается противорѣчiе. Точно также и по отношенiю къ намъ самимъ: мы различнымъ образомъ воспринимаемъ, на примѣръ, величину и протяженность предметовъ, судя по тому, отдаляемся-ли отъ предмета въ двое, въ десять, во сто разъ; тоже самое имѣетъ мѣсто и по отношенiю къ фигурѣ и движенiю. Изъ всего этого видно, что ни посредствомъ первичныхъ, ни черезъ вторичныя свойства мы не можемъ узнать, соотвѣтствуетъ-ли нашимъ представленiямъ о вещахъ что-либо реальное внѣ насъ. Да и сами по себѣ представленiя о материальныхъ вещахъ, какъ впечатлѣнiя или отраженiя этихъ вещей въ нашемъ духѣ, невозможны; ибо какимъ образомъ материальное могло-бы дѣйствовать на существо нематериальное? Ни матерiя не можетъ дѣйствовать на духъ, потому что, не имѣя сама представленiй, не можетъ сообщать ихъ и чему-либо другому; ни духъ не можетъ воспринимать въ себя чего-либо материальнаго. Заключение изъ всего этого у Берклея то, что реально, такъ называемаго, материальнаго мiра не существуетъ; а находящiяся въ насъ представленiя о внѣшнихъ предметахъ суть дѣйствiя на насъ другой, высшей насъ чисто духовной силы, именно Божества.

Какъ Берклея послѣдовательно провель начала идеалистическаго воззрѣнiя, какiя нашель у Локка, такъ точно Спиноза и Лейбницъ рѣшительно провели еще колеблющiйся у Декарта взглядъ на значенiе нашего чувственнаго познаниа. По учению Спинозы, чувственное познание (*imaginatio*) стоитъ на самой низшей степени и даетъ не адекватныя вещамъ понятiя о нихъ, такъ какъ бытiе представляется здѣсь не какъ единое вѣчное и неизмѣнное (*sub specie aeternitatis*), но какъ раздѣльное и измѣнчивое *). По мнѣнiю Лейбница

*) Впрочемъ взглядъ Спинозы на значенiе чувственныхъ представленiй не довольно ясенъ. На примѣръ: *Eth. p. pr. 16: Idea cujusque modi, quo corpus humanum a corporibus externis afficitur, involvere debet naturam corporis humani et simul naturam corporis externi. Corol. 2. Ideae, quas corporum externorum habemus, magis nostri corporis constitutionem, quam corporum externorum naturam indicant.*

истинно существующее есть только простое, невещественное; то, что онъ называетъ монадами; монады не имѣютъ никакого протяженія, фигуры или другихъ свойствъ, какія мы обыкновенно приписываемъ тѣламъ. Если же монады не протяжены и невещественны, то не могутъ имѣть въ дѣйствительности этихъ свойствъ и группы монадъ, сдерживаемыя известными центральными монадами,—группы, которыя мы называемъ тѣлами. Отсюда: „ничто не можетъ быть протяженнымъ въ своемъ истинномъ существованіи“. Всякая протяженность есть нѣчто не дѣйствительно существующее, а только кажущееся такимъ, явленіе протяженности происходитъ отъ того, что наши чувственные представленія темны и слутаны, такъ какъ не могутъ обнимать раздѣльно большое множество очень малыхъ актовъ. Здѣсь происходитъ тоже явленіе, какое бываетъ напримѣръ при представленіи зеленаго цвѣта, который кажется намъ простымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ слагается изъ двухъ цвѣтовъ: желтаго и синяго; или напримѣръ при представленіи быстро вертящагося колеса, когда раздѣльныя спицы сливаются въ одинъ кругъ.

Но не одни философы съ опредѣленнымъ идеалистическимъ направленіемъ, каковы: Берклей, Спиноза, Лейбницъ, вооружались противъ достовѣрности чувственнаго познанія. Къ такому-же заключенію анализъ этого познанія приводитъ часто и рѣшительныхъ сенсуалистовъ. По Гоббсу, реально существующими и постоянными свойствами вещей мы должны признать только тѣ, за уничтоженіемъ которыхъ перестаетъ существовать самое тѣло,—это протяженіе и фигура. Всѣ прочія свойства, каковы: покой, движеніе, цвѣтность, плотность и т. п. могутъ измѣняться, тогда какъ тѣ существуютъ; поэтому онѣ не реальны и не тѣлесны и составляютъ только способы познанія, посредствомъ которыхъ мы воспринимаемъ тѣла; онѣ не имѣютъ предметности, но суть извнутри нашего я происходящія движенія *). По мнѣнію Кондильяка, не только различныя свойства вещей, „но и про-

*) О Гоббсѣ, см. Lange, Gesch. d. Materialismus. 1: 246, 248.

тяженіе мы воспринимаемъ только въ нашихъ собственныхъ ощущеніяхъ, изъ чего слѣдуетъ, что мы не видимъ тѣлъ, какъ они сами по себѣ суть. Можетъ быть они и дѣйствительно протяжены, имѣютъ какой-либо вкусъ, звукъ, краску, запахъ, а можетъ быть и ничего изъ всего этого. Я не утверждаю ни того, ни другаго; я ожидаю только, чтобы мнѣ представили доказательства, что тѣла суть то, чѣмъ они намъ являются, или нѣчто другое. Но если-бы даже не было и никакого протяженія, то это не давало-бы еще намъ права отвергать самое существованіе тѣлъ. Все, что разумнымъ образомъ можно-бы и должно заключить отсюда, было,-бы только то, что тѣла суть предметы, которые возбуждаютъ во мнѣ ощущенія и имѣютъ свойства, о которыхъ мы не можемъ знать ничего опредѣленнаго *)).

Такъ мало-по-малу съ разныхъ сторонъ подрывалась въ новой философіи твердо признаваемая непосредственнымъ сознаниемъ достовѣрность чувственныхъ представленій. Кантъ повелъ дѣло идеализма по отношенію къ чувственному познанію гораздо дальше. Открывши въ каждомъ представленіи два элемента, — субъективный, принадлежащій нашей познавательной силѣ, и объективный, приносящій въ нашу душу впечатлѣніе отъ предмета, онъ на этомъ основаніи отвергъ соотвѣтствіе нашихъ представленій дѣйствительности. Что есть нѣчто внѣ насъ, производящее на насъ впечатлѣніе, это несомнѣнно; но несомнѣнно также и то, что производимое впечатлѣніе не есть точное отображеніе предмета, такъ какъ оно слито съ элементомъ субъективнымъ, съ формами пространства и времени, принадлежащими нашей чувственно-познающей способности, а не самими предметамъ; вещей самихъ по себѣ мы не знаемъ. Но этого мало; Канту показалось какъ-бы непоследовательностью идеализма, что онъ до сихъ поръ простирался только на представленія внѣшнихъ чувствъ,—на представленія предметовъ внѣшняго міра. Самыя возрѣнія внутренняго чувства,—представленія нашихъ психическихъ актовъ и состояній,

*) О Кондильякѣ, — Beneke, Metaph. 58.

заключаютъ въ себѣ ту же двойственность элементовъ: субъективнаго и объективнаго, такъ какъ и они возможны только подѣ условіемъ приложенія къ нимъ субъективнаго воззрѣнія: времени. Слѣдовательно и въ представленіяхъ внутренняго чувства точно также, какъ и въ представленіяхъ чувствъ внѣшнихъ, мы не познаемъ вещей, какъ онѣ сами по себѣ суть. Внутреннее воспріятіе точно также, какъ и внѣшнее чувство, даетъ намъ только одни феномены, т. е. познанія о предметахъ, какъ они намъ являются или кажутся при субъективныхъ условіяхъ нашего познанія, а не какъ они сами по себѣ суть. Итакъ, по мнѣнію Канта, бытіе дѣйствительное одинаково недоступно нашему познанію, какъ по отношенію къ міру внѣшнему, такъ и по отношенію къ внутреннему міру психическихъ явленій.

Но даже и при такомъ расширеніи идеалистическаго воззрѣнія былъ возможенъ шагъ еще дальше. Кантъ вмѣстѣ съ познающимъ субъектомъ оставилъ еще и познаваемый объектъ, какъ нѣчто дѣйствительно существующее внѣ насъ, но только недоступное нашему познанію, потому что оно сознается не въ своей объективной чистотѣ, но въ смѣшеніи съ субъективными формами, налагаемыми на него нашимъ познаніемъ. Вещь сама по себѣ была для него неопредѣленнымъ x , которое хотя для насъ совершенно неизвѣстно, но существованіе котораго внѣ всякаго сомнѣнія. Кантъ прямо назвалъ скандаломъ здраваго смысла и философіи то, что она признаетъ существованіе предметовъ внѣ насъ находящихся на вѣру и что когда кто-нибудь начинаетъ сомнѣваться въ томъ, она не въ силахъ представить никакого достаточнаго доказательства въ пользу этой увѣренности; поэтому онъ старался даже найти такое доказательство *). Но никакое подобнаго рода доказательство не могло быть удачнымъ, какъ скоро все разнообразіе внѣшнихъ представленій вовлекалось въ субъективный кругъ нашего я, какъ скоро самыя категоріи бытія, небытія, внутренняго, внѣшняго,

*) „Критика чистаго разума“, пер. Владиславлева; предисл. ко второму изданію, стр. XXX и сл.

причины; дѣйствія, объявлялись субъективными формами нашего разсудка. Съ другой стороны, то неизвѣстное *x*, которому одному приписывалась дѣйствительность, какъ внѣшнему мотиву нашихъ представлений, было слишкомъ безсодержательно, пусто и ничтожно, чтобы слѣдовало дорожить имъ и отстаивать его право на самостоятельность. Оно и дѣйствительно, какъ нѣчто совершенно ненужное для объясненія нашего познанія и не дающее для него никакого положительнаго содержанія, было скоро отброшено въ системахъ, слѣдовавшихъ за Кантомъ философовъ—Фихте и Гегеля, у которыхъ отрицаніе реальности внѣшняго міра и истины чувственнаго познанія о немъ достигло крайнихъ предѣловъ, разрѣшившись въ полный, абсолютный идеализмъ. Неизвѣстное *x*,—міръ внѣшній, какъ бытіе самостоятельное, у нихъ исчезаетъ; то, что мы называемъ предметами внѣшними, по мнѣнію Фихте, есть только самоограниченіе нашего я,—границы, которыя оно само себѣ полагаетъ. Для Гегеля бытіе чувственное, конкретное, есть бытіе не истинное, кажущееся (Schein), отрицательный моментъ бытія истиннаго. Но и независимо отъ крайностей идеализма мысль о несоотвѣтствіи чувственнаго познанія о вещахъ подлинному бытію ихъ, постепенно выяснявшаяся въ теченіе вѣковъ въ философскомъ мірѣ, въ наше время въ той или иной формѣ раздѣляется почти всѣми философами, не смотря на различіе ихъ направленій. Здѣсь сходятся идеалистъ Шопенгауеръ и реалистъ Гербартъ, новѣйшіе ново-кантіанцы (напримѣръ Лянге) и философствующіе естествоиспытатели, каковы напримѣръ Г. Мюллеръ, Дюбуа—Реймонъ, Гельмгольцъ и др. Въ виду этого можно пожалуй согласиться съ замѣчаніемъ одного философа, что „положеніе: эмпирической міръ есть феноменъ нашего сознанія, въ настоящее время принадлежитъ къ числу *loci communes* философіи“ *).

Мы прослѣдили по всей почти исторіи философіи постепенное развитіе того возрѣнія на чувственную дѣйствительность, которое можно назвать идеалистическимъ, хотя оно,

*) Liebmann, Zur Analysis d. Wirklichkeit. 1876, p. 36.

какъ мы видѣли, вовсе не составляетъ исключительной принадлежности только философовъ-идеалистовъ, но встрѣчается и у мыслителей совершенно иного направленія, каковы на примѣръ въ древности атомисты и скептики, въ новой философіи Локкъ, Гоббсъ и Кондильякъ. Самая устойчивость этого возрѣнія и авторитетъ философовъ болѣе или менѣе склонявшихся къ нему, ясно показываютъ, что есть какіе-нибудь очень важные и сильные мотивы, заставлявшіе философскую мысль относиться подозрительно къ такой для непосредственнаго сознанія очевидной истинѣ, какъ достоверность бытія и познанія находящихся внѣ насъ предметовъ, и допускать возрѣніе на внѣшнюю дѣйствительность, столь рѣзко противоположное обычному мнѣнію о ней, какое встрѣчаемъ на примѣръ у идеалистовъ.

Поэтому мы должны теперь внимательнѣе пересмотрѣть эти мотивы, подвергнуть анализу наши представленія о внѣшнемъ мірѣ, чтобы опредѣлить истинное значеніе нашего познанія о немъ.

Прежде всего замѣтимъ, что если-бы даже у насъ не было никакихъ поводовъ сомнѣваться въ объективной вѣрности нашихъ чувственныхъ представленій, если-бы мы предположили, что внѣшніе предметы отражаются въ нашемъ сознаніи такъ чисто и точно, какъ въ зеркалѣ, то и въ такомъ случаѣ мы вправѣ были-бы заподозрить абсолютную вѣрность познанія, получаемого нами при помощи чувствъ о внѣшнемъ мірѣ. Положимъ, наша душа есть вѣрное зеркало внѣшняго міра, однакоже зеркало даетъ только нѣчто отъ предмета и притомъ немного, — внѣшній его обликъ. Этотъ обликъ далеко не исчерпываетъ всего содержанія предмета, всѣхъ его свойствъ; по отношенію къ этимъ свойствамъ, къ богатству содержанія дѣйствительнаго предмета, онъ даетъ очень скудное и одностороннее познаніе. Если теперь предположимъ, что и наши чувства суть не что иное, какъ своего рода зеркало для отображенія разныхъ сторонъ внѣшней дѣйствительности, то насъ никакъ не можетъ оставить мысль, что эта дѣйствительность на самомъ дѣлѣ несравненно богаче содержаніемъ, чѣмъ отраженный, хотя-бы то и вѣрный образъ

ея въ нашей душѣ, что наше эмпирическое познаніе обнимаетъ собою только обликъ міра видимаго, а не самое существо его. Но на самомъ дѣлѣ такое воззрѣніе на отношеніе нашего чувственнаго познанія къ дѣйствительности не можетъ быть принято. Образъ внѣшняго міра не есть точное, хотя-бы то и неполное отображеніе его. Самый этотъ образъ слагается изъ двухъ элементовъ: субъективнаго, намъ принадлежащаго, и объективнаго, привходящаго отъ внѣ путемъ впечатлѣнія. Внѣшніе предметы не влетаютъ цѣликомъ въ нашу душу, не отражаются въ ней, какъ въ безчувственномъ зеркалѣ, и не рисуются, какъ на фотографической пластинкѣ. Чтобы ощущать, — знать ихъ, мы сами должны при этомъ нѣчто сдѣлать, должны приложить нашу собственную силу къ образованію воззрѣнія или представленія. Вслѣдствіе приложенія этого субъективнаго элемента къ образованію эмпирическихъ представленій, эти представленія совершенно справедливо и точно называются актами психическими, а не отраженіями только или оттисками предметовъ въ нашей душѣ.

Такой общій характеръ нашего познанія уже самъ по себѣ дѣлаетъ очень подозрительною полную объективность нашего представленія о внѣшней дѣйствительности. Если наше познаніе дѣйствительно слагается изъ двухъ элементовъ внутренняго и внѣшняго, то мы имѣемъ передъ собою не предметы, какъ они сами по себѣ суть, но произведеніе двухъ факторовъ: субъективнаго и объективнаго, — произведеніе, не дающее въ чистомъ и настоящемъ видѣ ни того, ни другаго.

Чтобы выяснитъ справедливость этого вывода относительно нашего чувственнаго познанія, мы должны теперь прослѣдить въ немъ этотъ субъективный элементъ, препятствующій полной его объективности. Для этой цѣли достаточно будетъ подвергнуть анализу тотъ актъ эмпирическаго познанія, который, повидимому, имѣетъ самое близкое отношеніе къ внѣшней дѣйствительности и представляетъ ея предметы съ наибольшою точностью, — говоримъ о воспріятіи или *воззрѣніи*. Что въ образованіи *понятій* о внѣшнихъ предметахъ прини-

маеть много участія субъективная дѣятельность нашего разсудка, отвлекающаго и обобщающаго только нѣкоторыя существенныя черты отъ представлений, это ясно. Что слѣдующій за понятіемъ второй, низшій актъ эмпирическаго познанія, — *представленіе*, также много зависитъ въ своемъ образованіи отъ субъективной дѣятельности познавательной силы, обобщающей въ немъ частныя впечатлѣнія отъ предметовъ и объединяющей ихъ въ одинъ цѣльный образъ, — это также ясно. Но вотъ мы имѣемъ передъ собою третій, самый первоначальный актъ познанія, который, повидимому, даетъ намъ самое чистое отображеніе внѣшнихъ предметовъ, — это непосредственное чувственное *воззрѣніе*. Что чувственное воззрѣніе передаетъ намъ точнѣе, живѣе, истиннѣе внѣшній объектъ, чѣмъ первые два акта познанія, въ этомъ, повидимому, рѣшительно убѣждено наше непосредственное сознаніе. Не говоримъ о понятіи, какъ болѣе далекомъ отъ дѣйствительности продуктѣ нашего познанія; если сравнимъ воззрѣніе съ представленіемъ, то легко замѣтимъ, что они хотя даютъ намъ одинъ и тотъ-же предметъ, но не въ одинаковомъ видѣ и не въ одинаковой точности. Иное дѣло, смотримъ-ли мы непосредственно на предметъ или представляемъ его, когда самага предмета нѣтъ уже передъ глазами. Въ первомъ случаѣ мы говоримъ, что видимъ предметъ яснѣе, точнѣе, вѣрнѣе, — и чѣмъ больше смотримъ на предметъ, тѣмъ больше обогащается наше представленіе о немъ. И хотя-бы мы смотрѣли на него безчисленное множество разъ, никогда наше представленіе не уравниется съ предметомъ; никогда въ нашемъ представленіи онъ не будетъ существовать такъ живо и отчетливо, какъ въ воззрѣніи; всегда будетъ различіе между представленіемъ и воззрѣніемъ относительно предполагаемой адекватности ихъ и близости къ внѣшней дѣйствительности.

Но дѣйствительно-ли въ воззрѣніи мы воспринимаемъ предметы вѣрно и точно? Дѣйствительно-ли въ немъ нѣтъ уже того субъективнаго элемента, который дѣлаеть подозрительнымъ полное соотвѣтствіе дѣйствительности понятія и представленія? На первый разъ можетъ показаться, что познаніе

внѣшнихъ предметовъ въ чувственномъ воззрѣнїи есть самое точное познаніе ихъ, потому что оно еще ничего не откинуло отъ предмета и ничего не прибавило къ нему (какъ въ представленїи и понятїи), но имѣетъ его передъ собою во всей объективной истинѣ. Но ближайшій анализъ разувѣряетъ насъ въ этомъ.

Что мы почитаемъ объективнымъ, получаемымъ отъ предмета въ воззрѣнїи? Прежде всего различныя физическія свойства предметовъ, воспринимаемая посредствомъ различныхъ органовъ чувствъ, напр. цвѣтъ, запахъ, вкусъ, звукъ предмета, его плотность, форму, величину и пр. Затѣмъ мы отличаемъ извѣстное объединеніе этихъ свойствъ въ одно цѣлое, отдѣльное отъ другихъ цѣлостей,—отличаемъ одинъ предметъ отъ другаго, какъ этотъ именно, а не другой. Такое отличіе, также какъ и физическія свойства, мы считаемъ принадлежащимъ самой дѣйствительности; мы говоримъ, что реально существуютъ отдѣльные *предметы* внѣ насъ.

Но имѣемъ-ли мы основаніе и право замѣчаемая нами свойства предметовъ, а затѣмъ и самыя отдѣльныя предметы считать чѣмъ-то реальнымъ, внѣ насъ находящимся?

Сначала о такъ называемыхъ физическихъ свойствахъ предметовъ.

Мы видѣли, что уже въ древности, на основанїи одного простаго наблюденїя, нѣкоторые философы (скептики) приходили къ сомнѣнїю относительно объективнаго характера тѣхъ свойствъ, какія мы приписываемъ внѣшнимъ предметамъ. Они замѣчали напр. случаи, когда то, что одному кажется сладкимъ, другому (напр. при разстройствѣ печени) представляется горькимъ, что для страдающаго желтухою предметы кажутся желтыми, что одинъ и тотъ-же предметъ кажется и большимъ и малымъ, судя по близости его или отдаленности отъ насъ, или отъ различїя въ величинѣ воспринимающаго субъекта и т. п. Отсюда для нихъ естественно возникало сомнѣніе: вкусъ, цвѣтъ, величина предметовъ, есть ли что-либо принадлежащее предметамъ или извѣстное только отношеніе къ нимъ нашего воспринимающаго организма? Но то, что оставалось только подъ сомнѣніемъ для древнихъ

скептиковъ, перешло въ несомнѣнную истину въ новой философіи, благодаря болѣе глубокому психологическому анализу чувственныхъ впечатлѣній,—анализу, которому въ повѣйшее время пришли на помощь, вполне подтверждающія его, фізіологическія наблюденія. Мы не станемъ здѣсь въ подробности излагать этого анализа, которому мѣсто въ эмпирической психологіи. Укажемъ только на окончательные выводы его въ примѣненіи ихъ къ вопросу о достовѣрности чувственныхъ нашихъ воззрѣній.

Чувство осязанія въ двухъ его формахъ, какъ чувство температуры и какъ осязаніе въ точномъ смыслѣ слова, даетъ намъ понятіе о теплѣ и холодѣ, о гладкости и шероховатости, о твердости и мягкости предметовъ. Но имѣютъ-ли реальную значимость эти свойства, приписываемыя нами вещамъ, внѣ ощущающаго субъекта? Мы, въ полной увѣренности въ объективномъ значеніи познаваемого нами свойства предмета, говоримъ: такой-то предметъ горячъ, холоденъ. Но на самомъ дѣлѣ оказывается, что тепло и холодъ суть только субъективныя ощущенія нашего организма, зависящія отъ состоянія нашей крови, нервовъ, кожи. Въ лихорадкѣ мы зябнемъ или чувствуемъ жаръ, между тѣмъ какъ человекъ здоровый не чувствуетъ ни того, ни другаго. Вообще, что касается до степени тепла и холода, то въ опредѣленіи ихъ играетъ главную роль субъективное состояніе нашего ощущающаго организма, такъ что, собственно говоря, въ природѣ нѣтъ ни горячаго, ни холоднаго и, говоря объ этихъ свойствахъ вещей, мы на самомъ дѣлѣ говоримъ лишь о нашихъ собственныхъ ощущеніяхъ. Мы называемъ далѣе предметы гладкими, шероховатыми; но подъ микроскопомъ самый гладкій предметъ оказывается очень шероховатымъ и неровнымъ; да и обыкновенное осязаніе при извѣстной нѣжности кожи можетъ находить шероховатымъ то, что для другаго кажется гладкимъ. Гладкость и шероховатость такимъ образомъ не свойства вещей самихъ по себѣ, но извѣстныя отношенія ихъ къ нашему осязанію. Наиболѣе реальнымъ представляется намъ изъ свойствъ, познаваемыхъ осязаніемъ, свойство плотности или твердости предмета. Это свойство кажется намъ до та-

кой степени реальнымъ, что мы готовы считать его вѣрнѣйшимъ критеріемъ достовѣрности внѣшняго бытія; что мы ощущали, въ чемъ осязательно убѣдились, то несомнѣнно кажется таковымъ, каково оно есть. Но и здѣсь новѣйшія наблюденія показали сильное присутствіе субъективнаго элемента, такъ какъ въ сужденіе наше о плотности или твердости предмета необходимо входитъ субъективное ощущеніе, такъ называемаго, мышечнаго нашего напряженія. Среда, въ которой движеніе (напр. нашей руки) требуетъ меньшаго усилія, представляется намъ пустою; среда, движеніе въ которой требуетъ усилія,—болѣе или менѣе наполненною, плотною, судя по степени нашего усилія, такъ что не будь въ насъ внутренняго ощущенія мускульнаго усилія, для насъ не существовало-бы представленія о плотномъ и неплотномъ.

Свойства вещей, о которыхъ мы получаемъ понятія посредствомъ чувствъ обонянія и вкуса, также въ сущности суть субъективныя наши ощущенія, условливаемыя раздраженіемъ оболочекъ носовой полости и языка; въ дѣйствительности вещи сами по себѣ ни горьки, ни сладки, ни пахучи.—При помощи слуха мы воспринимаемъ звукъ различныхъ тѣлъ. Но что такое звукъ? Звукъ самъ по себѣ есть не что иное, какъ извѣстный родъ движенія, называемый вибраціею или дрожаніемъ тѣлъ. При помощи самыхъ точныхъ опытовъ наука вычислила отношеніе между числомъ колебаній или дрожаній звучащаго тѣла и высокою воспринимаемаго звука. Дрожательное движеніе тѣла посредствомъ воздуха, который и самъ есть вибрирующее тѣло, доходитъ до уха, органа искусно устроеннаго для того, чтобы собирать и передавать воздушныя вибраціи акустическому нерву. Здѣсь только прекращается механическій звукъ и замѣняется звукомъ ощущенія,—звукомъ въ собственномъ смыслѣ; движеніе здѣсь преобразуется въ ощущеніе. Но есть-ли какое-нибудь сходство между движеніемъ и его ощущеніемъ, называемымъ звукомъ? До того самаго момента, пока акустическій нервъ не началъ дѣйствовать, внѣ насъ нѣтъ ничего подобнаго звуку, а есть только вибраціонное движеніе тѣлъ, такъ что если мы на мгновеніе предположимъ, что слушающій исчезъ, что нервъ, спо-

способный воспринимать звукъ, уничтоженъ или парализованъ, что нѣтъ на землѣ никакого живаго существа, способнаго слышать, то не будетъ внѣ насъ рѣшительно ничего, что имѣло-бы какое-бы то ни было сходство съ тѣмъ, что мы называемъ звукомъ; все погрузилось-бы въ мертвое молчаніе.

Самымъ обычнымъ и самымъ достовѣрнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о внѣшней дѣйствительности мы почитаемъ важнѣйшее изъ чувствъ,—зрѣніе. Не напрасно окружающій насъ міръ называется *видимымъ* міромъ по преимуществу. Но наука показала, что и данныя чувства зрѣнія—различные оттѣнки свѣта и цвѣтовъ, также субъективны, какъ и данныя чувства слуха. То, что существуетъ на самомъ дѣлѣ внѣ насъ и что для насъ является свѣтомъ, имѣетъ ближайшее сходство съ тѣмъ, что производитъ звукъ; но оно также мало имѣетъ сходства съ нашими ощущеніями свѣта, какъ и съ ощущеніями звука. Это существующее въ дѣйствительности, какъ причина свѣтовыхъ ощущеній, есть тоже своеобразное движеніе, таже вибрація тѣлъ, отличающаяся отъ звуковой, кромѣ своей быстроты, тѣмъ, что она передается намъ не черезъ дрожаніе волнъ воздуха, но черезъ дрожаніе болѣе тонкой эластической среды—ээира *). Отсюда видно, что внѣ ощущающаго субъекта, внѣ глаза, который видитъ, свѣтъ есть не что иное, какъ колебательное движеніе вещества; свѣтовое ощущеніе есть не болѣе, какъ субъективный феноменъ, который можетъ имѣть мѣсто только въ организованныхъ и имѣю-

*) Различіе тоновъ, какіе можетъ воспринимать наше ухо, заключается между 20 и 38000 колебаній въ секунду. Въ природѣ конечно могутъ быть колебанія и выше и ниже этихъ цифръ, но для насъ они не существуютъ, потому что мы не можемъ ихъ слышать. Колебанія волнъ ээира, чрезъ посредство котораго распространяется свѣтъ, представляютъ гораздо болѣе почтенныя цифры. Такъ ощущеніе ярко-краснаго цвѣта производится въ насъ 476 билліонами колебаній въ секунду; ощущеніе темно-фіолетоваго цвѣта требуетъ 757 билліоновъ; ощущенія всѣхъ прочихъ цвѣтовъ заключаются въ срединѣ между этими крайними цифрами. (Подробности см. въ Empir. Psychologie v. Drgal, p. 61—73). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что есть въ природѣ колебанія ээира и выше и ниже этихъ цифръ; но мы ихъ не ощущаемъ, по крайней мѣрѣ не ощущаемъ, какъ свѣтъ и цвѣта. Думаютъ, что лучи ниже краснаго ощущаются нами, какъ тепло, а тѣ, которые выше-фіолетоваго или сильно преломлены, ощущаются, какъ химическое дѣйствіе.

щихъ глаза существахъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ ними. Но наука идетъ еще дальше; она не безъ основаній предполагаетъ, что и ощущенія тепла и холода суть не болѣе, какъ субъективный отзывъ на то-же дрожательное движеніе матеріальныхъ частицъ, какъ свѣтъ и звукъ. Повидимому, что можетъ быть различіе, какъ эти два разряда феноменовъ? Я могу чувствовать жаръ въ темнотѣ (напримѣръ въ рудникахъ) и холодъ при яркомъ освѣщеніи (напримѣръ въ верхнихъ слояхъ воздуха). Но не смотря на это кажущееся различіе, опыты естествоиспытателей до такой степени умножили аналогіи между свѣтомъ и тепломъ *), что наука готова заключить къ ихъ тождеству и признать, что тепло и свѣтъ суть различныя обнаруженія одного и того-же лученія ээира; различіе ихъ можетъ происходить только отъ различія видоизмѣненій, какія можетъ испытывать подвергающійся дѣйствию этой вибраціи ощущающій субъектъ. Падая на зрѣніе, это лученіе даетъ впечатлѣніе свѣта; падая на осязаніе, даетъ впечатлѣніе совершенно иного рода **).

Итакъ наблюденія надъ звукомъ, свѣтомъ, тепломъ показали намъ, что внѣ ощущающаго субъекта, въ самой природѣ нѣтъ ни горячаго, ни холоднаго, ни свѣта, ни темноты,

*) Жаръ, какъ и свѣтъ, движется по прямой линіи съ тою-же скоростію; тепло также отражается, какъ и свѣтъ; подобно свѣту оно преломляется и по тѣмъ-же законамъ; оно проходитъ и передается чрезъ различныя тѣла также, какъ и свѣтъ. Какъ черезъ сложеніе (addition) двухъ токовъ свѣта можно произвести темноту, такъ точно чрезъ комбинацію двухъ источниковъ тепла можно произвести холодъ, что доказали замѣчательные опыты Меллони, Физо и Фуко. P. Janet, Materialisme contemporaine. 1864. p. 39. 40.

**) „Представляются-ли намъ солнечные лучи, говоритъ извѣстный фізіологъ Гельмгольцъ, лучами свѣта или тепла, это зависитъ *единственно* отъ того, ощущаемъ-ли мы ихъ зрительными нервами или нервами кожи. Что-же касается до того, почему эти лучи кажутся намъ красными или голубыми, слабымъ свѣтомъ или сильнымъ, жгучею или пріятною теплотою, то это хотя зависитъ отъ рода самихъ лучей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ состоянія самаго зрительнаго аппарата. Качество чувственнаго ощущенія никоимъ образомъ не тождественно съ качествомъ объекта, которымъ оно вызвано; въ физическомъ отношеніи оно есть только дѣйствіе вибрънаго качества на особенный первый аппаратъ и для нашего представленія качество ощущенія есть только символъ, познавательный значекъ (Erkennungszeichen) объективнаго качества“. (Слова Гельмгольца—у Ульрици въ его Leib und Seele, p. 86. 87).

ни шума, ни тишины, есть только разнообразныя движенія матеріи или того, что мы называемъ матеріею,—движенія, законы и условія которыхъ опредѣляетъ физика и которыя не имѣютъ ничего общаго съ ощущеніями, вызываемыми этими движеніями въ насъ.

Физиологія здѣсь приходитъ на помощь физикѣ, чтобы доказать, и съ своей стороны, субъективность нашихъ ощущеній. Здѣсь особенно имѣетъ для насъ значеніе физиологическій законъ, такъ называемой, специфической энергіи каждаго чувства *). Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что а) различныя чувственныя раздраженія, не смотря на ихъ различіе, ощущаются однако-же, какъ однородныя, какъ скоро ими поражается одно и тоже чувство; б) одно и тоже чувственное раздраженіе, не смотря на свое тожество, ощущается нами совершенно различно, какъ скоро оно одинъ разъ поражаетъ одно, другой разъ другое чувство. Такъ при раздраженіи зрительнаго нерва мы всегда чувствуемъ свѣтъ, отъ чего-бы ни происходило раздраженіе,—отъ грубо механическаго давленія или толчка на глазное яблоко, отъ воспаленія сѣтчатой оболочки, отъ разрѣза или отъ электризаціи зрительнаго нерва или отъ прираженія волнъ эеифа, какъ именно бываетъ при нормальномъ свѣтовомъ раздраженіи. Точно также нашъ слухъ всегда ощущаетъ звукъ или шумъ, будетъ ли дѣйствовать на нашъ слуховой нервъ дрожаніе волнъ воздуха, передаваемое черезъ дрожаніе барабанной перепонки уха, какъ въ обыкновенномъ слышаніи, будетъ-ли раздражать и давить этотъ нервъ воспаленіе крови въ капиллярныхъ сосудахъ, или это раздраженіе будетъ произведено гальваническимъ токомъ. Съ другой стороны тоже самое раздраженіе, идущее отъ одного и того же предмета, возбуждаетъ въ зрительномъ нервѣ ощущеніе свѣта, цвѣтовъ, блеска, въ слуховомъ нервѣ—шума или звона или извѣстнаго звука, въ нервахъ чувствованія—боли или ощущенія тепла, на языкѣ—ощущеніе вкуса. Такъ тотъ-же самый гальваническій токъ

*) Открытіе этого закона принадлежитъ извѣстному физиологу Іоанну Мюллеру. Liebmann, Zur Analysis d. Wirk. p. 40. 41.

на языкѣ ощущается, какъ кислый вкусъ, въ глазѣ, какъ красная или голубая свѣтовая полоса, нервами кожи, какъ щекотанье, слухомъ, какъ звукъ; тѣ же самыя колебанія ээира, которыя глазъ ощущаетъ, какъ свѣтъ и цвѣта, въ осязаніи возбуждаютъ ощущеніе теплоты. Вообще изъ этихъ фактовъ очевидно, что качество ощущенія не есть свойство ощущаемаго объекта, но видоизмѣненіе чувства въ ощущающемъ субъектѣ. Каждый нервъ отъ природы имѣетъ способность, чѣмъ-бы и когда-бы онъ ни былъ возбужденъ, отвѣчать однимъ, совершенно опредѣленнымъ классомъ ощущеній; этими и только этими ощущеніями упорно онъ отвѣчаетъ всегда и повсюду, что бы его ни раздражало, почти также, какъ натянутая струна извѣстной длины, толщины, эластичности и настроя всегда отвѣчаетъ однимъ и тѣмъ-же тономъ, ударимъ-ли мы по клавишу, проведемъ-ли смычкомъ, возьмемъ-ли ее пальцами, или она будетъ приведена въ дрожательное состояніе вѣтромъ или созвучіемъ съ другими струнами. Совокупность нашихъ чувствъ есть какъ-бы клавиатура, на которой играетъ внѣшній міръ; тоны этой клавиатуры—качественно различныя ощущенія, возникаютъ собственно въ нашей чувственной способности и не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ играющими на ней со-внѣ внѣшними предметами; они опредѣляются самобытною натурою или спеціальною способностью (специфическою энергіею) каждаго чувства.

Такимъ образомъ субъективность большей части свойствъ, приписываемыхъ нами внѣшнимъ предметамъ, можно считать доказанною. Міръ, при болѣе внимательномъ анализѣ получаемыхъ отъ него впечатлѣній, вдругъ лишается именно тѣхъ свойствъ, которыя составляли всю живость, богатство и разнообразіе его явленій; богатство красокъ, цвѣтовъ, звуковъ исчезаетъ и оказывается существующимъ не внѣ, а внутри насъ. „Чувственные ощущенія, какъ говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ фізіологовъ нашего времени—Гельмгольцъ, суть не образы, а только символы предметовъ и процессовъ внѣшняго міра; они походятъ на нихъ также мало, какъ буквы, написанныя черты или звуки произносимыхъ нами словъ—на обозначенныя ими вещи; они хотя даютъ намъ свѣ-

дѣнія объ особенностяхъ внѣшняго міра, но не лучше того, какъ если-бы кто-нибудь слѣпорожденному, посредствомъ словеснаго описанія, захотѣлъ дать понятіе о цвѣтахъ“ *).

В. Жудравцевъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Тоже возрѣніе на свойство чувственныхъ ощущеній раздѣляютъ І. Мюллеръ, Фикъ, Рокитанскій и друг. Цитаты сюда относящіяся см. у Либмана въ его *Analysis d. Wirklichkeit*, 42. 43; также Ульрици, *Leib und Seele*, p. 87 et sq.

ИЗЪ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ ЭТИКИ.

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОТЗЕРКИ.

(Продолженіе *).

II.

Итакъ изъ представленія о Божествѣ, какъ о всеильномъ распорядителѣ человѣческихъ судебъ, какъ о верховномъ устройтелѣ и блюстителѣ нравственнаго порядка въ мірѣ, для грека вытекало понятіе о *добрѣ*, выраженное имъ въ словѣ *σωφροσύνη*, о *злѣ*, всѣ виды котораго обнимались словомъ *ἕβρις*¹⁾ и о *высшемъ благѣ*, которое состоитъ въ самопознаніи. Эта связь между основнымъ правиломъ греческой мудрости „познай самого себя“ и очищающею религіозною концепціею не укрылась отъ пронизательности философовъ и остроумно указана въ замѣчательномъ трактатѣ Плутарха „de EI delphico“. Тамъ идетъ рѣчь о значеніи греческой буквы E, красовавшейся среди разныхъ нравственныхъ изрече-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 1.

1) Каково-бы ни было различіе предлагаемыхъ Поттомъ, Лудвигомъ Ланге и Курціусомъ этимологическихъ объясненій слова *ἕβρις* (см. G. Curtius, Grundzüge der griech. Etymologie, 5-te Aufl., S. 540), близость его съ предлогомъ *ὑπέρ* (черезъ, выше) и латинскимъ *superbia* во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію. Греки словомъ *ἕβρις* обозначали не только нарушеніе нравственныхъ законовъ въ сферѣ человѣческихъ отношеній, но и вообще всякое нарушеніе естественнаго порядка въ мірѣ явленій, напримѣръ необыкновенное разлитіе рѣкъ (Aesch. Prom. v. 711; Herod. I, 189) и т. п.

пій на стѣнѣ храма дельфійскаго Аполлона. „На порогѣ храма“, разсуждаетъ Плутархъ устами философа Аммонія, „богъ встрѣчаетъ насъ словами „познай самого себя“, а мы отвѣчаему ему еї, т. е. „ты еси“, и такимъ образомъ одному Божеству приписываемъ истинное и неложное бытіе“ (сар. 17).

Перехожу теперь къ вопросу о *винѣ* и *наказаніи*.

Не трудно догадаться, что этотъ вопросъ тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ понятіемъ о нравственномъ злѣ, *ὄβρις*, и потому невозможно было уже и въ предъидущемъ изложеніи отчасти не коснуться его. Вся завязка, весь ходъ греческой трагедіи основаны на идеѣ возмездія. Эта идея, послѣдовательно проводимая трагическими поэтами въ развитіи сценическаго дѣйствія, по моему мнѣнію, скорѣе всего даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію загадочнаго ученія Аристотеля объ *очищеніи страстей*, производимомъ въ человѣкѣ драмою ¹⁾. Она сообщаетъ созданіямъ греческихъ трагиковъ глубокой общечеловѣческой интересъ и навсегда обезпечиваетъ за ними право на самое прилежное изученіе.

Станемъ на точку зрѣнія грека. Подъ вліяніемъ страсти человѣкъ потерялъ голову. Онъ возмнилъ о себѣ, не вѣсть что, забылъ должную мѣру, забылъ благоразуміе и—словомъ или дѣломъ, все равно,—совершилъ первую вину, вступилъ на путь преступленія. Этимъ нарушенъ нравственный порядокъ міра, и Зевсъ, какъ блюститель порядка, долженъ его возстановить. Какъ-же онъ поступаетъ въ такомъ случаѣ? Онъ ведетъ безумца (а въ глазахъ грека преступникъ ничего больше, какъ безумецъ,—это нужно постоянно имѣть въ виду) къ исправленію *путемъ страданія*. „Только тотъ будетъ исполнѣнъ владѣть разсудкомъ“, говорятъ аргосскіе старцы въ „Агамемнонѣ“, „кто съ готовностью воспѣваетъ побѣдный гимнъ Зевсу, который направилъ смертныхъ къ благоразумію

¹⁾ Арист. Поэтика, VI, 2. Здѣсь не мѣсто и не время входить въ разборъ этого ученія, породившаго за послѣдніе годы въ Германіи цѣлую массу ученыхъ трактатовъ, диссертаций, школьныхъ программъ и т. п. Мнѣ достаточно сослаться на цитованное выше сочиненіе Гюнтера, гдѣ читатель найдетъ изложеніе важнѣйшихъ взглядовъ на это дѣло и самостоятельное, весьма толковое объясненіе.

тѣмъ, что утвердилъ законъ: поучайся страданіемъ!“¹⁾ Народная поговорка „потерпѣвши, опомнись“ (παθόντα γυνώσκει) вытекаетъ изъ того-же воззрѣнія. Въ суровыя времена древности нравственное чувство человѣка, возмущенное преступленіемъ, примирялось не такъ скоро, какъ въ нашъ легкомысленный вѣкъ. Тотъ, кто оскорбилъ общественную религію или нравственность, поправъ ея законы, не только осквернялъ себя самого, но и то общество, въ которомъ жилъ. Онъ—зараза своего города, своей страны и долженъ очиститься личнымъ страданіемъ, какъ-бы искупающимъ его вину²⁾. Въ дѣйствительность раскаянія безъ этого, такъ сказать, осязательнаго очищенія грекъ не вѣрилъ. Въ кодексѣ его нравственныхъ правилъ библейское „око за око, зубъ за зубъ“ находитъ полную аналогію. Въ „Хоэфорахъ“ читаемъ: „на враждебную рѣчь пусть будетъ отвѣтомъ враждебная рѣчь!—такъ восклицаетъ громкимъ голосомъ Справедливость, воздавая за вину.—За кровавый ударъ пусть платятся кровавымъ ударомъ! Кто сдѣлалъ, терпи!—такъ вѣщаетъ изреченіе сѣдой древности“³⁾. Одна изъ Эвменидъ грозитъ Оресту: „еще живаго иссушивъ тебя, я низведу во адъ, дабы ты, погибнувъ, за убійство матери поплатился соотвѣтствующимъ наказаніемъ“ (ἀντίποινα)⁴⁾. Въ „Агамемнонѣ“ хоръ говоритъ Клитемнестрѣ: „у тебѣ на лицѣ блестятъ капли неотомщенной крови; поэтому ты должна, лишившись друзей, за ударъ понести ударъ“!⁵⁾

Такимъ образомъ наказаніемъ преступника, во-первыхъ, удовлетворяется правосудіе, во-вторыхъ, онъ самъ получаетъ урокъ, долженствующій послужить къ его исправленію.

Но—il n'y a que le premier pas qui coûte, говорятъ францу-

¹⁾ Aesch. Adam. v. 157 sq; 1477. Въ стихѣ 221 той-же трагедіи исполнительницею этого закона является Дика, дочь Зевса (срв. Sept. 619).

²⁾ Срв. Agam. v. 1558, гдѣ Клитемнестра χώρας μίασμα καὶ θεῶν ἐγχεῖσιν. Насколько древне это народное воззрѣніе, видно изъ поэмъ Гомера, въ которыхъ нерѣдки примѣры того, какъ пагубное ослѣпленіе вождя заражаетъ цѣлое войско. См. Buchholz, op. lit. §§ 86—91.

³⁾ Aesch. Cho. v. 295 sq.

⁴⁾ Aesch. Eumen. v. 261 яq.

⁵⁾ Agam. v. 1349 sq.

зы,—и, разъ вступивши на путь грѣха, трудно возвратиться назадъ. „Обыкновенно“, разсуждаетъ хоръ въ „Агамемнонѣ“, „прежня наглость порождаетъ въ испорченныхъ людяхъ новую“¹⁾, и потому, по словамъ Гераклита, повторяющаго, вѣроятно, народное поговорочное изреченіе, „наглость слѣдуетъ гасить старательнѣе, нежели огонь“²⁾. Какъ въ морѣ волна догоняетъ волну, такъ за преступленіемъ слѣдуетъ преступленіе³⁾. Забвеніе мѣры приводитъ насъ на край бездны: стоитъ оступиться,—и уже спасенія нѣтъ. „Легче породить и возрастить человѣка, нежели внушить ему здравыя мысли. Никто еще не ухитрился безумца сдѣлать благоразумнымъ, или негодяя честнымъ. Если-бы потомкамъ Асклепія (Эскулапа) Богъ дозволилъ исцѣлять людей отъ подлости и помраченія ума, то они получали-бы за это большія деньги“⁴⁾. Преступникъ какъ-бы живетъ въ совершенно особой сферѣ представленій: дурное ему кажется хорошимъ и полезное—вреднымъ. Онъ — *ἄφρων*, *κακόφρων*, *ἄβουλος*, *μωρός*, *νήπιος* (всѣ эти слова означаютъ „безумный“, „умоповрежденный“, „глупый“). У него своя логика, и выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ своихъ умозаключеній, съ точки зрѣнія здоровыхъ людей нелѣпы. Осуществляя эти выводы въ дѣйствиіи онъ, самъ того не сознавая, неудержимо стремится къ гибели⁵⁾.

¹⁾ Agam. v. 693 sq.

²⁾ Diog. Laert. IX, 2.

³⁾ Эта метафора очень часто и охотно употребляется трагическими поэтами. Напр. Sept. v. 708: „Море бѣдствій движетъ волну за волною; одна падаетъ, вздымается другая исполинская, разбивающаяся о корму нашего корабля—государства“. Срв. также Prom. 878, Eumen. 795, Suppl. 106; Sophocl. Ai. 344; Eurip. Ion. 927, Hippol. 824.

⁴⁾ Изъ элегій Теогида, лирическаго поэта, старшаго современника Эсхила. Изд. Бергка, 429 sq.

⁵⁾ Не слѣдуетъ думать, что то психопатическое состояніе, въ которомъ по убѣжденію грека долженъ находиться преступникъ, слѣпой и глухой ко всему, что стоитъ въ сторонѣ отъ неотвязно преслѣдующей его умъ идеи, въ древности признавалось способнымъ оправдать вину предъ судомъ общественнаго мнѣнія. Греки не были такъ снисходительны къ своимъ психопатамъ, какъ мы. „Афиняне“, говоритъ Лерсъ,—„какъ то усматривается изъ ораторовъ, даже съ политической точки зрѣнія привыкли считать *ὑβρις* невыносимою и оскорбительною; она діаметрально противоположна духу гражданскаго равенства ихъ демократіи, и тѣ обиды, которыя на судебномъ языкѣ обозначались въ тѣснѣйшемъ смыслѣ

И вотъ, когда исполнится мѣра безумія ослѣпленнаго самомнѣніемъ человѣка, тогда постигаетъ его кара Божества. Божеству неприлично спѣшить. Оно медлитъ нанести рѣшительный ударъ, оно предоставляетъ заблудшему полную возможность возвратиться къ разсудку; но, когда зло уже неисцѣлимо (*καὶ οὐ δύσιστατον*, Aesch. Agam. v. 1103), тогда оно пещадно разитъ. Преступникъ „изъ глубины необоримаго водоворота зоветъ, но его не слушаютъ. Божество смѣется падъ разгорячившимся человѣкомъ, видя, какъ онъ неожиданно бываетъ осилень neodolimымъ бѣдствіемъ и не въ силахъ перешагнуть преграду. На вѣкъ гибнетъ онъ,—безвѣстный, неоплаканный, разбивъ свое счастье объ утесъ Дики (Справедливости)“¹⁾. „Аргосскіе старцы въ „Агамемнонѣ“ поютъ: „благоговѣю передъ великимъ Зевсомъ, охранителемъ святости гостепрѣимства (*ξέμιον*), совершившимъ это (т. е. судъ надъ Троею),—Зевсомъ, долго натягивавшимъ лукъ противъ Александра (Париса), дабы шальная стрѣла не сорвалась раньше времени, или не пролетѣла мимо“²⁾.

Впрочемъ Зевсъ наказываетъ не самъ, не непосредственно: онъ ведетъ свою жертву черезъ цѣпь роковымъ образомъ сплетающихся несчастій къ конечной гибели, выбирая для этого своимъ орудіемъ другихъ людей, которые и возстановляютъ подъ его незримымъ руководствомъ поправное право. Съ особенною опредѣленностью это воззрѣніе народной этики проведено въ Эсхиловой трагедіи „Персы“. Не превосходство греческой военной техники, не храбрость и глубокое

словомъ ὄβρις, какъ-то побой и тому подобныя грубыя оскорбленія дѣйствіемъ, а равно брань или нанесеніе безчестія, вели къ публичному процессу, такъ какъ поруганіе личности разсматривалось какъ поруганіе государства. (Dem. Mid. 13). Замѣчательно,—и на это обращали вниманіе уже древніе ораторы,—что въ законъ περὶ ὄβριως были включены даже рабы“. Lehrs, op. s. cit. p. 59 sq. Срв. Theogn. 401 sq.

¹⁾ Aesch. Eumen. v. 523 sq.

²⁾ Aesch. Agam. v. 331 sq. Удивляюсь, что никто изъ представителей консервативной критики гомеровскихъ пѣсенъ не воспользовался тѣмъ аргументомъ, который даетъ это и другія подобныя мѣста (напр. Cho. 55 sq.), для подтвержденія подлинности девятой книги Иліады и ея совершеннаго согласія съ общимъ планомъ поэмы (противъ Грота и др.).

патріотическое воодушевленіе, не дисциплина войска и удачный выборъ вождей даровали побѣду грекамъ, но *помощь Божества*, оскорбленнаго цѣлымъ рядомъ такихъ дѣйствій Ксеркса, въ которыхъ ясно обнаружилась его ѳрсі. Ксерксъ напр. съ неслыханною дерзостью (*νέφ θάρσει*) осмѣлился „божественныя струи священнаго Геллеспонта“ сковать мостомъ словно узами рабства; будучи смертенъ, онъ замыслилъ—безразсудный!—осилить всѣхъ боговъ и въ томъ числѣ Посейдона, перешагнувъ за опредѣленныя выше его власти границы, а самое главное,—вступивъ въ Элладу, не постыдился жечь и грабить храмы, ниспровергать алтари, оскорблять изображенія боговъ ¹⁾... За это его постигло наказаніе и *орудіемъ своего гнѣва Зевсъ избралъ грековъ*. У ГеродотаThemistocles высказывается о побѣдѣ надъ варварами въ такомъ-же смыслѣ: „это совершили *не мы*“, говоритъ онъ, „а *боги и герои*, которые не допустили, чтобы надъ Азіей и Европой царствовалъ одинъ человекъ, *безбожный и нечестивый*, который не полагалъ различія между святынею и частною собственностью, сожигая и низвергая изображенія боговъ,—который даже море бичевалъ и сковалъ цѣпями!“ ²⁾ Подобнымъ образомъ въ „Агамемнонѣ“ орудіемъ правосудія является Клитемнестра, убивающая своего мужа за дочь. „Что ты не виновна въ этомъ убійствѣ“, говоритъ ей хоръ, „кто осмѣлится утверждать? Ты совершила его, но, быть можетъ, твоимъ помощникомъ былъ духъ—мститель за предковъ“ ³⁾.

¹⁾ Aesch. Pers. vv. 553, 745 sq., 809 sq., 825 sq. по изданію Тейффеля (Aeschylus Perser. Leipzig, 1866), гдѣ см. также введеніе, § 6.

²⁾ Herod. Hist. VIII, 109. Я не раздѣляю мнѣнія Тейффеля, будто-бы это мѣсто написано Геродотомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ драмы Эсхила. Я думаю напротивъ, что трагикъ и историкъ,—каждый по своему,—воспользовались тѣмъ нравственнымъ выводомъ, который былъ сдѣланъ народомъ, пораженнымъ и быстрою и неожиданною перемѣною въ счастье персовъ, и пзумительнымъ успѣхомъ греческаго оружія. Вѣдь этотъ выводъ былъ подъ рукою: колоссальныя силы могущественнѣйшей державы, считавшейся непобѣдимою, были сокрушены горстью людей, воодушевленныхъ любовью къ родинѣ и благоговѣйнымъ страхомъ къ богамъ; какъ это объяснить?—Конечно, помощью свыше. Во всякомъ случаѣ замѣчательно сходство возрѣнія Эсхила и Геродота, этихъ наиболѣе вѣрныхъ народной вѣрѣ и идеаламъ писателей.

³⁾ Aesch. Agam. v. 1422.

Въ „Хоэфорахъ“ Электра побуждаетъ Ореста отплатить матери за умерщвление отца слѣдующими словами: „для дома цѣлительное средство отъ зла—въ томъ, чтобы не другими, не со стороны, но самими членами семьи преслѣдовалась кровавая вражда!—Таковъ гимнъ подземныхъ боговъ“ ¹⁾. И когда Орестъ медлитъ поднять руку на ту, которая дала ему жизнь, Пиладъ напоминаетъ ему объ опредѣленіи Божества: „не предпочитай всякаго врага богамъ!“ ²⁾

Наше смягченное христіанскимъ міросозерцаніемъ нравственное чувство возмущается этимъ мрачнымъ закономъ воздаянія. Намъ трудно войти въ кругъ этическихъ понятій грека, трудно усвоить себѣ ту мораль, которая требовала напр., чтобы за убійство мужа отплатою служила гибель отъ руки сына! ³⁾ Но дѣло становится яснѣе, если вспомнимъ о томъ, что, какъ ни была развита въ греческой религіи и культѣ вѣра въ загробное существованіе, грекъ все же имѣлъ весьма смутныя и неопредѣленныя представленія о мздовоздаяніи по смерти. Какъ разъ тѣ мѣста у поэтовъ, которыя сюда относятся, запечатлѣны характеромъ субъективнаго возрѣнія. Очевидно, каждый изъ нихъ представлялъ себѣ это дѣло по своему ⁴⁾. Правда, въ народѣ издревле ходили басни о подземномъ царствѣ Гадеса и Персефоны, о тартарѣ и элизіи, о Сизифѣ, Салмонеѣ, Танталѣ и Данаидахъ, осужденныхъ на вѣчныя муки за свершенныя на землѣ преступленія, о Радаманѣѣ, Эакѣ и Миносѣ, чинившихъ

¹⁾ Aesch. Cho. 1. 448 sq. Въ этомъ къ сожалѣнію сильно испорченномъ мѣстѣ я принимаю поправки Шютца и Германна.

²⁾ Ibidem. v. 842.

³⁾ Справедливость требуетъ однако замѣтить, что и самъ Орестъ сомнѣвается, не злой-ли духъ въ образѣ Феба толкаетъ его на матероубійство.

⁴⁾ Не выходя за предѣлы разсматриваемаго нами періода, мы можемъ здѣсь указать хотя-бы на своеобразную теорію Плидара о переселеніи душъ. Тотчасъ же по смерти душа человека (*αἰώνος εἰδωλον*, собственно „образъ вѣчности“) нисходитъ въ царство Персефоны, гдѣ и подвергается суду. На девятый годъ (*ἐννάτω ἔτει*, а не на десятый, какъ говоритъ Дронке, о. с. р. III) она возвращается на землю и вселяется снова въ человѣческое тѣло. Побывавъ такимъ образомъ три раза на землѣ и не занятавъ себя тяжкими преступленіями, она наконецъ водворяется въ блаженномъ жилищѣ Крона. Pind. Olymp. II, 56 sq.; Thren. № 2, № 4.

судъ надъ отшедшими изъ міра людьми, но всѣ эти древнія сказанія не были способны совершенно успокоить нравственное чувство человѣка, возмущенное зломъ, „безсилемъ правъ, тирановъ притѣсненемъ, презрѣнныхъ душъ презрѣніемъ къ заслугамъ“ и проч. Наказаніе, отнесенное за предѣлы гроба, для грека было наказаніемъ только въ половину. Онъ былъ слишкомъ привязанъ къ земной жизни, слишкомъ цѣнилъ ея блага и даже въ позднѣйшее время, съ распространеніемъ болѣе очищенныхъ философскихъ и религіозно-мистическихъ понятій, все-таки не могъ отрѣшиться отъ мысли, что подлинная радость—по сю сторону могилы, и что посмертное блаженство не сравнится съ счастьемъ на землѣ. Поэтому благополучіе злодѣя и несчастье праведника представлялось его уму аномаліей, противорѣчіемъ законамъ божескимъ и человѣческимъ. Еслибы мы даже согласились съ мнѣніемъ Дронке, приписывающаго уже Софоклу ¹⁾ то возвышенное возрѣніе, въ силу котораго незаслуженное страданіе человѣка есть божеское поущеніе, есть одно изъ неисповѣдимыхъ дѣйствій божественнаго Промысла, отнюдь не нарушающее однако нравственнаго порядка въ мірѣ,—ибо добродѣтель въ концѣ концовъ всегда награждается, а пороки наказываются,—не въ здѣшней жизни, такъ въ будущей: если-бы мы даже, говорю я, согласились съ этимъ, то никакъ нельзя это убѣжденіе, составляющее личное достояніе поэта, относить къ народной массѣ. Нѣтъ, обыкновенный грекъ скорѣе былъ склоненъ объяснять

¹⁾ Dronke, op. cit. p. 84. Собственно таково ученіе Платона, который впервые совершенно ясно выражаетъ эту мысль, Respubl. X, 613, ст. Впрочемъ нужно замѣтить, что и самъ Платонъ твердо убѣжденъ только въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, *въ безсмертіи души*, которое, какъ извѣстно доказывается имъ въ „Федонѣ“ и „Государствѣ“; во-вторыхъ, *въ мздовоздаѣніи*, т. е. конечномъ торжествѣ добра надъ зломъ (Respubl. X, 615, А, В); что-же касается до общихъ представленій его о посмертномъ состояніи душъ, то онъ не скрываетъ того, что говоритъ объ этихъ темныхъ вещахъ только *предположительно* и въ такихъ случаяхъ по большей части облекаетъ свои идеи въ форму мѣта. Срв. Gorg. p. 523, А; 527, А; Phaedo, 72, А; Resp. 613 sq. Со времени Платона ученіе о загробной жизни, о посмертныхъ наградахъ и наказаніяхъ начинаетъ все болѣе и болѣе занимать философовъ и особенно тщательно разрабатывается въ Александрійскій періодъ.

такое, повидимому, незаслуженное страданіе въ смыслѣ продолженія кары, навлеченной на извѣстный родъ или семью преступленіями предшествовавшихъ поколѣній,—въ смыслѣ отвѣтственности за грѣхи предковъ ¹⁾). Наслѣдственность вины и наказаніе есть одно изъ коренныхъ вѣрованій древнихъ грековъ,—вѣрованій, основывающихся именно на общемъ этическомъ законѣ, что *наказаніе должно вполнѣ соответствовать преступленію* ²⁾): если преступленіе слишкомъ тяжко, если вредъ, причиненный преступникомъ, слишкомъ великъ, то однимъ его личнымъ страданіемъ не можетъ удовлетвориться правосудіе,—оно требуетъ, чтобы и область возмездія была такъ-же широка, какъ и область причиненнаго вреда, и потому подвергаетъ отвѣтственности цѣлый рядъ поколѣній, пока мѣсть грѣхъ не будетъ смыта этою непрерывною цѣпью страданій.

Впрочемъ, прежде чѣмъ разбирать вопросъ о наследственности вины и родовомъ проклятіи, слѣдуетъ отмѣтить еще одну немаловажную черту греческой народной этики.

Выше я мимоходомъ упомянулъ, что по возрѣнію грековъ чрезмѣрное благополучіе опасно для человѣка и что за быстрымъ успѣхомъ и неожиданнымъ возвышеніемъ обыкновенно слѣдуетъ столь-же быстрое и неожиданное паденіе. Эсхиль въ „Агамемнонѣ“ прямо заявляетъ, что такъ въ его время думало большинство: „съ давнихъ поръ“, говорится въ названной трагедіи, „между людьми ходитъ старинное изреченіе, что великое счастье оставляетъ по себѣ дѣтей и никогда не умираетъ бездѣтнымъ, но что отъ удачъ рождается для дома ненасытимое бѣдствіе“ ³⁾). Сообразно своимъ болѣе чистымъ и высокимъ этическимъ представленіямъ поэтъ поправляетъ это убѣжденіе толпы, но намъ нѣтъ дѣла до его субъективнаго мнѣнія, и мы остановимъ свое вниманіе на приведенныхъ строкахъ. Почему земное счастье такъ быстротеч-

¹⁾ Срв. съ этимъ возрѣніе іудеевъ, вопрошавшихъ Христа о слѣнорожденномъ: „Равви! кто согрѣшилъ,—онъ или родители его, что родился слѣпымъ?“ Иоан. IX, 2.

²⁾ Aesch. Pers. v. 775; Agam. v. 1440.

³⁾ Agam. v. 688 sq.

но? Почему оно должно искупаться тяжелою цѣною непрерывныхъ страданій и бѣдъ? Въ древнѣйшую пору наивная мысль грека, ничего не знавшаго о дуализмѣ въ религіи и видѣвшаго въ своихъ богахъ пеструю смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ, объясняла это *завистью* или, лучше сказать, *ревностью Божества*. Божество, думалось греку, можетъ опасаться, что упоенный своими успѣхами человѣкъ скоро зазнается, станетъ черезчуръ полагаться на собственные силы и забудетъ воздавать ему подобающія почести ¹⁾. Отсюда вытекаетъ у Гомера требованіе, чтобы ничто не предпринималось *ἀέκρητι θεῶν*, т. е. съ безразсудною самоувѣренностью, безъ смиреннаго упованія на помощь и поддержку свыше, ибо исходъ всякаго человѣческаго дѣла не во власти людей, но зависитъ отъ произволенія боговъ ²⁾. Геродотъ въ самомъ началѣ своей исторіи замѣчаетъ, что его разсмотрѣнію будутъ подлежать не только большія, но и малыя государства, потому что со временемъ малыя становятся большими, а большія—малыми ³⁾. Нравственный выводъ изъ этого наблюденія у него формулируется такъ: „ἐν τῷ ἐπισχεῖν ἔνεστι ἄγαθα ⁴⁾“, т. е. „въ воздержаніи заключаются блага“, ибо „Божество завистливо и смутительнѣе“: давая людямъ вкушать отъ радостей жизни, оно скоро отнимаетъ у нихъ эти радости ⁵⁾. Пиндаръ въ одной изъ своихъ одъ взываетъ: „О, высочайшій, широковластный царь Олимпіи, отче Зевсѣ,—не позавидууй моимъ рѣчамъ!“ ⁶⁾ Подобнымъ образомъ Агамемнонъ (въ драмѣ Эсхила), соглашаясь наконецъ послѣ неотступныхъ просьбъ жены на торжественное вступленіе во дворецъ, ограждаетъ себя отъ дурныхъ послѣдствій такого поступка словами: „да не обратитъ-же на меня свыше *завистливый* взоръ свой кто-либо изъ боговъ!“ ⁷⁾ Замѣчательно, что это,—

¹⁾ Schol. ad Aesch. Prom. v. 120.

²⁾ θεῶν ἐν γούνοισι. Срв. Buchholz, op. cit. § 143.

³⁾ Herod. Hist. I, 5.

⁴⁾ Ibid. VII, 10.

⁵⁾ Ibid. I, 32, VII, 46.

⁶⁾ Pind. Olymp. XIII, 34.

⁷⁾ Aesch. Agam. v. 874 sq.

нужно признаться,—довольно грубое вѣрованіе уживалось въ народѣ весьма долго на ряду съ болѣе просвѣтленными и возвышенными нравственно-религіозными представленіями, и философамъ не разъ приходилось съ нимъ бороться. Платонъ, Аристотель, Плутархъ и др. неоднократно высказываются въ томъ смыслѣ, что Божество—благо и, какъ такое, чуждо зависти, что поэты лгутъ, приписывая ему это качество, и что, если-бы оно было дѣйствительно свойственно божественной сущности, то всѣ необыкновенные люди должны-бы были быть несчастливы ¹⁾).

Какъ-бы то ни было, выходитъ, что съ точки зрѣнія зауряднаго грека всякое, повидимому, незаслуженно постигающее человѣка зло могло объясняться двоякимъ образомъ: либо виною предковъ, либо завистью боговъ. Впослѣдствіи эта зависть, φθόνος, была олицетворена и, какъ самостоятельное Божество, включена въ разрядъ нисшихъ геніевъ зла, каковы на примѣръ были помянутыя выше Безстыдство и Наглость и какова была также Ата, о которой сейчасъ поведемъ особую рѣчь.

Ата—вѣрная союзница Эринній и вмѣстѣ съ сими послѣдними имѣетъ свое пребываніе въ мрачномъ жилищѣ тѣней ²⁾). Какъ орудіе праведнаго гнѣва боговъ, она воплощаетъ въ себѣ то гибельное помраченіе ума, подѣ влияніемъ котораго человѣкъ, разъ нарушивъ законъ религіи и нравственности, все болѣе и болѣе запутывается въ преступленіяхъ. Уже Гомеръ приписываетъ ей это значеніе ³⁾; у трагиковъ она имѣетъ его почти постоянно. „Горы труповъ“, вѣщаетъ напр. духъ Дарія въ Эсхиловой трагедіи „Персы“, „безъ словъ будутъ свидѣтельствовать предъ очами людей даже до третья-

¹⁾ Plat. Phaedr. p. 247, A; Tim. 29, E. Aristot. Metaph. p. 8, 20. Brand. Plut. de malignitate Herod. p. 858. Цитирую по Лерсу, о. 1., гдѣ см. подробный трактатъ о зависти боговъ, p. 35—50.

²⁾ У поэтовъ упоминаются „роща Эринній“ (ἄλσος Ἐρινυῶν) и „лугъ Аты“ (Ἄτης λαίμων). Последнее выраженіе со времени Эмпедокла стало обозначать землю, какъ юдоль плача и скорбей. См. у Лерса статью „Ате“, op. 1. p. 224—230.

³⁾ Срв. Buchholz, о. с. § 108, гдѣ впрочемъ число приводимыхъ авторомъ доказательныхъ мѣстъ можно было-бы увеличить ссылкой на Od. 15, 233 sq.

го поколѣнія, что не должно слишкомъ возноситься, будучи смертнымъ; ибо *цвѣтъ высокомерія приноситъ плоды Аты, сулящія плачевную жатву*" ¹⁾). Хоэфоры поютъ: „мучительница Ата терзаетъ виновнаго до тѣхъ поръ, пока не исполнится мѣра его ослѣпленія“ (*χόσου*) ²⁾). Въ смѣлыхъ и грандіозныхъ поэтическихъ образахъ очерчиваетъ знаменитый пародосъ ³⁾ „Агамемнона“ это губительно воздѣйствіе страшной демонической силы. Агамемнонь убилъ на охотѣ лань, посвященную Артемидѣ, и вину свою усугубилъ горделивою похвалбою, воскликнувъ: „сама богиня не могла бы лучше сразить быстроногаго звѣря!“ И вотъ за это *первое проявленіе высокомерія* (*παρακοτὰ πρωτόπῆμων*) его тотчасъ-же постигаетъ кара: лишь только выступилъ онъ съ войскомъ въ походъ противъ Трои, какъ разгнѣванная Артемида подняла на морѣ непогоду, мѣшавшую грекамъ двинуться впередъ, и войны должны были поневолѣ въ бездѣйствіи сидѣть на берегу и ждать переменъ вѣтра. Тогда вѣщій Калхантъ, жрецъ и прорицатель, возвѣстилъ народу: „со временемъ падетъ городъ Пріама, и Мойра предастъ въ руки ахейской рати его сокровища, *лишь бы только ниспосланная богами Ата вновь не ослѣпила великаго укротителя Трои*“ ⁴⁾, уже и прежде ею пораженнаго; ибо гнѣвная богиня требуетъ себѣ страшной жертвы,—требуется смерти Агамемноновой дочери Ифигеніи“. Эти слова гадателя значили: настаивая на невозможной жертвѣ, богиня хочетъ и самый походъ сдѣлать невозможнымъ ⁵⁾,—и такъ-бы долженъ былъ понять ихъ вождь Ахейцевъ, если-бы разсудокъ его уже не былъ помраченъ. Но для спасенія дочери ему не хочется от-

¹⁾ Pers. v. 780 sq.

²⁾ Cho. v. 60 sq.

³⁾ Т. е. вступительный хоръ, vv. 101—226.

⁴⁾ Въ подлинникѣ сказано: „великую узду Трои“, т. е. греческое войско; такимъ образомъ это мѣсто, на разные лады искажаемое учеными, думающими его поправить, служитъ подтвержденіемъ того, что у меня сказано на 32 страницѣ, т. е. что ослѣпленіе военачальника отражается и на всемъ войскѣ.

⁵⁾ Такъ объясняетъ дѣло Веклейнъ у Бурсиана (Jabresb.), въ своей рецензій на книжку Кольбенбергера „Die Sage vom Zorne der Artemis gegen Agamemnon“, Progr. Bielitz, 1878.

казаться отъ своихъ честолюбивыхъ плановъ, и, послѣ долгихъ колебаній, оправдывая себя мыслью, что дѣйствуетъ во имя общаго блага, онъ рѣшается на кровавое дѣло. „Такимъ образомъ“, поетъ хоръ аргосскихъ старцевъ, „онъ надѣлъ на себя ярмо необходимости и, одушевленный новымъ, ужаснымъ, незаконнымъ побужденіемъ, готовъ былъ на все отважиться: вѣдь смертнымъ придаетъ смѣлость злополучное безуміе,—это начало всѣхъ золъ,—внушающее имъ постыдныя совѣты“¹⁾.

Лерсъ показалъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи объ этомъ предметѣ, что семасіологически слово *ἄτη* прошло чрезъ тотъ же путь, что и слова *ἔρως* (желаніе—любовь), *κακότης* (подлость—трусость), *μόρος* (участь—смерть) и т. п. Этотъ путь—постепенное ограниченіе первоначальной сферы представленій, соединяемыхъ съ звуковымъ комплексомъ слова,—другими словами, переходъ къ обозначенію вида названіемъ рода. Такъ *ἄτη* первоначально значило „несчастіе“, потомъ въ частности—несчастье, обусловливаемое внутренними, психологическими причинами, „Geistesunglück“. „Несчастьемъ, злополучіемъ, пагубою (*ἄτη*), говоритъ Лерсъ, „грекъ называлъ всякое несвободное состояніе духа, когда все то, что составляетъ сущность духовнаго естества,—свободное движеніе, размышленіе, рѣшеніе,—связано и подавлено“²⁾. Такое подавленное, угнетенное состояніе духа сказывается прежде всего *въ заблужденіи ума, въ превратномъ образѣ мыслей*.—и это первый моментъ возобладавшаго надъ человѣкомъ „несчастія“ (*Аты*); ближайшее слѣдующее его проявленіе—*безразсудный, опрометчивый поступокъ*, за которымъ наконецъ слѣдуетъ третій и послѣдній моментъ,—*пагубный результатъ* обнаружившагося въ дѣйствиіи безумія³⁾.

Естественно рождается вопросъ: если подъ вліяніемъ *Аты*

¹⁾ Agam. v. 193.

²⁾ „Unglück, Unseligkeit, Unsal, *ἄτη*, nannte der Grieche jeden Zustand des Geistes, da der Geist, was seines Wesens ist, in freier Bewegung, Unsicht, Entschluss gehemmt ist, jeden unfreien Geisteszustand“. Op. cit. p. 223.

³⁾ Ibid. p. 225.

человѣкъ „подчиняется игу роковой необходимости“ ¹⁾, то приче́мъ тутъ его свободная воля? Признавалъ-ли грекъ за человѣкомъ *свободу воли*, или же цѣликомъ отдавалъ его во власть частью благихъ, частью враждебныхъ незримыхъ силъ, по собственному произволенію „ткущихъ его судьбу?“ ²⁾

Вопросъ этотъ представляетъ весьма сложную и трудную проблему, рѣшеніемъ которой мы займемся въ слѣдующей статьѣ. Намъ понадобится для этого войти въ болѣе внимательное и подробное разсмотрѣніе такъ называемой „идеи неумолимой судьбы“, проникающей, какъ обыкновенно принято думать, *всѣ* произведенія греческихъ трагиковъ, и опредѣлить, въ какомъ отношеніи стоятъ воззрѣнія этихъ послѣднихъ одно къ другому и къ воззрѣніямъ народной массы. Быть можетъ, намъ удастся показать, что эти воззрѣнія не были до такой степени мрачны и безнадежны, какъ утверждаютъ нѣкоторые, или, лучше сказать, что въ народныхъ вѣрованіяхъ и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, существовало нѣсколько параллельныхъ теченій и рядомъ съ болѣе грубыми и мрачными представленіями страннымъ образомъ уживались представленія болѣе свѣтлыя и очищенные.

А. Деревницкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Срв. только что цитованный хоръ изъ „Агамемнона“: ἀνάγκας ἔδου λέπαθον.

²⁾ См. напр. Plat. legg. p. 960, с. Срв. также Anthologia Palat. VII, 14.

М. Т. ЦИЦЕРОНА

„ТУСКУЛАНСКІЯ БЕСѢДЫ“ КЪ М. БРУТУ

(кн. 1-я).

О БЕЗБОЯЗНЕННОСТИ ПЕРЕДЪ СМЕРТІЮ.

I. Всякій разъ какъ совсѣмъ или въ значительной степени я видѣлъ себя освобожденнымъ отъ усиленныхъ занятій въ качествѣ ходатая передъ судомъ и отъ обязанностей сенаторскаго званія,—я, поощряемый тобою, Брутъ, снова обращался къ тѣмъ занятіямъ, которыхъ я никогда не покидалъ въ своей душѣ, а только жертвовалъ ими для обстоятельствъ времени; теперь, послѣ долгаго перерыва, я снова чувствую себя призваннымъ къ этому дѣлу; и такъ какъ выборъ и усвоеніе всѣхъ познаній, ведущихъ къ отысканію пути въ жизни, условливаются любовью къ мудрости, которую называютъ философіей, то я почелъ своимъ долгомъ освѣтить этотъ вопросъ въ латинской письменности. Это дѣлаю я не потому, что философія въ греческомъ изложеніи и у греческихъ учителей не можетъ быть усвоена, но потому, что всегдашнимъ моимъ убѣжденіемъ была мысль, что наши соотечественники или сдѣлали во всѣхъ отношеніяхъ открытія болѣе плодотворныя, чѣмъ греки, независимо отъ нихъ, или воспринятое отъ послѣднихъ улучшили настолько, насколько именно считали пристойнымъ приложить къ этому дѣлу свои усилія. Ибо нравы и порядки жизни, равно какъ семейныя и имущественныя отношенія, мы охраняемъ въ

жизни съ большею заботливостію и расчетливостію, *чѣмъ другіе*, а быть государственный, какъ всѣмъ извѣстно, наши предки ввели въ надлежащую колею посредствомъ постепенно улучшаемыхъ учрежденій и законовъ. Говорить-ли о военномъ дѣлѣ, въ которомъ наши соотичи какъ въ отношеніи мужественности, такъ еще болѣе относительно своей пригодности къ военному образованію обнаружили полновѣсныя силы? Даже равнаго тому, что приобрѣтено ими по природной склонности, а не по силѣ познавательныхъ стремленій, нельзя найти ни въ Греціи, ни у другаго какаго-либо народа. Ибо эта степенность, это великое постоянство, величіе души, честность, вѣрность, такая выдающаяся дѣльность въ какомъ-бы то ни было отношеніи.—у кого они существовали настолько, чтобы наши предки могли имѣть соперниковъ въ этомъ отношеніи? Въ наукѣ и во всякомъ родѣ письменности Греція всегда стояла выше насъ, да и не трудно въ этомъ дѣлѣ стоять впереди, когда нѣтъ оспаривающихъ первенство. Такъ какъ у грековъ начало образованности положено поэтами въ глубокой древности, если точно Гомеръ и Гезіодъ жили до основанія Рима, а Архилохъ ¹⁾ въ царствованіе Ромула, то искусство поэтическое, очевидно, явилось у насъ позднѣе. Почти спустя пятьсотъ десять лѣтъ по основаніи Рима, въ консульство Кая Клавдія, сына К. Слѣпаго и Марка Тудитана, за годъ до рожденія Эннія, Ливій ²⁾ издалъ первое свое произведеніе, а Ливій былъ предшественникомъ Плавта и Нэвія ³⁾.

II. Итакъ, поэты у насъ появились—или были признаны—

¹⁾ Геродотъ II, 53 вѣкъ Гомера и Гезіода ставитъ на 400 лѣтъ раньше своего времени, такимъ образомъ относитъ его ко времени за 850 лѣтъ до Р. Хр.—*Архилохъ* изъ Пароса—первый изъ греческихъ составителей ямбовъ.

²⁾ Ливій Андроникъ, образованный грекъ, увезенный въ Римъ какъ военнопленный при первомъ завоеваніи Тарента въ 272 г. до Р. Хр., былъ впоследствии отпущенъ на волю М. Л. Саллиаторомъ, дѣтей котораго онъ воспитывалъ; онъ далъ первый толчекъ къ пробужденію римской письменности въ строгомъ смыслѣ этого слова, составивши, подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ, нѣскольکو трагедій и комедій. Энній—римскій поэтъ, 239—169 до Р. Хр.

³⁾ Плавтъ, римскій поэтъ, род. 227 г. до Р. Хр., ум. 184 г.—Нэвій, писатель комедій, род. приблизительно 273—263 г., ум. 203 г. до Р. Хр.

позднѣе. Хотя въ „первоначальной исторіи“ (Origines ¹⁾) Рима упомянуто, что на торжественныхъ обѣдахъ въ честь гостей сотрапезники по обычаю пѣли подъ звуки флейты о доблестяхъ славныхъ мужей, однако то обстоятельство, что не былъ въ чести этотъ родъ поэзіи, уясняется изъ рѣчи Катона, въ которой онъ, какъ за постыдное, упрекаетъ Марка Нобилиора ²⁾ за то, что онъ увелъ поэтовъ съ собою въ провинцію. Этотъ консулъ взялъ съ собою въ Этолію, какъ извѣстно, Эннія. Чѣмъ менѣе почета доставалось поэтамъ, тѣмъ слабѣе были плоды ихъ дѣятельности; и при всемъ томъ, тѣ, которые въ этой области выступили съ большими дарованіями, не слабо соперничаютъ со славными греками. Можно-ли допустить, что не оказались-бы и у насъ во множествѣ Поликлиты и Парразіи ³⁾, если-бы для славы такого почтеннаго человѣка, какъ Фабій ⁴⁾, вносило что-нибудь занятіе живописью? Почетъ питаетъ искусства, и славою всѣ вдохновляются при научныхъ стремленіяхъ; напротивъ то всегда у всѣхъ народовъ въ упадкѣ, что у нихъ не поощряется, какъ честное. Высшею ступенью образованности греки считали музыку и пѣніе: поэтому и Эпаминондъ, котораго я признаю первымъ государственнымъ мужемъ Греціи, отличался умѣньемъ играть на струнахъ, иThemistocle ⁵⁾, за много лѣтъ предъ тѣмъ, когда на званомъ обѣдѣ отказался играть на лирѣ, считался не очень образованнымъ. Вотъ отчего искусство звуковъ раскрылось въ Греціи пышнымъ цвѣтомъ; его всѣ изучали, и не знавшій его не считался воспитаннымъ въ достаточной степени образованіемъ. Въ ряду предметовъ образованія самое высшее мѣсто занимала геометрія; оттого математики были окружены наибольш-

¹⁾ Такъ называется историческое сочиненіе Катона Старшаго.

²⁾ Консулъ въ 189 г. до Р. Хр.

³⁾ Парразій, изъ Эфеса, живописецъ, процвѣталъ около 400 г. до Р. Хр.; Поликлитъ, изъ Аргоса, ваятель, около 424 года.

⁴⁾ П. Фабій, дѣдъ историка этого имени, въ 302 году расписалъ живописью храмъ, посвященный богинѣ „Salus“, и добылъ тѣмъ, первоначально данное въ шутку, прозвище „Pictor“, которое затѣмъ утвердилось за его фамиліей.

⁵⁾ Многіе годы здѣсь нужно толковать, какъ цѣлое столѣтіе. Ибо смерть Themistocle послѣдовала въ 465 г. до Р. Хр., а Эпаминонда въ 362 г.

шимъ почетомъ. Мы же объемъ этой науки ограничили по степени пользы отъ измѣреній и вычисленій.

III. Напротивъ ораторское искусство приняли мы близко къ сердцу; бывшее сначала грубоватымъ, хотя и умѣвнее высказываться полно, оно послѣ является утонченно выработаннымъ. Преданіе сохранило намъ имена Гальбы, *Сципіона Африканскаго*, Лелія ¹⁾, какъ владѣвшихъ философскимъ образованіемъ; а о Катонѣ, который упредилъ ихъ лѣтами, извѣстно, что онъ съ любовью искалъ его; впоследствии являются Лепидъ, Карбонъ ²⁾, Гракхи, отъ которыхъ затѣмъ идутъ столь много ораторовъ вплоть до нашего поколѣнія, что въ немногомъ мы можемъ уступить предъ греками, а то и совсѣмъ ни въ чемъ.

Философія была въ упадкѣ до ближайшаго къ намъ времени, и въ латинской письменности оставалась совсѣмъ въ тѣни: вывести ее на свѣтъ и споспѣшествовать въ занятіи ею считаю я своимъ призваніемъ; потому что, если я общественно-открытою дѣятельностію оказывалъ нѣкоторыя услуги своимъ согражданамъ, то желалъ-бы въ границахъ возможности стоять на стражѣ за ихъ благо и во время досуга *отъ общественно-государственныхъ дѣлъ*: И въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе я долженъ показать труда, что уже много существуетъ, какъ говорятъ, латинскихъ книгъ, изданныхъ безъ строгой обдуманности, хотя и отъ благонамѣренныхъ людей, но не вполне освобожденныхъ образованіемъ отъ природной дикости. Бываетъ и то, что иной правильно мыслить, да высказать, что думаетъ, гладко и точно не можетъ; но свои размышленія поручать письмени, когда кто ни расположить ихъ въ порядкѣ, ни представить въ надлежащемъ свѣтѣ, ни привлечь читателя въ приличной долѣ занимательною пріятностію изложенія не можетъ,—свойственно только тому, кто пользуется перасчетливо и безъ пользы и досугомъ своимъ

¹⁾ Гальба—разумѣется Сервій Сульпицій, консулъ въ 144 г. до Р. Хр.—Сципіонъ Африканскій,—Публий Корнелій—Міно; ум. 129 г.—К. Лелій, за свою преданность философіи прозванный Мудрымъ, почитатель и другъ Сципіона.

²⁾ Лепидъ—Маркъ Эмилий, консулъ въ 137 г. до Р. Хр.; Г. Палирій Карбонъ—консулъ въ 120 г.

и знапіями. Оттого и происходитъ, что такіе люди читають свои книги только сами со своими приверженцами, и никто не дотронется до нихъ кромѣ тѣхъ, которые желаютъ для себя такой-же уступки касательно вольности изложенія. Поэтому, предполагая, что я привнесъ кое-что своею, никогда меня не покидавшею, дѣятельностію для требованій краснорѣчія, я тѣмъ съ большимъ рвеніемъ рѣшился припасть къ главнымъ источникамъ философіи, изъ которой истекала и та, прежняя моя дѣятельность.

IV. Но какъ Аристотель, этотъ проніцательный и многообъемлющій умъ, умѣстившій въ себѣ обширныя знанія, подстрекаемый славою учителя краснорѣчія Исократы, задумалъ и самъ руководить юношей въ усвоеніи искусной рѣчи, и связать такимъ образомъ умственное созерцаніе съ искуснымъ выраженіемъ его въ словѣ, такъ и я, не откладывая въ сторону своего любимаго дѣла—обученія краснорѣчію, рѣшился сдѣлать попытку въ этой высокоцѣнной и богатой отрасли знаній. Ибо я считалъ всегда совершенною ту философію, которая о важныхъ вопросахъ въ состояніи говорить обстоятельно и красиво: этому дѣлу я отдавалъ всегда столько ревностнаго труда и любви, что уже теперь по обычаю грековъ осмѣливаюсь устраивать чтенія; такъ на примѣръ недавно, послѣ твоего отбытія, въ Тускулумѣ, въ присутствіи очень многихъ изъ моихъ близкихъ, я сдѣлалъ опытъ, насколько я силенъ въ этой наукѣ. Ибо какъ прежде я своимъ краснорѣчіемъ старался выигрывать тяжбы, и никто не могъ дольше затягивать пренія, чѣмъ я, такъ теперь въ старости я замышляю такія-же длинныя рѣчи. Обыкновенно я предлагалъ установить предметъ, о которомъ каждый слышать желаетъ; послѣ чего спокойно раскрывалъ рядъ мыслей на этотъ счетъ, сидя, или *стоя* и двигаясь.

Такимъ образомъ содержаніе нашихъ любознательныхъ изслѣдованій въ часы досуга, наши пятидневныя „*ученые споры*“, какъ говорятъ греки, я занесъ и распредѣлилъ въ порядкѣ во столько-же книгъ. Вѣдь дѣло происходило такъ: когда кто-либо, расположенный выслушивать мои рѣчи, высказывалъ и свое, лично ему принадлежащее мнѣніе,—я обыч-

но выступалъ противъ него съ возраженіемъ. Ты знаешь, что это старинный и сократовскій способъ разъясненія предмета, когда изслѣдованіе движется, исходя изъ мнѣнія противника: ибо Сократъ сознавалъ, что такимъ способомъ всего легче можно дойти до того, что похоже на истину всего болѣе. И дабы выставить наши бесѣды въ наглядной ясности, я передамъ ихъ такъ, чтобы у читателей составилось убѣжденіе, что онѣ и происходили не иначе, какъ я рассказываю. Послѣ этого предисловія можно приступить и къ дѣлу.

Учитель. Я нахожу, что смерть есть зло.

Учитель. Для тѣхъ-ли, которые умерли, или для тѣхъ, которымъ предстоитъ умереть?

Слушатель. Для тѣхъ и другихъ.

Учитель. Поелику смерть есть зло, то она есть и несчастіе.

Слушатель. Несомнѣнно.

Учитель. Такимъ образомъ и тѣ, которымъ уже выпалъ жребій умереть, и тѣ, которымъ готовится онъ, несчастны.

Слушатель. По моему мнѣнію, да.

Учитель. Итакъ нѣтъ ни одного человѣка, который не былъ-бы несчастенъ.

Слушатель. Совершенно ни одного.

Учитель. И притомъ, если ты желаешь быть въ согласіи съ самимъ собою, то всѣ тѣ люди, которые родились или родятся, несчастны, — всегда и всѣ. Вѣдь если-бы ты сталъ называть однихъ тѣхъ несчастными, которымъ предстоитъ умереть, не исключая, конечно, никого изъ тѣхъ, которые живутъ, ибо умереть неизбѣжно для всѣхъ: то все-таки былъ-бы конецъ несчастія въ смерти. Но поелику даже и умершіе несчастны, то мы раждаемся на вѣковѣчное несчастіе; вѣдь, естественно, должны быть несчастны и тѣ, которые исчезли съ лица земли за сто тысячъ лѣтъ назадъ, или лучше, всѣ тѣ, которые только были рождены.

Слушатель. Я держусь такого именно мнѣнія.

Учитель. Скажи, прошу тебя, неужели тебя приводитъ въ ужасъ вотъ это—трехголовый Церберъ въ подземномъ царствѣ, шумъ Коцита, переправа черезъ Ахеронъ? Образъ Тантала, подбородкомъ касающагося до верхняго края воды и

все-таки чуть не умирающаго отъ *неудовлетворенной* жажды, или то, что—

Потомъ облитый отъ тяжкихъ усилій,
Скалу вверхъ катить Сизифъ, впередъ не дѣлая шагу;

можетъ быть, устрашаютъ тебя также неумолимые судьбы, Мниось и Радамантъ, предъ которыми тебя не защититъ ни Л. Крассъ, ни М. Антоній, и то, что ты не можешь привлечь къ *своему* дѣлу въ качествѣ ходатая даже и Демосѣена, хотя дѣло это разбирается у греческихъ судей: защиту своего дѣла въ многочисленномъ кругу слушателей тебѣ придется вести самому. Всего этого ты, быть можетъ, боишься, и на этомъ основаніи полагаешь, что смерть есть вѣковѣчное зло.

VI. Слушатель. Думаешь-ли ты, что я настолько неразумителенъ, что могу вѣрить этому?

Учитель. Такъ ты не вѣришь?

Слушатель. Да, нимало не вѣрю.

Учитель. По истинѣ, плохой отвѣтъ даешь ты на мой вопросъ.

Слушатель. Почему? я спрошу.

Учитель. Потому что я могъ-бы быть краснорѣчивымъ, если-бы сталъ говорить объ этомъ предметѣ.

Слушатель. Да и кто не былъ-бы краснорѣчивымъ въ такомъ дѣлѣ? и много-ли труда нужно для того, чтобы опровергнуть вымыслы поэтовъ и живописцевъ?

Учитель. Но вѣдь существуютъ цѣлыя книги, въ которыхъ подробное обсужденіе этого предмета предлагаютъ философы.

Слушатель. Напрасный трудъ. Ибо кто столь безразсуденъ, чтобы всѣ эти вещи могли приводить его въ волненіе?

Учитель. Такъ если въ подземномъ царствѣ нѣтъ несчастныхъ, то, значитъ, тамъ даже и совсѣмъ нѣтъ никого.

Слушатель. Я держусь именно такого мнѣнія.

Учитель. Гдѣ же послѣ этого тѣ, которыхъ ты называешь несчастными, или въ какомъ мѣстѣ они обитаютъ? Вѣдь если они существуютъ, они не могутъ не занимать какого-либо мѣста.

Слушатель. А я вотъ думаю, что ихъ нигдѣ нѣтъ.

Учитель. Такъ они будто-бы даже и не существуютъ?

Слушатель. Слѣдуетъ изъ твоихъ словъ такъ; и все-таки они несчастны потому именно, что не существуютъ.

Учитель. Послѣ этого, я предпочелъ-бы видѣть тебя боящимся Цербера, чѣмъ выслушивать отъ тебя такія необдуманныя рѣчи.

Слушатель. Какія именно?

Учитель. О комъ ты утверждаешь, что онъ не существуетъ, о томъ-же ты проговариваешься, что онъ существуетъ. Гдѣ твой разумъ? Вѣдь утверждая, что *умершій* несчастенъ, ты тѣмъ высказываешь, что существуетъ тотъ, который по твоему мнѣнію не существуетъ.

Слушатель. Я не такъ малосмысленъ, чтобы утверждать это.

Учитель. Такъ что-же ты говоришь?

Слушатель. Я говорю, что несчастенъ, напримѣръ, М. Крассъ, который со смертію пересталъ пользоваться столь великими дарами счастья; несчастенъ Кн. Помпей, который удаленъ былъ смертію отъ такой великой славы, и наконецъ всѣ тѣ несчастны, которые лишены свѣта этой жизни.

Учитель. Ты возвращаешься къ тому же *непоследовательному утвержденію*: вѣдь *умершіе* естественно должны существовать, если они несчастны; а ты только что утверждалъ, что тѣ, которые умерли, не существуютъ. Отсюда, если они не существуютъ, то не могутъ быть чѣмъ-либо; слѣдовательно даже и не несчастны.

Слушатель. Быть можетъ, я не выражаю всего того, что думаю: я вѣдь считаю самымъ тяжкимъ несчастіемъ не существовать, послѣ того какъ существовалъ.

Учитель. Какъ? это—большее несчастіе, чѣмъ совершенно никогда не существовать? Такимъ образомъ тѣ, которые еще не рождены, уже несчастны, потому что не существуютъ, и мы, если послѣ смерти намъ придется быть несчастными, были несчастны прежде, чѣмъ родились. Что касается меня, я совсѣмъ не помню, чтобы прежде рожденія былъ несчастенъ; если ты обладаешь лучшею памятью, скажи—я желаю это знать,—не припоминаешь-ли ты чего-либо о себѣ?

VII. *Слушатель.* Ты шутишь, представляя дѣло такъ, какъ будто-бы я называлъ несчастными тѣхъ, которые не рождены, а не тѣхъ, которые умерли.

Учитель. Итакъ, они суть несчастны?

Слушатель. Даже болѣе, они несчастны потому именно, что не существуютъ, послѣ того какъ существовали.

Учитель. Развѣ ты не усматриваешь, что въ твоихъ словахъ заключается противорѣчiе? Ибо гдѣ столько внутренняго противорѣчiя, какъ не въ мысли, что человекъ, который не существуетъ, можетъ быть несчастнымъ? Развѣ ты, когда за Капенскими воротами ¹⁾ смотришь на гробницы Калатина ²⁾, Сципіоновъ, Сервиліевъ, Метелловъ, думаешь, что эти мужи *суть* несчастны?

Слушатель. Такъ какъ ты этимъ словомъ „суть“ приводишь меня въ затруднительное положеніе, то послѣ этого я не буду говорить, что они суть несчастны, а только, что они несчастны потому именно, что не существуютъ.

Учитель. Итакъ ты не говоришь: Маркъ Крассъ есть несчастень, а только: несчастный М. Крассъ.

Слушатель. Именно такъ.

Учитель. Какъ будто не необходимо, чтобы то, относительно чего ты дѣлаешь такое утвержденіе, или существовало или не существовало. Или ты съ логикой совсѣмъ не знакомъ? Вѣдь въ самомъ началѣ ея читается: „всякое положеніе“,—мнѣ пришло на мысль такъ передать теперь греческое слово: *ἀξίωμα*, воспользуюсь послѣ инымъ выраженіемъ, если отыщу лучшее,—„потому именно есть положеніе, что утверждаетъ что-либо или отрицаетъ“. Итакъ, когда ты говоришь: „несчастный М. Крассъ“, то ты говоришь или это: „Маркъ Крассъ несчастень“, чтобы можно было судить, есть ли здѣсь утвержденіе или отрицаніе,—или совсѣмъ ничего не говоришь.

Слушатель. Ну, я уже соглашаюсь, что не суть несчастны

¹⁾ Porta Capena, теперь Porta di S. Sebastiano, вели на Via Appia, по сторонамъ которой находились усыпальницы знатнѣйшихъ римскихъ фамилій.

²⁾ А. Атилій Калатинъ, консулъ въ 258 и 253 г. до Рожд. Хр.

тѣ, которые умерли, такъ какъ ты вынудилъ меня къ признанію, что не могутъ быть даже и несчастными тѣ, о которыхъ вообще допускается предположеніе, что они не существуютъ. Что-же сказать теперь о насъ, живущихъ, которымъ предстоитъ умереть,—развѣ мы не несчастны? ибо какая можетъ быть пріятность въ жизни, когда днемъ и ночью должно размышлять о томъ, что вотъ сейчасъ намъ придется умереть?

VIII. *Учитель.* Не понимаешь-ли теперь, сколько зла ты отвергъ своимъ признаніемъ въ условіяхъ человѣческаго существованія?

Слушатель. Какимъ образомъ?

Учитель. Вѣдь если-бы быть умершимъ было несчастіемъ даже и для умершихъ, наше существованіе было-бы какимъ то безконечнымъ и всегдашнимъ несчастіемъ; теперь-же я вижу предѣлъ (*въ виду того, до чего мы дошли въ нашей бестыдѣ*), съ приближеніемъ къ которому не остается болѣе страшиться чего-либо. Но повидимому ты принялъ къ сердцу мнѣніе Эпихарма, человѣка проникательнаго и не безъ остроумія, какъ этого и естественно ожидать отъ Сицилійца.

Слушатель. Какое мнѣніе? я его не знаю.

Учитель. Я передамъ его, если буду въ состояніи, по-латинѣ, вѣдь ты знаешь, что я столь-же мало привыкъ передавать мысли греческихъ писателей на латинскомъ языкѣ, какъ и мысли латинскихъ писателей на греческомъ.

Слушатель. И не безъ основанія, конечно. Но все-таки эта замѣчательная мысль Эпихарма—какова она?

Учитель.

Умирать пусть и тяжело, но не крушить мертвымъ быть ¹⁾.

Слушатель. Да, я теперь узнаю грека и понимаю его мысль. И поелику ты принудилъ меня согласиться, что не несчастны тѣ, которые умерли, то заставь меня, если можешь, ду-

¹⁾ Ἀποθανεῖν δ' οὐχ ἄνδραί μοι τεθνάναι δ' οὐ διαφέρει. Эпихармъ, родившійся на о. Косѣ, рано прибылъ въ Сицилію, и потому считался за Сицилійца. Приведенный стихъ находится у Секста Эмпірика (adv. mathematt.).

мать, что даже и предстоящая намъ необходимость умереть не есть несчастіе.

Учитель. Доказать это не представляетъ труда; моя задача болѣе обширна.

Слушатель. Въ какой мѣрѣ доказать это не трудно? и какова та болѣе обширная задача, рѣшить которую ты замыслилъ?

Учитель. Вѣдь, такъ какъ со смертію не соединено никакого зла, а также не есть зло и наступленіе смерти, за которою ближайшее время есть послѣсмертное, въ которомъ, по твоему собственному сознанию, не обрѣтается зла, то послѣ этого и предстоящая намъ неизбѣжная смерть не есть зло; вѣдь это значитъ пройти дотолѣ, гдѣ нѣтъ зла, по нашему признанію.

Слушатель. Подробнѣе объ этихъ положеніяхъ, прошу; ибо представленныя въ такого рода трудномъ для пониманія видѣ они заставляютъ скорѣе признать ихъ, чѣмъ убѣдиться въ ихъ истинности. Но какую великую задачу, какъ ты говоришь, ты воспринялъ на себя выполнить?

Учитель. Научить, если можно, что смерть не только не есть зло, но даже добро.

Слушатель. И этого не требую, положимъ; услышать однако, что ты будешь говорить, я радъ. Пусть ты и не достигнешь, чего желаешь, по крайней мѣрѣ будешь отстаивать положеніе, что смерть не есть зло. Но я не буду вмѣшиваться, и тѣмъ прерывать теченіе твоихъ мыслей; мнѣ пріятнѣе слышать связную рѣчь.

Учитель. Какъ? если я спрошу тебя о чемъ, ты развѣ мнѣ не отвѣтишь?

Слушатель. Это было-бы грубостью самомнѣнія. Но я предпочелъ-бы, чтобы ты не обращался ко мнѣ съ вопросами безъ крайней необходимости.

О. Садовъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Января № 2. 1886 года.

Содержаніе. — Опредѣленія Святѣйшаго Синода. — Отношеніе Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ отъ 21 Декабря 1885 года за № 14962 на имя Его Преосвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго — Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и правственнo-воспита-тельной частямъ за 18⁸⁵/86 учебный годъ (продолженіе). — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 20 ноября—31 декабря 1885 года, за № 2533, по поводу изданія новыхъ правилъ о раздробительной продажѣ крѣпкихъ напитковъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 25 октября 1885 года за № 12390, по поводу изданія Высочайше утвержденныхъ 14 мая 1885 г. новыхъ правилъ о раздробительной продажѣ крѣпкихъ напитковъ, содержащихъ постановленія, касающіяся и духовнаго вѣдомства. Приказали: Изъ разсмотрѣнія дѣйствующихъ по 1-е января 1886 г. правилъ о питейной торговлѣ явствуетъ, что хотя на основаніи п. 6 ст. 333 уст. о пит. сборѣ, для открытія заведеній для продажи питей на земляхъ церковныхъ и монастырскихъ и требуется разрѣшеніе мѣстнаго духовнаго начальства, но за отсутствіемъ въ этихъ правилахъ точнаго указанія, какому именно духовному начальству принадлежитъ право разрѣшать раздробительную питейную продажу, заведенія съ таковою продажею на означенныхъ земляхъ были открываемы иногда, какъ видно изъ производящихся въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣлъ, безъ вѣдома епархіальнаго начальства по одному непосредственному разрѣшенію настоятелей монастырей и церковныхъ причтовъ, а также самовольно арендаторами земель. Въ видахъ устраненія сего на будущее время п. в. ст. 27 Высочайше утвержденныхъ 14 мая сего года правилъ предписываетъ, чтобы

на открытіе заведеній съ раздробительною продажею напитковъ на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ было изъявляемо согласіе мѣстнаго епархіальнаго начальства. Заключающееся-же въ ст. 31 и 32 этихъ правилъ постановленіе о воспрещеніи церковнымъ старостамъ, наравнѣ съ должностными лицами волостнаго и сельскаго управленій, письмоводителями мировыхъ посредниковъ и другими лицами, содержать заведенія для раздробительной торговли напитками внѣ городскихъ поселеній и быть прикащиками и сидѣльцами въ этихъ заведеніяхъ, составляетъ такое ограниченіе для церковныхъ старостъ, котораго прежде въ законахъ вовсе не существовало и которое установлено нынѣ въ видахъ устраненія отъ участія въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ людей, которымъ по роду ихъ занятій неудобно поручать церковное достояніе. Принимая вмѣстѣ съ симъ во вниманіе, что правительствомъ обращены особыя заботы на ограниченіе въ народѣ пьянства, столь гибельно вліяющаго на нравственное и матеріальное благосостояніе населенія, и что для возможно большаго успѣха въ борьбѣ съ этимъ зломъ, новыми правилами о раздробительной продажѣ указаны между прочимъ способы къ сокращенію числа питейныхъ заведеній, служащихъ соблазномъ для народа, Святѣйшій Синодъ признаетъ необходимымъ и съ своей стороны преподать нѣкоторыя разъяснительныя наставленія относительно примѣненія новыхъ правилъ по духовному вѣдомству. Вслѣдствіе сего и въ виду поступающихъ въ Святѣйшій Синодъ заявленій, въ которыхъ выражаются жалобы и нареканія на открытіе питейныхъ заведеній на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поставивъ о вышеизложенномъ въ извѣстность епархіальныхъ преосвященныхъ, предписать имъ: 1) впредь не допускать открытія вновь заведеній для раздробительной питейной продажи на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, на коихъ таковыхъ заведеній прежде не существовало, а въ случаѣ самовольнаго открытія требовать немедленнаго ихъ закрытія установленнымъ порядкомъ; 2) чтобы на продолженіе съ будущаго 1886 г. раздробительной питейной торговли изъ заведеній, уже существующихъ на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ и дозволяемыхъ новыми Высочайше утвержденными 14 мая сего года правилами, если къ тому представляются какія-либо особо уважительныя основанія, какъ напримѣръ заключенные съ арендаторами земель контракты и др., и если открытіе этихъ заведеній послѣдовало безъ согласія епархіальнаго начальства, непременно было испрошено таковое, и 3) чтобы лица, избираемые въ сельскихъ

приходахъ церковными старостами, утверждаемы были въ сихъ должностяхъ не иначе, какъ по предварительномъ засвидѣтельствovanіи мѣстныхъ церковныхъ причтовъ и благочинныхъ о томъ, что лица эти не состоятъ содержателями, прикащиками и сидѣльцами заведеній для раздробительной питейной продажи въ городскихъ поселеній. Для надлежащаго исполненія и руководства по духовному вѣдомству передать выписку изъ сего опредѣленія, по принятому порядку, для напечатанія въ редакцію журнала „Церковный Вѣстникъ“.

Отношеніе хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ отъ 21 декабря 1885 года за № 14962 на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

На основаніи утвержденныхъ Св. Синодомъ 17 августа и 12 сентября и 14/27 октября 1860 года правилъ о комиссіонерской продажѣ синодальныхъ изданій, Харьковскіе книгопродавцы В. В. Хавкинъ и Д. Н. Полуехтовъ, согласно просьбѣ ихъ и съ разрѣшенія Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, приняты комиссіонерами по продажѣ синодальныхъ изданій въ г. Харьковѣ съ тѣмъ, между прочимъ, чтобы означенные книгопродавцы продавали синодальныя изданія не выше цѣнъ, назначенныхъ въ синодальныхъ каталогахъ и чтобы о продажѣ сихъ книгъ были дѣлаемы, на счетъ означенныхъ книгопродавцевъ, публикаціи въ мѣстныхъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ. — Подлинное за надлежащею подписью. На подлинномъ отношеніи резолюція Его Преосвященства 30 минувшаго декабря послѣдовала такая: „Въ консисторію. Сообщить копію съ сего въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1884/85 учебный годъ.

(Продолженіе *).

д) Продолжительность учебнаго года и время экзаменовъ.

Уроки въ училищѣ въ отчетномъ году начались 16 августа и окончились 13 апрѣля. Такое раннее окончаніе ученія произошло вслѣдствіе того, что въ каникулярное время предполагалась капитальная перестройка училищнаго корпуса, для чего и самыя каникулы необходимо было начать

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 1.

раньше обыкновеннаго, именно 3 июня. Всѣхъ учебныхъ дней въ году, если исключить 20 дней на Рождественскія святки съ обязательнымъ рождѣнiемъ предъ ними, 3 дня на масляницу, 16 дней на Пасху со Страстною седмицею и всѣ воскресные и праздничные дни, было 157 (въ 18^{83/84} году 171).

Устные испытанiя по обязательнымъ предметамъ начались 23 апрѣля; но предварительно были произведены экзамены по церковному пѣнiю (въ послѣднiе уроки, назначенные росписанiемъ для этого предмета), экзаменъ въ училищной педагогической школѣ (13 апрѣля) и письменныя испытанiя посредствомъ экспромптовыхъ сочиненiй.—Устные испытанiя производились коммисiями, въ составъ которыхъ входили: предсѣдатель, одинъ изъ членовъ Совѣта, преподаватель даннаго предмета и ассистентъ, преподаватель того-же предмета въ другихъ классахъ, или предмета сроднаго. Окончилось всѣ испытанiя 31 мая, а 2 июня происходилъ торжественный актъ, которымъ и закончился учебный годъ. Дополнительные экзамены и переэкзаменовки, вслѣдствiе перестройки училищнаго корпуса, произведены 4 и 5 октября 1885 года.

е) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ курсъ съ аттестатами, число оставленныхъ на повторительный курсъ и число выбывшихъ изъ училища по разнымъ причинамъ.

Къ началу учебнаго года состояло воспитанницъ: въ I классѣ 49, во II классѣ 46, въ III—47, въ IV—52, въ V нормальномъ 35, въ V параллельномъ 37, и въ VI классѣ—39; итого 305 воспитанницъ.

Среди учебнаго года выбыло изъ III класса—1, изъ IV—1, изъ V нормальнаго 1, изъ V параллельнаго—3 воспитанницы; итого 6 воспитанницъ.

Среди учебнаго года поступила вновь 1 воспитанница—въ VI классъ.

Осталось по спискамъ ко времени экзаменовъ: въ I классѣ 49 воспитанницъ, во II—46, въ III—46, IV—51, въ V нормальномъ 34, въ V параллельномъ—34 и въ VI—40; итого 300 воспитанницъ.

Держали годовой экзаменъ: въ I классѣ 48 воспитанницъ, во II—46, въ III—46, въ IV—50, V нормальномъ—33, въ V параллельномъ—34 и въ VI—40; итого 297 воспитанницъ.

Не держали экзамена: въ I классѣ 1 воспитанница—по болѣзни, въ IV классѣ 1 воспитанница—по неявкѣ въ училище, и V нормальномъ классѣ 1 воспитанница—по болѣзни; итого 3 воспитанницы.

Переведены въ слѣдующiе классы: изъ I-го во II-й классъ 48 воспитанницъ; изъ II-го въ III-й классъ 44 воспитанницы; изъ III-го въ IV-й—44 восп.; изъ IV-го въ V—46 восп.; изъ V-го норм. въ VI норм. 33 восп.; изъ V-го парал. въ VI-й парал. 32 восп.; итого 247 воспитанницъ.

Примѣчанiе. Въ числѣ переведенныхъ въ слѣдующiе классы 1 воспитанница V нормальнаго класса переведена въ VI-й классъ безъ экзамена, на основанiи годовыхъ балловъ, по особой резолюцiи Его Преосвященства, положенной на докладъ начальницы училища о томъ, что воспитанница эта, перенесши тяжелую болѣзнь, ко времени годовыхъ экзаменовъ едва

только начала поправляться и, по свидѣтельству училищнаго врача, возстановленію ея спя въ теченіе канікулъ могли-бы воспрепятствовать душевная тревога въ ожиданіи экзамена послѣ канікулъ и трудъ подготовленія къ этому экзамену.

Оставлены въ тѣхъ-же классахъ на повторительный курсъ: въ I классѣ 1 воспитанница, по неявкѣ къ передержкѣ экзамена; во II-мъ—1, въ III-мъ 1, обѣ по малоуспѣшности; въ IV-мъ—5: четыре по малоуспѣшности и 1 по просьбѣ родителей; въ V нормальномъ—1 и V-мъ параллельномъ 2; всѣ три по малоуспѣшности; итого 11 воспитанницъ.

Окончили курсъ 40 воспитанницъ.

Примѣчаніе. Аттестаты 17 окончившихъ курсъ сиротъ переимѣнены Совѣтомъ, на училищный счетъ, на дипломы и послѣдніе выданы на руки означеннымъ сиротамъ.

Уволены изъ училища послѣ годовыхъ экзаменовъ и переэкзаменовокъ: изъ II класса 1 воспитанница—по малоуспѣшности и неспособности къ продолженію ученія; и изъ III класса—1 воспитанница за невзносъ платы за содержаніе ея въ училищѣ; итого 2 воспитанницы.

Такимъ образомъ къ началу 1885,86 учебнаго года въ училищѣ числилось 259 воспитанницъ.

Въ октябрѣ 1885 года принято вновь въ училище 61 дѣвица, въ томъ числѣ въ I классъ 54, во II-й классъ 5, въ III-й 1 и въ IV-й 1 дѣвица.

Вслѣдствіе этого къ 1 ноябрю сего 1885 года въ училищѣ числится 319 воспитанницъ, именно: въ I классѣ 55, во II-мъ классѣ 54, въ III-мъ классѣ 46, въ IV классѣ 50, въ V классѣ 49, въ VI нормальномъ классѣ 33 и въ VI параллельномъ классѣ 32 воспитанницы.

Примѣчаніе. Переполненіе всѣхъ классовъ, за исключеніемъ обоихъ отдѣленій VI-го, сравнительно съ штатами, указанными въ 81 § устава епархіальныхъ женскихъ училищъ, вызвано крайнею необходимостію. Въ послѣдніе три года ежегодно къ пріемнымъ экзаменамъ для поступленія въ I-й классъ училища является болѣе 100 дѣвицъ, дочерей духовенства Харьковской епархіи; большая часть изъ нихъ, даже выдержавши удовлетворительно экзаменъ, должна возвращаться назадъ и затѣмъ съ такимъ же успѣхомъ являться къ экзамену во второй и въ третій разъ. Такимъ образомъ, не говоря уже объ обременительности для родителей такихъ многократныхъ поѣздокъ въ Харьковъ съ дѣтьми, дѣти переростають узаконенный для поступленія въ I-й классъ училища возрастъ и находятся въ опасности совершенно лишиться возможности получить образованіе. Въ виду этого Совѣтъ училища, и въ прошломъ году и въ настоящемъ, вынужденъ былъ, съ разрѣшенія Его Преосвященства, принимать въ I й классъ по 50 дѣвицъ и болѣе вмѣсто 45-ти, потому что иначе пришлось бы отказывать въ пріемѣ нѣсколькимъ дѣвицамъ 12 лѣтнимъ и этимъ окончательнo заградить имъ доступъ въ училище,—а такихъ 12 лѣтнихъ и старше этого возраста въ настоящемъ году, напримѣръ, явилось къ экзамену 65.—Пріемъ всѣхъ дѣвицъ сверхъ штата въ слѣдующіе классы послѣ I-го произведенъ въ настоящемъ году по особымъ резолюціямъ Его Преосвященства, въ виду особыхъ обстоятельствъ, зависѣвшихъ въ сущности отъ той-же самой невозможности ежегодно всѣмъ желающимъ и

достойнымъ того дочерямъ духовенства Харьковской епархіи поступать въ I-й классъ училища, такъ какъ приняты теперь во II, III и IV классы все дѣвцы, которыя были вынуждены недостатками вакансій въ I классъ или готовиться дома къ поступленію во II, III и слѣдующіе классы, или поступать временно въ свѣтскія учебныя заведенія, — гимназіи и прогимназіи. Конечно, всего этого можно было-бы избѣгнуть устройствомъ параллельныхъ отдѣленій, но крайней мѣрѣ въ первыхъ четырехъ классахъ; но на это епархія пока не имѣетъ средствъ, потому что всѣ успія свои въ послѣдніе годы употребляетъ на перестройку зданій для всѣхъ трехъ своихъ мужскихъ училищъ, нужды которыхъ въ этомъ отношеніи не допускаютъ никакой отсрочки.

Размѣстить въ училищномъ корпусѣ все наличное число воспитанницъ, оказалось вполне возможнымъ безъ особаго стѣсненія.

ж) Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.

1. Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году по всѣмъ предметамъ наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ:

I класса (46 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	26	воспитанницъ	или	$54\frac{8}{48}^0/0$.
— 4	—	14	—	—	$29\frac{8}{48}^0/0$.
— 3	—	8	—	—	$16\frac{32}{48}^0/0$
Общій баллъ	всего класса			—	4,37

II класса (46 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	20	воспитанницъ,	или	$43\frac{22}{46}^0/0$
— 4	—	15	—	—	$32\frac{28}{46}^0/0$
— 3	—	11	—	—	$23\frac{42}{46}^0/0$
Общій баллъ	всего класса			—	4,19

III класса (46 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	19	воспитанницъ,	или	$41\frac{14}{46}^0/0$
— 4	—	14	—	—	$30\frac{20}{46}^0/0$
— 3	—	13	—	—	$28\frac{12}{46}^0/0$
Общій баллъ	всего класса			—	4,13

IV класса (50 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	6	воспитанницъ,	или	$12^0/0$
— 4	—	29	—	—	$58^0/0$
— 3	—	15	—	—	$30^0/0$
Общій баллъ	всего класса			—	3,82

V нормальнаго класса (33 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	10	воспитанницъ,	или	$30\frac{10}{33}^0/0$
— 4	—	18	—	—	$54\frac{18}{33}^0/0$
— 3	—	5	—	—	$15\frac{5}{33}^0/0$
Общій баллъ	всего класса			—	4,15

V парал. класса (34 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	14	воспитанницъ,	или	$41\frac{6}{34}^0/0$
---------	----------	----	---------------	-----	----------------------

Балль 4	получили	13	воспитаниць,	или	$38\frac{8}{34}\%$
— 3	—	7	—	—	$20\frac{24}{34}\%$
Общій балль всего класса					4,20

VI класса (40 воспитаниць).

Балль 5	получили	11	воспитаниць,	или	$27\frac{20}{40}\%$
— 4	—	20	—	—	50%
— 3	—	9	—	—	$22\frac{20}{40}\%$
Общій балль всего класса					4,05

2) *Въ поведеніи воспитаниць* въ отчетномъ году не замѣчено было никакихъ сколько нибудь важныхъ проступковъ въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніяхъ; почему изъ общаго числа 300 воспитаниць только 9 получили по поведенію годовой балль 4 (очень хорошо), остальные же 291 аттестованы балломъ 5 (отлично).

3) *Состояніе здоровья воспитаниць* училища, сравнительно съ прошлымъ учебнымъ годомъ, нельзя не признать очень удовлетворительнымъ. (случаевъ заболѣванія было только 140,—что, при 305 воспитаницахъ (къ началу года), составляетъ $45\frac{275}{305}\%$, тогда какъ въ $18\frac{83}{84}$ учебномъ году случаевъ заболѣванія было 283 при 306 воспитаницахъ, или $92\frac{148}{306}\%$. При томъ-же большая часть больныхъ страдала легкими формами болѣзней, именно: лихорадкой ($11\frac{145}{305}\%$), жабой ($8\frac{260}{305}\%$), краснухой ($11\frac{45}{305}\%$) и нѣкоторыми другими слабыми формами болѣзней, какъ то: крапивною сыпью, нарывами, воспаленіемъ вѣкъ, железъ и т. под. ($9\frac{155}{305}\%$). (случаевъ заболѣванія тяжелыми болѣзнями было 14, или $4\frac{180}{305}\%$, именно: 3 случая тифа, 1 случай воспаленія подреберной плевры, 1 случай пляски св. Вита, 1 случай ревматизма, 8 случаевъ скарлатины и 1 случай кори. Смертнаго случая не было ни одного.

з) *Число пропущенныхъ въ отчетномъ году преподавателями уроковъ.*

Законоучителемъ въ IV, V и VI классахъ священникомъ *И. Онисевичемъ* (12 нед. уроковъ): пропущено 45 уроковъ,—44 по причинѣ нахождения въ отпускѣ по болѣзни и 1 по обязанностямъ инспектора классовъ. Помощникомъ законоучителя въ I, II и III классахъ священникомъ *Г. Волобуевымъ* (12 недѣльн уроковъ): пропущено 7 уроковъ—по обязанностямъ священника. Преподавателемъ русской словесности въ IV, V нормальномъ и VI классахъ *А. А. Снегиревымъ* (10 недѣльн. уроковъ): пропущено 10 уроковъ—по болѣзни. Преподавателемъ русской словесности въ V параллельномъ классѣ, *М. В. Добронравовымъ* (3 недѣльн. урока): пропущено 5 уроковъ—по домашнимъ обстоятельствамъ. Преподавателемъ русскаго языка въ I, II и III классахъ *В. М. Извольскимъ* (12 недѣльн. уроковъ): пропущено 9 уроковъ—по болѣзни. Преподавателемъ ариометики въ V параллельномъ, геометріи и физики въ обоихъ отдѣленіяхъ V и въ VI классахъ, *А. П. Эльтековымъ* (14 недѣльн. уроковъ): пропущено 55 уроковъ—по болѣзни. Преподавателемъ ариометики въ IV и V нормальномъ классахъ, *И. В. Кудревичемъ* (5 недѣльн. уроковъ): пропущено 3 урока—по болѣзни. Учительницею арио-

метики въ I, II и III классахъ *О. К. Рудинскою* (12 недѣльн. уроковъ): не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ гражданской исторіи въ IV, V и VI классахъ, *А. О. Вертеловскимъ* (13 недѣльн.): пропущено 11 уроковъ—по болѣзни. Преподавателемъ географіи въ IV, V и VI классахъ, *В. В. Данинымъ* (11 недѣльн. уроковъ): пропущено 40 уроковъ—39 по болѣзни и 1 по обязанностямъ службы въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Учительницею географіи во II и III классахъ, *М. Е. Дьяковою* (4 недѣльн. урока): пропущенъ 1 урокъ—по болѣзни. Преподавателемъ педагогики въ V и VI классахъ, *Н. Н. Страховымъ* (4 недѣльн. урока): пропущено 5 уроковъ—по болѣзни. Учителемъ чистописанія, черченія и рисованія во всѣхъ классахъ, *Д. О. Ланевскимъ* (12 недѣльн. уроковъ) не пропущено ни одного урока. Учителемъ церковнаго пѣнія во всѣхъ классахъ, священникомъ *С. Петровскимъ* (8 недѣльн. уроковъ): пропущено 15 уроковъ—по обязанностямъ священника. Учительницею французскаго языка во всѣхъ классахъ, *Е. Н. Гейцыгъ* (12 недѣльн. уроковъ): пропущено 4 урока—2 по обязанностямъ начальницы и 2 по семейнымъ обстоятельствамъ.

Число уроковъ, пропущенныхъ воспитанницами въ отчетномъ году.

Въ I классѣ (49 воспитанницъ)—54 урока по неявкѣ и 984 по болѣзни, итого 1038 уроковъ; во II классѣ (46 воспитанницъ) 121 урокъ по неявкѣ и 425 по болѣзни, итого 546 уроковъ; въ III классѣ (47 воспитанницъ)—102 урока по неявкѣ и 194 по болѣзни, итого 296 уроковъ; въ IV классѣ (52 воспитанницы)—121 урокъ по неявкѣ и 717 по болѣзни, итого 838 уроковъ; въ V нормальномъ классѣ (35 воспитанницъ)—61 урокъ по неявкѣ и 415 по болѣзни, итого 476 уроковъ; въ V параллельномъ классѣ (37 воспитанницъ)—61 уроковъ по неявкѣ и 204 по болѣзни, итого 265 уроковъ; въ VI классѣ (40 воспитанницъ)—60 уроковъ по неявкѣ, 396 по болѣзни и 888 по причинѣ дежурства въ педагогической школѣ, итого 1284 урока.

Такимъ образомъ всѣми воспитанницами училища въ теченіи года пропущено 4743 урока, что, по раздѣленіи на общее число воспитанницъ въ училищѣ (306), даетъ на каждую воспитанницу 15,49 пропущенныхъ уроковъ. Сравнительно съ прошедшимъ учебнымъ годомъ, когда на каждую воспитанницу пришлось 16 пропущенныхъ уроковъ, отчетный годъ оказался благопріятнѣе; если же сравнить между собою нѣсколько лѣтъ, предшествовавшихъ настоящему, то окажется, что воспитанницы съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе пропускали уроковъ. Такъ въ 18^{80/81} г. пропущено каждою воспитанницею 24 урока, въ 18^{81/82}—22 урока въ 18^{82/83}—22, въ 18^{83/84}—16 и въ 18^{84/85}—15,49 уроковъ. Уменьшеніе это зависить главнымъ образомъ отъ болѣе аккуратнаго отношенія родителей къ представленію воспитанницъ въ училище къ началу каждой учебной трети. прошедшаго какъ въ слѣдствіе все болѣе распространяющагося между родителями сознанія необходимости такой аккуратности для успешнаго прохожденія дѣтьми ихъ училищнаго курса, такъ и въ слѣдствіе мѣръ, принятыхъ въ прошлые годы Совѣтомъ училища.

И) Мѣры, принятыя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ.

Для возвышенія учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ въ отчетномъ году приняты были слѣдующія мѣры.

1. По случаю перехода на службу въ Кавказское епархіальное женское училище учительницы русскаго языка въ низшихъ классахъ, о. предсѣдатель Совѣта вошелъ въ Совѣтъ съ заявленіемъ о томъ, что, по его мнѣнію, въ виду особенной важности русскаго языка, необходимо сосредоточить всѣ уроки этого предмета въ однихъ, и при томъ надежныхъ, рукахъ, или, по крайней мѣрѣ, за невозможностію отдать одному лицу всѣ 26 уроковъ, назначить и въ низшіе классы учителя съ высшимъ образованіемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ велъ свои классы до конца курса и затѣмъ снова начиналъ обученіе съ перваго класса и такимъ же образомъ вмѣстѣ со своими классами переходилъ въ слѣдующіе и второй учитель русскаго языка; а для того, чтобы занятіе съ воспитанницами низшихъ классовъ не сопряжено было для учителя съ ущербомъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ урокъ въ высшихъ классахъ училища оплачивается 75 руб., а въ низшихъ только 50, необходимо ходатайствовать предъ епархіальнымъ съѣздомъ объ ассигнованіи по 78 руб. за урокъ русскаго языка и учителю низшихъ классовъ, если это будетъ лицо съ высшимъ образованіемъ. Соглашаясь вполне съ заявленіемъ о. предсѣдателя, Совѣтъ 4 и 9 августа постановилъ ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ объ опредѣленіи на должность учителя русскаго языка кандидата Кіевской духовной академіи, учителя латынскаго языка въ Харьковской духовной семинаріи, извѣстнаго Совѣту опытностію въ преподаваніи, и русскаго языка и словесности, по службѣ, съ разрѣшенія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, въ Харьковской гимназіи г-жи Григорцевичъ, — В. М. Извольскаго, съ тѣмъ чтобы онъ переходилъ изъ класса въ классъ на изложенныхъ въ предложеніи о. предсѣдателя Совѣта основаніяхъ, и испросилъ у бывшаго въ сентябрѣ 1884 года епархіальнаго съѣзда учителю русскаго языка въ низшихъ классахъ училища жалованье въ количествѣ 75 руб. за годовою урокъ, въ каковомъ количествѣ и сталъ г. Извольскій получать вознагражденіе съ 1 января 1885 года, когда началось дѣйствіе утвержденной съѣздомъ сметы. По вышеозначенному плану распредѣлены уроки русскаго языка между преподавателями и на текущій 18⁸⁵/86 годъ.

2. Вслѣдствіе словеснаго заявленія о. предсѣдателя Совѣта о томъ, что Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Амвросій, епископъ Харьковскій и Ахтырскій, изволилъ сообщить ему свое распоряженіе, чтобы при преподаваніи дидактики въ училищѣ обращено было особенное вниманіе на сообщеніе воспитанницамъ надлежащихъ свѣдѣній объ обученіи церковной печати по способу буквосочетательному, въ виду того, что воспитанницы нашего Епархіальнаго училища имѣютъ быть одними изъ первыхъ кандидатокъ на занятіе учительскихъ должностей въ имѣющихъ быть открываемыми въ Харьковской епархіи церковно-приходскихъ школахъ, — Совѣтъ училища 9 ноября 1884 года постановилъ принять настоящее распоряженіе Его Преосвященства къ точному исполненію и руководству и сообщить о немъ преподавателю педагогики въ училищѣ. На этомъ постановленіи

Совѣта послѣдовала резолюція Его Преосвященства отъ 20 того-же ноября: „Утверждается съ тѣмъ, чтобы по изученіи буквально славянскаго алфавита, при сочетаніи слоговъ были употребляемы звуковые приемы въ видѣ поясненія“. Эту резолюцію Его Преосвященства Совѣтъ 22 ноября постановилъ тоже принять къ непремѣнному исполненію.

3. Вслѣдствіе заявленія г-жи начальницы училища отъ 10-го октября 1884 года о томъ, что въ училищѣ имѣется одна только швейная машина (ножная) которая постоянно бываетъ занята, чрезъ что большая часть воспитанницъ лишается возможности практически ознакомиться съ должнымъ употребленіемъ машины, Совѣтъ училища приобрѣлъ 4 ручныя швейныя машины исключительно для практическихъ занятій воспитанницъ старшихъ классовъ, и такимъ образомъ занятія эти, сравнительно съ прошлымъ годомъ, значительно усилились.

4. Чтобы болѣе справедливо вознаграждать трудъ тѣхъ служащихъ въ училищѣ лицъ, которыя до сихъ поръ получали незначительное вознагражденіе, и тѣмъ заставить ихъ дорожить училищною службою, а въ случаѣ открытія вакансій по этимъ должностямъ, имѣть возможность привлекать для занятія ихъ лицъ вполне достойныхъ. Совѣтъ училища, по заявленію г-жи начальницы училища и другихъ своихъ членовъ, неходатайствовалъ у сѣзда увеличеніе жалованья надзирательницъ училищной педагогической школы со 150 до 180 рублей, каждой изъ учительницъ руководя съ 120 до 180 рублей въ годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилъ вознагражденіе и учительницамъ музыки: живущимъ съ 200 до 240 рублей и приходящимъ съ 15 до 17 руб. 50 коп. за каждую ученицу, и эконому училища съ 200 до 400 рублей.

5. Отчасти въ отчетномъ, а главное къ началу текущаго 18⁸⁵/₈₆ учебнаго года много сдѣлано для улучшенія гигиеническихъ условій жизни учащихся въ заведеніи.

аа) Въ отчетномъ году dokonчено устройство училищнаго больничнаго зданія. Верхній этажъ этого зданія, предназначенный для заразныхъ больныхъ и раздѣленный на два отдѣленія, по первоначальному архитектурскому плану, устроенъ былъ такъ, что имѣлъ только одинъ входъ, соединившійся съ парадною лѣстницею. Это оказалось на дѣлѣ крайне неудобнымъ, такъ какъ по этому единственному ходу приходилось и вводить заболѣвшихъ, и выпускать выздоровѣвшихъ, и вносить матеріалъ для отопленія и воду для ваннъ, и выносить соръ и проч., а вслѣдствіе этого, кромѣ неоприятности параднаго хода, которой нельзя было-бы избѣгнуть, возможна была еще опасность перехода заразительныхъ болѣзней съ верхняго этажа въ нижній, гдѣ помѣщаются больныя не заразительными болѣзнями. Для устраненія всего этого при больничномъ зданіи сдѣлана пристройка, въ которой устроена вторая лѣстница въ верхній этажъ, маленькая кухня для разогрѣванія кушаній для больныхъ, припарокъ и т. п. (больничное зданіе находится на значительномъ разстояніи отъ общей училищной кухни) и кладовая для больничнаго имущества. Обошлась эта пристройка около 1500 рублей.

бб) Ко времени открытія ученія въ текущемъ 18⁸⁵/₈₆ учебномъ году произведено весьма важное улучшеніе въ гигиеническихъ условіяхъ жизни воспитанницъ училища въ самомъ корпусѣ чрезъ капитальную перестройку

этого корпуса и устройство въ немъ калорифернаго отопленія и превосходной вентиляціи. Поводомъ къ такой перестройкѣ и вызваннѣмъ ею улучшеніямъ гигиеническихъ условій послужила обнаружившаяся въ отчетномъ году крайняя непрочность нѣкоторыхъ частей главнаго училищнаго зданія, заставлявшая опасаться даже ихъ разрушенія. Главною причиною этой непрочности слѣдуетъ признать то, что училищный корпусъ строился не сразу, по опредѣленному плану, а по частямъ въ разные времена, по мѣрѣ того, какъ постепенно увеличивалось число воспитанницъ, съ 1858 года и до 1873 года, и представляетъ собою очень запутанную массу разновременныхъ пристроекъ, надстроекъ и перестроекъ. Непрочность эта отчасти замѣчалась и прежде, но главнымъ образомъ стала видимою въ отчетномъ году. Въ сентябрѣ 1884 года непрочность эта обратила на себя вниманіе комиссіи, назначенной собравшимся тогда XI епархіальнымъ съѣздомъ по дѣламъ училища и осматривавшей училищное зданіе. Вслѣдствіе донесенія этой комиссіи, XI съѣздъ 19 сентября 1884 года постановилъ просить Совѣтъ училища пригласить опытныхъ инженеровъ-техниковъ для изслѣдованія прочности этого зданія и о результатахъ изслѣдованія представить слѣдующему епархіальному съѣзду. Заслушавъ это постановленіе съѣзда, Совѣтъ училища 9 января 1885 года постановилъ отложить освидѣтельствованіе корпуса до каникулъ, такъ какъ до разѣзда воспитанницъ по домамъ въ концѣ учебнаго года такое изслѣдованіе не удобно. Но обстоятельства вскорѣ заставили измѣнить это рѣшеніе. Въ первыхъ числахъ марта 1885 года произошло внезапное сотрясеніе въ одной части училищнаго зданія, весьма испугавшее воспитанницъ. Г-жа начальница училища донесла объ этомъ Его Преосвященству, который приказалъ о. председателю Совѣта немедленно пригласить архитектора Б. С. Покровскаго (который недавно только окончилъ весьма удачно перестройку зданій Харьковскаго мужскаго духовнаго училища, а въ 1884 году производилъ перекладку и въ нашемъ училищѣ) для осмотра зданія и опредѣленія причины происшедшаго потрясенія. Г. Покровскій, осмотрѣвши зданіе, въ письмѣ на имя о. председателя Совѣта высказалъ, что „причинами происшедшаго потрясенія, равно какъ и общихъ сотрясеній во всемъ зданіи, — обнаруживающихся на примѣрѣ въ квартирѣ начальницы во время прогулки воспитанницъ по рекреационному залу (находящемуся надъ этою квартирою) тѣмъ, что тогда всѣ двери приходятъ въ замѣтное движеніе и стучатъ, зеркала и цвѣты, стоящіе у наружной стѣны на этажеркѣ, шатаются и были даже примѣры паденія цвѣтовъ съ горшками, и въ другихъ мѣстахъ зданія значительными сотрясеніями въ полахъ, производящими время отъ времени паденіе штукатурки потолковъ, — могутъ быть не одна только непрочность балокъ, но также и непрочная кладка стѣнъ и недостаточное углубленіе фундамента. Впрочемъ это пока одно только предположеніе которое можно будетъ повѣрить на дѣлѣ не раньше каникулъ при ремонтѣ зданія. Но если бы тогда предположеніе это и не оправдалось, и причина сотрясеній оказалась бы въ непрочности фундамента или грунта, — во всякомъ случаѣ никакія, даже самыя капитальныя, исправленія (вродѣ желѣзныхъ связей, перекладки нѣкоторыхъ частей или подведеніе фундаментовъ) не сдѣлаютъ зданія прочнымъ и устойчивымъ, и перестройка зданія вновь является во всякомъ случаѣ единственнѣмъ вѣрнымъ сред-

ствомъ для избѣжанія въ будущемъ опасности, могущей прозойти въ существующемъ зданіи во всякое время". Выслушавши это заявленіе архитектора Покровскаго, Совѣтъ училища пришелъ къ заключенію, что на такую героическую и дорого стоящую мѣру, какъ перестройка всего училищнаго корпуса вновь, нельзя рѣшиться на основаніи мнѣнія одного только архитектора, и что слѣдуетъ мнѣніе это провѣрить сужденіями и другихъ опытныхъ архитекторовъ, основанными при томъ на тщательномъ освидѣтельствovanіи на дѣлѣ прочности балокъ, стѣнъ, фундамента и проч., что освидѣтельствованіе это удобно произвести только по окончаніи учебнаго года, когда воспитанницъ не будетъ въ училищѣ, что до этого времени освидѣтельствованіе отложить возможно, такъ какъ самъ архитекторъ Покровскій не нашелъ, чтобы зданіе угрожало немедленной опасности жвущимъ въ немъ, а потому журналомъ отъ 10 апрѣля 1885 года постановилъ просить ходатайства Его Преосвященства предъ г. губернаторомъ о назначеніи комисіи опытныхъ инженеръ-техниковъ для осмотра училищнаго корпуса, а въ виду предстоящихъ занятій этой комисіи и могущей быть ремонтровки училищныхъ зданій, просить разрѣшенія Его Преосвященства окончить учебный годъ обычнымъ актомъ 2 іюня. Постановленіе это 11 апрѣля Его Преосвященствомъ утверждено. Комисія изъ четырехъ инженеръ-техниковъ исправляющимъ должность губернатора была назначена и, произведши самый тщательный осмотръ училищнаго корпуса, составила протоколъ, въ которомъ указала на многіе капитальные частные недостатки (какъ напримѣръ, непрочность балокъ, перемычекъ надъ окнами и дверями, неудачная установка надъ дверью въ нижнемъ этажѣ столбовъ для арокъ въ торжественномъ залѣ, неправильное устройство въ столовой арки, грозившей паденіемъ, непрочная кирпичная кладка, безъ заливки известковымъ растворомъ, существованіе въ громадномъ четырехэтажномъ зданіи одной только лѣстницы), требующіе немедленнаго исправленія, но не высказала мнѣнія о необходимости перестраивать вновь все зданіе. Выслушавъ этотъ протоколъ, Совѣтъ журналомъ своимъ отъ 16 іюня постановилъ пригласить архитектора В. С. Покровскаго (бывшаго также однимъ изъ членовъ вышеуказанной комисіи) составить проэктъ и смѣту на исправленіе всѣхъ недостатковъ училищнаго корпуса, указанныхъ комисіею, и наблюдать за всѣми ремонтровочными работами по исправленію сихъ недостатковъ. Г. Покровскій изъявилъ согласіе взять на себя эту обязанность съ выработкою по каждому предмету работъ наиболѣе рациональныхъ и недорогихъ способовъ исправленія, съ отвѣтственностію за безопасность и прочность ихъ, за 2000 рублей съ тѣмъ, что, для постоянного наблюденія надъ работами, имъ будетъ уполномоченъ гражданскій инженеръ В. Х. Нѣмкинъ (пзвѣстный училищному Совѣту по прошлогоднимъ работамъ). Совѣтъ, въ виду сложности и капитальности предстоящихъ работъ, необходимости постоянного и бдительнаго архитектурскаго надзора и важности отвѣтственности за прочное и безопасное исправленіе училищнаго зданія, призналъ условія г. Покровскаго выгодными для училища и журналомъ своимъ отъ 24 іюня просилъ разрѣшенія Его Преосвященства предоставить Покровскому наблюденіе надъ работами, каковое разрѣшеніе и было дано резолюціею отъ 27 іюня. Приступивши къ работамъ, г. Покровскій заявилъ, что онѣ не могутъ быть окончены ранѣе

1-го октября сего 1885 года и что до этого времени слѣдуетъ отложить начало ученія въ училищѣ. Совѣтъ доложилъ объ этомъ Владыкѣ, который затѣмъ ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о дозволеніи отложить ученіе до первыхъ чиселъ октября, и Св. Синодъ, уваживъ это ходатайство, разрѣшилъ просимую отсрочку, — о чемъ и полученъ Его Преосвященствомъ указъ Св. Синода отъ 19 іюля 1885 года.

Работы по исправленію училищнаго корпуса оказалось очень много: пришлось перемѣнить почти всѣ балки, такъ какъ прежнія оказались подгнившими. всѣ перемычки въ окнахъ и дверяхъ укрѣпить чугунными рельсами, перемостить почти всѣ полы и потолки, замѣнить нѣкоторыя деревянныя перегородки внутри зданія каменными стѣнами, всѣ стѣны внутри и потолки покрыть новою штукатуркою, для прочности на войлокѣ и изъ чистаго алебастра, такъ какъ прежнія при установкѣ балокъ во многихъ мѣстахъ осыпалась и проч. Все это поглотило массу денегъ на матеріалы и рабочихъ, но за то избавило отъ необходимости, и дастъ Богъ на продолжительное время, — разрушать старый корпусъ и строить новый; а это, кромѣ того, что потребовало бы, по меньшей мѣрѣ, 300,000 руб., поставило-бы въ необходимость не менѣе чѣмъ на три года или совершенно прекратить ученіе, или съ крайними неудобствами тѣсниться въ нанятыхъ зданіяхъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, что капитальная ремонтровка, произведенная подъ самымъ тщательнымъ и постояннымъ архитектурскимъ присмотромъ, при чемъ и матеріалы выбирались самые доброкачественные, и работы, — каменные, плотничныя и другія, — производились самымъ правильнымъ образомъ, сдѣлала зданіе прочнымъ и безопаснымъ. Но кромѣ того, ремонтровка эта дала еще возможность значительно улучшить корпусъ въ гигиеническомъ отношеніи. Уже давно училищный совѣтъ былъ озабоченъ улучшеніемъ вентиляціи въ зданіи. Устраивались, поэтому, въ разныя времена, кромѣ форточекъ въ окнахъ, вентиляторы и въ печкахъ, и въ потолкахъ; но все это мало помогало: единственнымъ средствомъ представлялось устройство вентиляціи по новымъ способамъ. Но въ зданіи старомъ, состоящемъ изъ разновременныхъ пристроекъ, надстроекъ и перестроекъ, которыя до такой степени запутали общій планъ зданія, что часто при лѣтнихъ ремонтровкахъ, съ перваго взгляда трудно было узнать, гдѣ находится, напримѣръ, капитальная стѣна, а гдѣ деревянная перегородка, это дѣло представлялось до такой степени сложнымъ и труднымъ, что, напримѣръ, архитекторъ Ловцовъ, къ которому Совѣтъ обращался за этимъ въ 1881 году, стоимость вентиляціи опредѣлялъ приблизительно въ 10,000 руб. Настоящая же ремонтровка дала случай и возможность устроить прекрасную новѣйшей системы вентиляцію безъ особенныхъ затрудненій и чрезмѣрныхъ затратъ. Вслѣдствіе устройства вездѣ почти въ корпусѣ новыхъ половъ и потолковъ, съ перемѣною на новыя почти всѣхъ старыхъ подгнившихъ, выгнутыхъ и надлежащей толщины балокъ, необходимо было разрушить 73 печи. Это подало поводъ архитектору Покровскому проэктировать для училища устройство, вмѣсто голландскихъ печей, калориферовъ. Совѣтъ согласился на предложеніе г. Покровскаго, и три калорифера теперь устроены и дѣйствуютъ. Калориферы эти будутъ весьма полезны для училища: а) они устраняютъ прежде бывшее давленіе на зданіе 73 печей,

б) гарантируютъ училище отъ пожара, в) даютъ возможность въ каждой комнатѣ регулировать, по желанію, температуру воздуха, г) самое же главное, только при калориферахъ возможно было, въ соединеніи съ ними, устроить вентиляцію такъ, что теперь каждая комната имѣетъ по двѣ вытяжки для удаленія испорченнаго воздуха, и по одному дупшику, дающему чистый воздухъ, нагрѣтый въ калориферѣ,—и такой обмѣнъ воздуха производится постоянно и незамѣтно, не производя ни сквозняковъ, ни внезапнаго охлажденія, происходящаго, напримѣръ, при открытіи зимою форточекъ въ окнахъ.

Ремонтировка дала случай расширить тѣсную и душную училищную церковь, въ которой обмороки съ дѣтьми отъ духоты при богослуженіи не были рѣдкостью. Образовавшіяся отъ давленія устроеннаго надъ церковію деревяннаго свода трещины въ церковныхъ стѣнахъ потребовали немедленной перекладки этихъ стѣнъ. Воспользовавшись этимъ, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Амвросій, епископъ Харьковскій, котораго давно уже заботила мысль о тѣсотѣ церкви для такого многлюднаго заведенія, какъ наше училище, и который лично нѣсколько разъ осматривалъ поврежденія училищной церкви, сдѣлалъ распоряженіе о возвышеніи стѣнъ церковныхъ еще приблизительно на одинъ этажъ, объ удлиненіи церкви, объ устройствѣ въ ней хора и о надстройкѣ надъ нею купола. Все это въ настоящее время уже исполнено, и училище будетъ имѣть, хотя довольно узкую (разширеніе потребовало бы слишкомъ много затратъ), но просторную, свѣтлую, съ массою воздуха (около 50,000 кубич. футовъ) прекрасно отдѣланную церковь, подобную которой, пожалуй, трудно найти въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Наконецъ, ремонтровка дала случай и возможность произвести значительныя улучшенія и во внутреннемъ устройствѣ училищнаго корпуса: чрезъ снятіе нѣкоторыхъ перегородокъ—сдѣлать изъ многихъ маленькихъ нѣсколько большихъ дортуаровъ, помѣстить въ сосѣдствѣ съ дортуарами, для удобства въ надзорѣ, комнатъ всѣхъ воспитательницъ и ихъ помощницъ, чрезъ разширеніе дверей и снятіе перегородокъ—сдѣлать болѣе свѣтлыми всѣ корридоры и, наконецъ, кромѣ парадной лѣстницы, устроить еще и другую, возлѣ церкви, ведущую во всѣ этажи зданія.

Чтобы не затягивать далѣе первыхъ чиселъ октября начало ученія, а съ другой стороны, дать хорошо высохнуть штукатуркѣ, что, по причинѣ наступленія осени, требовало не мало времени,—Свѣтъ пока довольствовался только окончаніемъ ремонтровки вчернѣ, безъ побѣлки стѣнъ и надлежащей покраски половъ, которыя будутъ произведены, первая на Рождественскихъ святкахъ, вторая въ слѣдующее лѣто. До будущаго же лѣта должна быть отложена и окончательная отдѣлка церкви, которая, по многосложности работы, и вчернѣ будетъ окончена не ранѣе 1 декабря.

Вся вышеописанная ремонтровка училищнаго корпуса обойдется свыше тридцати тысячъ рублей. Произведена она изъ текущихъ училищныхъ доходовъ, и только на устройство церкви открытъ сборъ добровольныхъ пожертвованій. Другихъ же какихъ-либо сборовъ съ церковей епархіи, займовъ и т. под. пока не пришлось дѣлать.

(Окончаніе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Николаевской церкви села Груни, Лебединскаго уѣзда, *Николай Шосте* утвержденъ законоучителемъ въ Груньскомъ народномъ училищѣ.

— Совершавшій Богослуженіе въ Сумскомъ тюремномъ замкѣ, заштатный священникъ *Герасимъ Кузнецовъ*, 25 декабря 1885 года, волею Божіею умеръ.

— Священникъ домовоі церкви въ имѣніи г-жи *Калушной*, въ с. Николаевкѣ, Сумскаго уѣзда, *Іоаннъ Сапухинъ*, согласно прошенію его, Его Преосвященствомъ, 13 января н. г., уволенъ отъ занимаемаго имъ мѣста.

— На священническое мѣсто при Екатерининской церкви села Анишскаго, Лебединскаго уѣзда, 15 января н. г., перемѣщенъ священникъ Дмитріевской церкви с. Стецковки, Сумскаго уѣзда, *Измаилъ Дмитріевъ*, а на его мѣсто опредѣленъ 20 числа того-же мѣсяца надзиратель Ахтырскаго духовнаго училища, *Іванъ Виноградскій*.

— Псаломщикъ Краснопольской Успенской церкви Ахтырскаго уѣзда, *Василій Стефановъ* Его Преосвященствомъ, 1 января 1886 года, рукоположенъ въ санъ діакона съ утвержденіемъ его штатнымъ діаконемъ къ сей-же церкви.

— Діаконъ Сумской гимназической церкви *Іоаннъ Крыжановскій*, 26 декабря 1885 года, волею Божіею умеръ.

— Псаломщикъ Троицкой церкви г. Волчанска, *Василій Ковалевскій* опредѣленъ штатнымъ діаконемъ къ Успенской церкви слободы Заводъ, Волчанскаго уѣзда; мѣсто-же псаломщика при Волчанскомъ Троицкомъ соборѣ праздно.

— Псаломщикъ сл. Ново-Бѣлгорода Преображенской церкви, Волчанскаго уѣзда, *Аристархъ Веселовскій* утвержденъ штатнымъ діаконемъ той-же церкви.

— Псаломщикъ слободы Сычевки, Старобѣльскаго уѣзда, *Щелоковскій* переведенъ штатнымъ діаконемъ къ церкви въ слободу Донцовку, Старобѣльскаго уѣзда.

— Діаконъ Соборно-Троицкой церкви г. Волчанска, *Іоаннъ Люковъ*, согласно прошенію, по болѣзни уволенъ за штатъ.

— Штатный діаконъ Николаевской церкви села Жпхора, Харьковскаго уѣзда, *Іоаннъ Пономаревъ* перемѣщенъ на штатное діаконское мѣсто при Вознесенской церкви села Люботина, Валковскаго уѣзда.

— Діаконъ Троицкой церкви села Гракова, Зміевскаго уѣзда, *Митрофанъ Архангельскій* утвержденъ законоучителемъ Граковскаго сельскаго училища.

— Псаломщикомъ къ Иоанно-Предтечевской церкви села Штеповки, Лебединскаго уѣзда, Его Преосвященствомъ, 9 января 1886 года, опредѣленъ сынъ умершаго священника, бывшій воспитанникъ 3-го класса Ахтырскаго духовнаго училища, *Василій Грызодубовъ*.

— Праздное мѣсто псаломщика при Николаевской церкви слободы Сычевки предоставлено сыну священника, *Алексѣю Слюсареву*.

— Псаломщикамъ Старобѣльскаго уѣзда: слободы Новой-Айдаря, *Петру Быковцеву*, слободы Волкодзавоной *Порфирію Чебанову*, слободы Безгиповой *Симеону Бестѣтъ* и слободы Варваровка *Прокофію Ильицеву* и *Александру Исиченкову* за ревностное исполненіе ими своихъ обязанностей, очень хорошее поведеніе, безмездное занятіе въ церковно-приходскихъ школахъ и устройство однимъ изъ нихъ хорошаго хора пѣвчихъ, объявлено одобреніе епархіальнаго начальства со внесеніемъ въ формулярныя ихъ списки.

— 22 января 1886 года опредѣлены на псаломщицкія мѣста: а) бывшій воспитанникъ 1-го класса Харьковской духовной семинаріи, *Иванъ Федоровъ* — къ Вознесенской церкви села Хорошева, Харьковскаго уѣзда и б) бывшій ученикъ 3-го класса Харьковскаго духовнаго училища, *Иванъ Андроновъ* — къ Вознесенской церкви заштатнаго города Золочева, того же уѣзда.

— 20 января 1886 года къ Успенской церкви слободы Комаровки, Купянскаго уѣзда, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто, бывшій ученикъ Харьковскаго духовнаго училища, *Павель Ковалевскій*.

— Утверждены церковными старостами: при Архангело-Михайловской церкви села Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Яковъ Геращенко*; къ Архангело-Михайловской церкви села Малаго Исторона, Лебединскаго уѣзда, 16 января 1886 года, утвержденъ на первое трехлѣтіе крестьянинъ *Симеонъ Петровичъ Панченко*; къ Покровской церкви села Писаревки, Сумскаго уѣзда, 16 января 1886 года, утвержденъ на 7 трехлѣтіе крестьянинъ *Иванъ Никифоровичъ Касьяновъ*; къ Васильевской церкви с. Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда, 16 января 1886 г., утвержденъ на третье трехлѣтіе крестьянинъ *Василій Стефановичъ Санченко*; къ Рождество-Богородичной церкви с. Николаевки, Сумскаго уѣзда, 16 января 1886 года, утвержденъ на первое трехлѣтіе Сумской мѣщанинъ *Емельянъ Александровичъ Пащенко*; слободы Бѣловодска къ Успенской безприходной церкви, Старобѣльскій мѣщанинъ *Иванъ Ивановичъ Мисляниковъ*; слободы Климовки, Старобѣльскаго уѣзда, къ Митрофаніевской церкви, крестьянинъ *Антоній Гладко*; къ Покровской церкви села Малой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Онуфрій Суббота*. Потомственный почетный гражданинъ, Харьковскій 1-й гильдіи ку-

пецъ *Никита Полуехтовъ* утвержденъ церковнымъ старостою къ церкви Маріи Магдалины, Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, 21 января 1886 года.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Нѣкоторыя ненормальныя явленія въ дѣлѣ исповѣди духовенства.— Къ вопросу о необходимости элементарнаго медицинскаго образованія для сельскихъ священниковъ.— Образцовыя церковно-приходскія школы.— Отчетъ Православнаго Миссіонерскаго общества за 1884 годъ.— О необходимости построить въ Токио соборный православный храмъ.— Гоненія на христіанъ въ Тонкинѣ.— Нѣкоторыя финансовыя распоряженія правительства.— Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ въ Южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ.

— Въ „Донскихъ Епархіальныхъ Вѣд.“ (№ 23) помѣщена замѣтка: „Слова два нашимъ духовнымъ отцамъ“, въ которой авторъ приводитъ нѣкоторыя ненормальныя явленія въ дѣлѣ исповѣди духовенства. Такъ, онъ, между прочимъ, указываетъ на то, что оо. духовники, сами посѣщая свои округа, не извѣщаютъ заранее причтовъ о своемъ прибытіи и потому застаютъ ихъ всегда нисколько не подготовленными къ исповѣди. Кающійся долженъ углубиться въ самого себя, прослѣдить всю свою жизнь, внимательно остановиться на своемъ внутреннемъ мірѣ, взвѣсить всѣ грѣховныя страсти, порочныя привычки, и тогда уже, съ полнымъ сознаниемъ своей виновности предъ Богомъ, долженъ приступить къ духовному врачу... А между тѣмъ на дѣлѣ бываетъ нерѣдко такъ, что о. духовникъ пріѣзжаетъ въ такое время—особенно въ филипповскомъ посту,—когда члены причта бываютъ заняты разными хозяйственными работами, бросить которыя иногда бываетъ очень неудобно. Обстоятельство это, по мнѣнію автора, легко можетъ быть устранено тѣмъ, если оо. духовники будутъ заранее извѣщать причты о времени своего пріѣзда. Кроме этого, въ замѣткѣ указывается еще и на то, что пріѣзды эти лучше-бы всего совершать въ великомъ посту, когда ежедневная служба, самый характеръ и содержаніе оной, отсутствіе постороннихъ заботъ по хозяйству особенно располагаютъ къ религіозному настроенію и углубленію въ самого себя. Если-бы оказалось, что у духовника въ великомъ посту ежедневная служба въ своемъ приходѣ препятствуетъ стлучаться, то это препятствіе можно легко устранить, назначая на время его кратковременной отлучки въ его церковь священниковъ изъ двухкомплектныхъ приходо-въ.

— Въ газетѣ „Новости“ нѣкто г. А. помѣстилъ статью, въ которой указываетъ на необходимость хотя-бы элементарнаго медицинскаго образованія для нашихъ сельскихъ священниковъ. „Свя-

щенники въ нашихъ селахъ, помимо своихъ спеціальныхъ обязанностей отправлять богослуженіе и требы, по самому положенію своему среди малоразвитой народной массы, должны принимать на себя много и другихъ обязанностей, въ родѣ учительской, разъяснителей законовъ, а чаще всего — врачей. Хотя и учителя, и лица, вѣдающія и примѣняющія законы, и врачи имѣются среди крестьянскаго населенія, но количество ихъ оказывается недостаточнымъ и мужикъ чаще всего обращается въ затруднительныхъ случаяхъ къ своему священнику, какъ къ просвѣтительной силѣ, находящейся всего ближе къ нему. Третья изъ названныхъ нуждъ, т. е. нужда во врачебной помощи, болѣе всего затрудняетъ священниковъ. Изъ зовутъ и на родины, и на крестины, и къ труднобольному, и почти всегда у нихъ спрашиваютъ совѣта. Отсылать каждаго такого вопрошающаго къ земскому врачу или фельдшеру равносильно иногда отказу помочь, ибо врачебные пункты расположены одинъ отъ другаго далеко, да и персоналъ ихъ бываетъ иногда въ разъѣздахъ и не можетъ всегда поспѣвать во-время. Всякій знаетъ, что самое пустынное заболѣваніе, при совершенномъ отсутствіи врачебной помощи, бываетъ причиною смерти. Въ этихъ случаяхъ совѣтъ и помощь находящагося подъ рукою священника могли-бы положительно спасти отъ смерти. Это тѣлесное врачеваніе подняло-бы еще выше въ глазахъ населенія личность священника, а вмѣстѣ съ тѣмъ выиграло-бы и дѣло спасенія душъ въ православной вѣрѣ. Не имѣя возможности оказать обращающимся къ нему больнымъ просимую ими помощь, священникъ безсиленъ бороться противъ знахарей, эксплуатирующихъ народное невѣжество; какъ-бы то ни было, знахарь все-же берется лечить, лечить и иногда вылечиваетъ, если не доведетъ до смерти. Извѣстно, что утопающій хватается за соломенку, зная, что она спасти его не можетъ. Священнику въ этихъ случаяхъ остается равнодушно смотрѣть, какъ беспомощно умираетъ человѣкъ, или какъ орудуетъ знахарка, причемъ авторитетъ его падаетъ“.

Какъ извѣстно, до преобразованія курса ученія въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ въ ихъ старшихъ классахъ преподавался, въ краткой энциклопедической формѣ, курсъ медицины; хотя въ настоящее время нельзя ожидать возстановленія медицины въ семинаріяхъ, однако, по мнѣнію газеты, представляется возможнымъ теперь-же дать способъ сельскимъ священникамъ оказывать медицинскую помощь. Для этого необходимо было-бы снабдить сельскихъ священниковъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые изъявляютъ

согласіе, небольшими аптечками съ наиболѣе нужными медикаментами и обстоятельнымъ наставленіемъ къ употребленію лекарствъ въ случаяхъ несерьезныхъ заболѣваній. Многіе священники, удовлетворяя настойчивой потребности, на свои средства заводятся лекарствами и лечебниками, но это не всегда имъ подѣ силу, а потому земства должны бы въ этомъ случаѣ прійти на помощь населенію. Помощь эта очень недорогога сравнительно съ результатами, какіе она можетъ дать; было-бы, поэтому, желательно, чтобы на вопросъ этотъ обратили вниманіе люди, близко стоящіе къ народной жизни и имѣющіе власть и возможность сдѣлать это.

— Епархіальные съѣзды духовенства часто упрекались въ преданности грубо матеріальнымъ интересамъ, доходящей до забвенія болѣе возвышенныхъ интересовъ духовно-церковнаго служенія. Эти упреки постоянно опровергаются дѣйствительными постановленіями съѣздовъ. Такъ съѣздъ Волынскаго духовенства, ревнуя о высшихъ интересахъ духовно-правственнаго просвѣщенія народа и озабочиваясь учрежденіемъ образцовой церковно-приходской школы при мѣстной духовной семинаріи, не стѣняясь выраженною въ актахъ духовенства благочинническихъ округовъ скудостію средствъ какъ духовенства, такъ и церквей, постановилъ: вносить ежегодно, начиная съ настоящаго года, на содержаніе образцовой церковно-приходской школы по 50 к. отъ каждой церкви и по 50 коп. отъ причта, полагая, что могущая образоваться отъ этихъ взносовъ сумма вполне можетъ быть достаточною на содержаніе образцовой церковно-приходской школы.

— Образцовая церковно-приходская школа открыта и при Таврической духовной семинаріи, матеріальная сторона которой въ значительной степени обезпечена благороднымъ усердіемъ почетнаго блюстителя семинаріи потомственнаго почетнаго гражданина Н. Н. Уварова, построившаго на свои средства особое зданіе для образцовой школы съ обѣщаніемъ ежегоднаго взноса въ 500 р., изъ которыхъ 300 р. назначены исключительно на ея матеріальныя нужды.

— Поднятіе церковно-религіознаго самосознанія естественно должно отразиться и на оживленіи миссіонерскаго духа. Но наша собственная внутренняя церковно-религіозная жизнь требуетъ столько силъ и средствъ для себя, что замѣтнаго одушевленія миссіонерскаго духа еще не видится, какъ можно судить по „отчету православнаго миссіонерскаго общества за 1884 годъ“. Всего въ обществѣ членовъ было 8,370 человѣкъ, пожертвованій поступило 128,457 р. 82½ к., что съ присоединеніемъ церковно-кружечнаго сбора со-

ставляетъ 161,818 р. 91³/₄ к. Расходъ-же составлялъ 167,656 р. 16 к., такъ что необходимо было сдѣлать заимствованіе изъ запаснаго капитала. Въ сложности съ остаткомъ отъ 1883 г. въ 558,076 р. 50 к. всѣхъ суммъ по 1 января 1885 года въ приходѣ общества было 719,895 р. 41³/₄ к. Общество выражаетъ особенную признательность Харьковскому комитету, пожертвованія котораго въ отчетномъ году увеличились вдвое противъ прежнихъ лѣтъ.

— Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ (№ 336) напечатано письмо преосвященнаго Николая, епископа Ревельскаго—начальника Японской миссіи. Въ письмѣ этомъ преосвященный указываетъ на необходимость построить въ Токио соборный православный храмъ. Необходимость эта мотивируется тѣмъ, что въ настоящее время въ этомъ городѣ только двѣ очень маленькія церкви, которыя не могутъ вмѣстить и трети православныхъ японцевъ, слѣдовательно большинство христіанъ не имѣетъ возможности участвовать въ церковномъ богослуженіи, что не только прискорбно, но крайне вредно для нихъ. „Новымъ христіанамъ, чтобы не ослабѣть въ вѣрѣ, нужно постоянно питаться отъ ученія и таинствъ св. Церкви. Съ умноженіемъ числа христіанъ и расширеніемъ предѣловъ Церкви прилично намъ, русскимъ православнымъ, имѣть по крайней мѣрѣ въ центрѣ Японской православной церкви полное благолѣпное богослуженіе, а здѣсь и священнику съ діакономъ тѣсно служить. Епископъ же гдѣ, какъ должно, поставитъ свою кафедру? И новый христіанинъ гдѣ увидитъ красоту своего богослуженія? Гдѣ увидитъ оную и будетъ тѣмъ тронутъ и привлеченъ къ ученію Христову и язычникъ?“ Кроме того православіе здѣсь на ряду и на виду у всѣхъ другихъ христіанскихъ миссій, а слѣдовательно оно и во внѣшнемъ отношеніи не должно находиться въ униженномъ состояніи... Впрочемъ построеніе церкви уже начато. Въ 1879 и 1880 гг. преосв. Николай былъ въ Россіи и собралъ тогда на этотъ предметъ до 131 т. р., но деньги эти теперь почти израсходованы, а храмъ еще не доведенъ до конца, такъ какъ по мѣстнымъ условіямъ постройка стоитъ очень дорого и кроме того требуется особенная прочность зданія въ виду частыхъ и сильныхъ землетрясеній и пожаровъ. Единственная надежда на благопріятный исходъ дѣла это—помощь христіолюбивыхъ братій русской Церкви, поэтому онъ и проситъ въ письмѣ „вникнуть *сердцемъ* въ насущную потребность Японской церкви“.

— О страшныхъ гоненіяхъ на христіанъ въ Тонкинѣ и прилегающихъ областяхъ Китая получены въ „Римской пропагандѣ“ бо-

лѣе точныя свѣдѣнія. Изъ нихъ видно, что тамъ по 1 ноября минувшаго года умерщвлено: 9 французскихъ миссіонеровъ, 7 туземныхъ священниковъ, 60 катихизаторовъ, 270 туземныхъ инокинъ, 24,000 христіанъ; 200 церковныхъ домовъ совершенно разрушено, 225 церквей сожжено, 17 сиротскихъ пріютовъ, 10 женскихъ монастырей, двѣ земледѣльческихъ колоніи, двѣ семинаріи и двѣ алтеки разрушены. Въ сѣверной Кохинхинѣ убито 7,000 христіанъ, въ числѣ ихъ 9 туземныхъ священниковъ, и 60 церковныхъ домовъ разрушено. Вся эта кровавая и разрушительная оргія китайской черни происходила на глазахъ „славныхъ“ войскъ французской республики, оказавшихся безсильными отвратить это ужасное бѣдствіе, вся отвѣтственность за которое исключительно падаетъ на безумную политику республиканскаго правительства...

— Въ виду состоявшагося Высочайшаго повелѣнія объ отмѣнѣ съ 1 января 1887 года подушной подати окончательно для всѣхъ плательщиковъ въ имперіи, за исключеніемъ Сибири, въ министерствѣ финансовъ приступлено къ составленію предположеній о преобразованіи къ тому времени оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ, съ тѣмъ чтобъ общая сумма имѣющихъ замѣнить ее выкупныхъ платежей превышала не болѣе чѣмъ на 45% нынѣшнюю общую сумму этой подати и чтобы распредѣленіе упомянутыхъ платежей между селеніями было, по возможности, соразмѣрено съ дѣйностью и доходностью состоящихъ въ ихъ распоряженіи надѣловъ.

— Введенный въ недавнее время налогъ съ имущества переходящихъ безмезднымъ способомъ, особенно пошлина съ наследственныхъ имуществъ, за короткое время успѣлъ уже обнаружить массу неудобствъ въ примѣненіи его на практикѣ. Къ числу самыхъ существенныхъ недостатковъ относится обязательство для наследника вносить пошлину до полученія наследства наличными деньгами. Въ устраненіе такого неудобства, нерѣдко наносящаго значительный матеріальный ущербъ наследникамъ, рѣшено положеніе о пошлинѣ съ наследственныхъ имуществъ измѣнить въ такомъ смыслѣ, что, при отсутствіи у наследниковъ наличныхъ денегъ, для взноса всей или части пошрины, судъ обезпечиваетъ слѣдующую казнь сумму удержаніемъ изъ наследственныхъ денегъ. Кроме того въ министерствѣ юстиціи разрабатываются въ настоящее время подробныя правила для мировыхъ судей, которыми они могли бы руководствоваться при поступающихъ къ нимъ нерѣдко ходатайствахъ объ отсрочкѣ взноса въ законный срокъ платежей

по установленному налогу съ наследствъ. При этомъ для ускоренія поступленій пошлинъ мировымъ судьямъ предоставлено будетъ самимъ отклонять ходатайства объ отсрочкахъ платежей, когда мотивы, выставляемые плательщиками, не будутъ найдены уважительными.

О Т Ч Е Т Ъ

Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ въ Южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ.

По 30-е іюня 1885 года.

Къ 1-му января 1885 г. капиталъ Комитета заключался: А) Въ процентныхъ бумагахъ: 1) Облигаціяхъ 3-го Восточнаго займа, на сумму по нарицательной ихъ цѣнѣ 323,300 р. 2) Такихъ-же облигаціяхъ 1-го займа, на сумму по нарицательной ихъ цѣнѣ 150 р. 3) Свидѣтельствахъ Государственной Коммиссіи погашенія долговъ на 6⁰/₀ золотую ренту, на сумму по нарицательной ихъ цѣнѣ 91,500 р. 4) Облигаціяхъ С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества, на сумму по нарицательной ихъ цѣнѣ 500 р., всего 415,450 р. В) Въ наличныхъ деньгахъ, на сумму 14,730 руб. 71¹/₂ к. Итого 430,180 р. 71¹/₂ к. Къ нимъ поступило съ 1-го января по 30 іюня 1885 года: А) процентными бумагами: куплено: 1) 4 свидѣтельства Государственной Коммиссіи погашенія долговъ на 6⁰/₀ золотую ренту, на сумму по нарицательной цѣнѣ 11,750 р. 2) 6 — 5⁰/₀ облигацій 3-го Восточнаго займа, на сумму по нарицательной цѣнѣ 600 р. 3) 3 — 5⁰/₀ облигаціи С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества, на сумму по нарицательной цѣнѣ 300 р., всего 12,650 р. В) Наличными деньгами: пожертвованій: чрезъ хозяйственное управленіе при Св. Синодѣ, на 14,885 р. 31 к. Непосредственно въ Комитетъ, на 122 р., всего 15,007 р. 31 к. Процентомъ: по процентнымъ бумагамъ, состоящимъ въ капиталѣ Комитета 12,434 р. 22 к. На суммы, находившіяся на текущемъ счетѣ въ 1884 г. 294 р. 02 к., всего 12,728 р. 24 к. Итого, съ 1-го января по 30-е іюня, въ приходѣ 40,385 р. 55 к. А всего съ остаткомъ въ приходѣ къ 1-му іюля 1885 года 470,566 р. 26¹/₂ к. Съ 1-го января по 30-е іюня израсходовано наличными деньгами: отпущено завѣдывающему постройкою храма, инженеръ-капитану Успенскому: а) на расходы по проѣзду его изъ Кіева въ Петербургъ и обратно 150 р.; б) путевыхъ отъ Кіева до мѣста постройки храма 1,200 р., в) на приобрѣтеніе чертежныхъ инструментовъ и рабочихъ припасовъ 150 р.; г) содержаніе за апрѣль и май 400 р.; д) авансомъ на первоначальные расходы по организаціи дѣла постройки 300 р., всего 2,200 руб. Выдано поступившему въ распоряженіе завѣдывающаго постройкою десятнику Максимову путевыхъ отъ С.-Петербурга до Кіева и въ счетъ содержанія ему 40 р. Уплатено полковнику Тимлеру за составленіе, для сооружаемаго храма, списковъ убитымъ и умершимъ отъ ранъ въ кампанію 1877—1878 годовъ воинамъ 600 р. Пере-

ведено въ Филиппополь, въ распоряженіе мѣстнаго отдѣленія Комитета, на расходы по постройкѣ 5,000 р. Издержано на дѣлопроизводство, помѣщеніе канцеляріи, канцелярскія принадлежности, печатаніе бланковъ, телеграфные и почтовые расходы, освѣщеніе и т. п. 757 р. 49 к. Уплачено Государственному банку за храненіе цѣнностей 29 р. 90 к., всего 8,627 р. 39 к. Употреблено на покупку: а) 4-хъ свидѣтельствъ Государственной Комиссіи погашенія долговъ на 6% золотую ренту, на 11,750 р. нарицательной стоимости 19,931 р. 61 к.; б) 6 — 5% облигацій 3-го Восточнаго займа, на 600 р. нарицательной стоимости 595 р. 03 к.; в) 3—5% облигацій С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества, на 300 р. нарицательной стоимости 262 р. 12 к., всего 20,788 р. 76 к. Итого, съ 1-го января по 30-е іюня, въ расходѣ 29,416 р. 15 к. Затѣмъ къ 1-му іюля 1885 года въ остаткѣ: а) процентными бумагами: 1) 5% облигацій 3-го Восточнаго займа, на сумму по нарицательной цѣнѣ 323,900 р., 2) 5% облигацій 1-го Восточнаго займа, на сумму по нарицательной цѣнѣ 150 р., 3) свидѣтельство Государственной Комиссіи погашенія долговъ на 6% золотую ренту, на сумму по нарицательной цѣнѣ 103,250 р., 4) 5% облигацій С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества, на сумму по нарицательной цѣнѣ 800 р., всего 428,100 р. В) Наличными деньгами: а) хранящихся на особомъ счетѣ въ Государственномъ банкѣ 12,690 р. 35½ к., б) находящихся въ кассѣ Комитета 359 р. 76 к., всего 13,050 р. 11½ к., итого въ наличности 441,150 р. 11½ к., балансъ 470,566 р. 26½ к. Изъ общей наличной суммы 441,150 р. 11½ к., 110,800 р. 5% облигаціями 3-го Восточнаго займа и 2,763 р. 63½ к. кредитными билетами составляютъ неприкосновенный запасный капиталъ на обезпеченіе причта и будущаго ремонта сооружаемой церкви, а 4—5% облигаціи С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества, на 800 р. и 1—5% облигація 3-го Восточнаго займа, на 100 р. имѣютъ данныя жертвователями спеціальныя назначенія.

Съ открытія Комитета по 30-е іюня 1885 года всего поступило: пожертвованій на 425,814 р. 94 к., процентовъ на оныя 87,881 р. 34 к., всего 513,696 р. 28 к. Кромѣ того получено прибыли при продажѣ и покупкѣ въ 1880 году процентныхъ бумагъ 17 р. 18 к. Выручено отъ продажи процентныхъ бумагъ (облигацій 3-го Восточнаго займа на сумму 100,000 р. нарицательныхъ) 96,784 р. 03 к., всего 610,497 р. 49 к. Употреблено изъ оныхъ на покупку процентныхъ бумагъ (помѣщено въ процентныя бумаги) 568,549 р. 47½ к. Израсходовано 28,247 р. 90 к., всего 596,797 р. 37½ к. Въ остаткѣ 13,700 р. 11½ к. Въ томъ числѣ процентными бумагами, поступившими отъ жертвователей (въ числѣ 425,814 руб. 94 коп.)—650 руб. Дѣйствительный остатокъ наличными деньгами 13,050 р. 11½ к. Куплено за 568,549 р. 47½ к. процентныхъ бумагъ по нарицательной цѣнѣ, на сумму 527,450 р. Изъ нихъ продано 100,000 р. Остается 427,450 р. А съ присоединеніемъ вышеозначенныхъ 650 р. итого въ наличности процентными бумагами 428,100 р.

Поступившія пожертвованія распределяются по источникамъ поступленія слѣдующимъ образомъ: Всемиловивѣше пожаловано въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ 1,000 р. Пожертвовано Его Высочествомъ Княземъ Болгарскимъ 400 р. Пожертвовано начальниками, офицерами, нижними чинами и вообще служащими отдѣльныхъ воинскихъ частей, сухопутныхъ и морскихъ 30,028 р. 22 к. Поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертвованныхъ и собранныхъ епархіальными архіереями, монастырями, благочинными, приходскими священниками, причетниками и консисторіальными чиновниками 160,195 р. 38 к. (NB. Въ томъ числѣ пожертвованныхъ Аѳонскими монастырями 8,122 р.). Пожертвовано начальниками, преподавателями и учащимися учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣдомствъ 5,875 р. 55 к. Пожертвовано служащими въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства 20,894 р. 75 к. Поступило отъ дворянства какъ коллективно, такъ и собранныхъ по подписнымъ листамъ и пожертвованныхъ предводителями дворянства 7,449 р. 86 к. Пожертвовано городскими думами, а также пожертвовано и собрано по подпискѣ городскими головами, членами городскихъ управъ и служащими въ нихъ 55,267 р. 22 к. (NB. Въ томъ числѣ пожертвовано Московскою Городскою Думою, въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича—50,000 р.). Собрано и пожертвовано членами земскихъ управъ и мировыхъ учреждений и служащими въ нихъ 6,887 р. 22½ к. Собрано и пожертвовано начальниками губерній и полицейскими чинами 77,985 р. 89 к. Отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россійскаго Общества Краснаго Креста 4,447 р. 05 к. Отъ русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ за границую 6,559 р. 05½ к. Отъ ярмарочныхъ комитетовъ 991 р. 91 к. Отъ частныхъ банковъ обществъ и учреждений 2,222 р. 40 к. Отъ желѣзнодорожныхъ и паровыхъ обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ 16,813 р. 62 к. Отъ содержателей фабрикъ и заводовъ 8,539 р. 82 к. Отъ купцовъ и торговыхъ обществъ и компаній 5,763 р. 07 к. Отъ мѣщанъ, ремесленниковъ и рабочихъ артелей 931 р. 44 к. Непосредственно отъ крѣстьянъ 7,496 р. 85 к. Отъ клубовъ и общественныхъ собраний 430 р. 50 к. Отъ разныхъ лицъ чрезъ редакціи газетъ и отдѣльно 4,483 р. 46 к. Отъ содержателей гостинницъ и трактирныхъ заведеній 700 р. 47 к. Отъ биржевыхъ маклеровъ и нотариусовъ 451 р. 30 к. Всего 425,814 р. 94 к. Кромѣ денежныхъ пожертвованій въ Комитетъ поступили отъ нижепоименованныхъ лицъ слѣдующія приношенія иконами, церковною утварью и другими предметами: въ 1880 году, отъ А. О. Лутушиной — образъ св. Апостоловъ Петра и Павла въ серебряной ризѣ. Отъ настоятеля и братіи Благовѣщенской Никандровой пустыни, Псковской епархіи—икона преподобнаго Никандра Псковскаго, на кипарисѣ, два экземпляра службы и житія угодника, серебряный вызолоченный крестъ и св. Евангеліе въ бархатѣ съ серебряными украше-

ніями. Въ 1881 году: отъ мануфактуръ-совѣтника Н. И. Оловянишникова — церковная утварь, именно: 9 подсвѣчниковъ, 2 лампы, 2 кадила, 3 блюда, 2 кропила, 2 креста, ковчегъ, Евангеліе, пасхальная свѣча, ганихидница, мѣропомазаяница, ковшикъ съ тарелочкою, чайникъ, тазъ, умывальникъ, купель, чаша, — мѣдные посеребрённые и 5 колоколовъ въ 25 пудовъ вѣса. Отъ священника Николаевскаго прихода, слободы Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской епархіи, Самуила Федорова — два шелковыхъ платка для престола. Въ 1882 году: отъ купеческой дочери Е. А. Очкиной — церковная утварь, доставленная священникомъ Николаевской церкви въ г. Пензѣ, Григоріемъ Соколовымъ, состоящая изъ дискаса, потира, звѣздицы, лжицы, копія, ковшика и двухъ блюдеъ; 73 аршина новины (холста), доставленные Ярославскимъ губернаторомъ (приношеніе мѣстныхъ крестьянъ). Въ 1883 году: отъ крестьянъ Глѣбовской волости, Рыбинскаго уѣзда, Ярославскій губерніи — ящикъ съ серебряными позолоченными церковными сосудами, состоящими изъ чашки, потира, дискаса съ принадлежностями, пожертвованными въ память 25-лѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. Отъ Благочиннаго Боровскаго собора, священника Василя Казанскаго — 26 аршинъ холста. Въ 1885 году: отъ бывшаго священника Л.-Гв. егерскаго полка, протоіерея Павла Фаворскаго — образъ Рождества Христова въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ, украшенномъ драгоценными камнями, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. Отъ С. Петербургскаго Охтенскаго столярнаго, рѣзнаго и позолоченныхъ дѣлъ мастера Василя Ивановича Иконникова — киотъ краснаго дерева, рѣзной, съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, древняго письма, въ серебряномъ окладѣ и позолоченной рамѣ; размѣръ образа 18½ верш. въ вышину и 14½ верш. въ ширину, а киота 3 арш. 7 верш. въ вышину и 1 аршин. 13½ верш. въ ширину. Разновременно отъ неизвѣстныхъ — святцы мѣсячные, печатанные олеографіей на холстѣ, и двѣ брошюры подъ заглавіями: „Св. равноапостольные Просвѣтителі славянъ Кириллъ и Меодій“ и „Слово въ день Св. равноапостольныхъ славянскихъ Просвѣтителі Кирилла и Меодія, произнесенное 11 мая 1882 года въ Исаакіевскомъ соборѣ. протоіереемъ Іоанномъ Палисадовымъ“.

Въ іюнѣ сего года, по прибытіи на мѣсто постройки командированнаго съ Высочайшаго соизволенія въ распоряженіе Комитета, для завѣдыванія постройкою, капитана Успенскаго, приступлено было къ подготовительнымъ распоряженіямъ по организациі работъ. Въ началѣ сентября сдѣлана была нивелировка какъ мѣстности вокругъ будущей церкви, такъ и мѣста, избраннаго для постройки дома, имѣющаго служить для временнаго жилья строителя и помѣщеніемъ строительной конторы, а впоследствии — жильемъ для священника и причетниковъ, и выстроены небольшой временный навѣсъ для матеріаловъ. Кроме того строился сарай, длиною въ 10 саж., для склада матеріаловъ и временнаго помѣщенія ра-

бочихъ. Къ тому-же времени заготовлено было, для постройки конторскаго дома и сарая до 800 пуд. извести, до 30 куб. метр. песку, до 28 куб. метр. камня, до 190 штукъ буковыхъ получистыхъ брусевъ, до 190 штукъ досокъ и 100 возовъ глины; сдѣланы пробныя обжоги известковыхъ камней изъ разныхъ карьеръ, и кирпича изъ Шинкинской глины; заказано на Шейновскомъ кирпичномъ заводѣ, для опыта, до 8000 кирпича русскаго размѣра; проведена удобопрѣзжая дорога въ ближайшее ущелье, къ мѣсту ломки камня на протяженіи до 100 саж. На работахъ находилось трое русскихъ рабочихъ, изъ нихъ два каменщика, одинъ плотникъ и 8 чело-вѣкъ мѣстныхъ чернорабочихъ.

Затѣмъ предполагено было, въ концѣ августа или въ началѣ сентября, приступить къ торгамъ на поставку матеріаловъ; и была полная надежда настолько подвинуть зимою пригготовительныя работы, чтобы приступить весною къ закладкѣ храма. Къ сожалѣнію, неожиданно возникшія, въ началѣ сентября, въ краѣ, усложненія поставили Комитетъ въ необходимость пріостановить, впредь до водворенія тамъ прочнаго порядка, дальнѣйшее развитіе строитель-ныхъ работъ, ограничиваясь лишь начатыми подготовительными постройками и заготовками.

По предложенію генеральнаго консула въ Филиппополѣ, вновь избраны, 25 іюля и 1 сентября текущаго года, въ члены мѣстнаго отдѣленія Комитета: тогдашній директоръ общественныхъ работъ, торговли и земледѣлія въ Восточной Румелии, докторъ Георгій Хакановъ и состоявшіе въ Румелійской милиціи капитаны русской службы: генеральнаго штаба—Владиміръ Ивановичъ Харкевичъ и саперный—Николай Константиновичъ Соболевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ МОСКОВСКАГО МАГАЗИНА ЦЕРКОВНЫХЪ ВЕЩЕЙ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА ФИЛИМОНОВА

въ Харьковѣ.

Уголъ противъ Собора, рядомъ съ магазиномъ Алпатовой.

Въ магазинѣ всегда имѣется громадный выборъ готовыхъ священническихъ и діаконскихъ облаченій парчевыхъ и вышитыхъ по бархату, атласу и муаръ-глазету, а также имѣются: воздухи, плащаницы и хоругви, паникадила, подсвѣшники, семисвѣшники, пятисвѣшники, тройникъ, вѣнцы, кресты, сосуды съ приборами, блюда сборныя, антидорныя, всеощныя, панихидныя, лампады, кадила, кропила, крестильницы, дароносицы, чаши водосвятительныя, ковчеги и пр. изъ мельхіора и накладнаго серебра; имѣются также парча золотая и серебряная, настоящая и аплике, всевозможныя отдѣлки для ризъ и прочихъ вещей. По желанію настоятелей церквей, церковныхъ старостъ и прихожанъ совмѣстно, дѣлается разсрочка въ полученіи денегъ. Подробныя прейсъ-курранты высылаются немедленно и безплатно.

Павелъ Филимоновъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части — изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

✎ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.